

ГЛАВА VII

СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И НОВАЯ КАТАСТРОФА

НОВАЯ ИНВЕРСИЯ

Банкротство позднего умеренного авторитаризма означало, что вялая инверсия, попытка общества преодолеть инерцию истории, найти альтернативу за рамками исторически сложившихся циклов оказалась неудачной. Обществу не хватило массовой критической рефлексии своего исторического пути, уровня медиации, способности формировать срединную культуру.

Катастрофическое поражение в Крымской войне и неожиданная смерть императора произвели гнетущее впечатление, усиливая массовое дискомфортное состояние. Князь П. Кропоткин (1842-1921), теоретик анархизма, писал в своих воспоминаниях: «Ужас охватил как наш, так и соседние дома. Передавалось, что „народ" на базаре держит себя очень подозрительно... высказывает опасные мнения. Взрослые разговаривали не иначе как шепотом... Помещики ждали ежеминутно бунта крепостных — новой пугачевщины»¹. Для страха были определенные основания. Если в первой четверти века в год в Центральной России было восемь волнений, то в следующую четверть века их количество возросло до девятнадцати, а в 1851-1860 годах до сорока семи. Волнения, вопреки представлению о всемогуществе государства, способного вооруженной рукой подавить любое выступление недовольных, часто оканчивались победой крестьян, т. е. взятием помещика в опеку. Это могло быть связано со снижением оброка и отменой натуральных поборов, с отменой решений о переселении, с отказом помещика от попыток принудить крестьян работать на своих заводах, с уничтожением барщины, с возвращением отобран-

¹ *Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 94.*

ных земель и т. д. «Со временем независимость крестьян от помещиков росла»².

В сообщениях, поступающих из губерний, говорилось о «духе упорства и ослушания в исполнении не только вотчинных, но и правительственных распоряжений». Например, в 1858 году крестьяне ряда уездов Тверской губернии объявили себя вольными, отказывались от несения повинностей, самовольно уходили на заработки и игнорировали распоряжения помещиков. Крестьяне вышневолоцкой помещицы фон Ренгартен заявили полицейским и чиновникам: «Мы... уже вольны, и помещица над нами не имеет никакой власти». Чиновники свидетельствовали, что крестьяне не исполняли никаких обязанностей перед помещицей, «которую знать не хотят», уходили из имения, «кому где захочется, нанимались в других уездах на постройки в работы». Восставшие крестьяне одного из поместий Костромской губернии заявили, что «они теперь должны управляться миром, а не помещиком». В другом поместье крестьяне вырубили и продали помещичий лес, «в том убеждении, что земля принадлежит вся крестьянам, и помещица не имеет на нее права». Крестьяне отказывались платить подати. Костромской помещик Лугинин в 1857 году сообщает губернатору: «В имении моем проявляется брожение в умах крестьян и остановка в уплате оброка. Те же из крестьян, которые оброк отработывают в лесных дачах моих, стали всячески от исполнения сих работ уклоняться, не оказывая, впрочем, явного и общего неповиновения, но под разными предлогами и отговорками». Крестьяне одной из деревень вотчины князя Б. Черкасского запретили отправлять собранный оброк, будучи убеждены, что «скоро получат свободу и деньги их пропадут». Крестьяне помещика Салова отказались платить оброк, заявляя, что «они уже вольные» и т. д.³ В обществе складывалась драматическая ситуация. Рост утилитаризма, самосознания, активности крестьянства приводил к тому, что оно отслаивалось от государственности, отпихивалось от нее, пытаясь построить свою жизнь на принципах догосударственности, отказываясь воспроизводить большое общество, государственность. Миллионы людей творили историю, однако весьма слабо представляя, какую именно.

Банкротство позднего умеренного авторитарного идеала дало импульс новой инверсии, переходу к соборному идеалу,

² Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. М., 1978. С. 51.

³ Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России. 1800-1860 (По материалам центрально-промышленных губерний). М., 1980. С. 135—138 и др.

возврату к исходной точке движения государственности, т. е. к альтернативе в рамках сложившегося богатства культуры. Импульс инверсии шел не только от дискомфортного состояния, вызванного банкротством господствующего идеала предшествующего этапа, но и от остаточного дискомфорта состояния, обусловленного скрытым накоплением результатов банкротства ряда последовательных господствующих идеалов, начиная с крайнего авторитаризма. Инверсия, следовательно, накопила значительный потенциал, набирая массовую энергию в движении к господству соборного идеала. Это грозило придать процессу сокрушительный характер. Отход от вялой инверсии, от попыток преодолеть ограниченность возможностей альтернатив вне рамок инверсии, а также мощь накопленной инверсии таили в себе угрозу разрушительного конфликта распавшихся частей общества. В стране с массовым господством локализма это неизбежно ведет к громадным бедствиям. Правящая элита, находясь во власти новой инверсионной волны, несущей общество к катастрофической дезорганизации, вновь судорожно искала свою интерпретацию инверсии, вновь стала сближаться с духовной элитой.

Новая соборная инверсия стала интерпретироваться как либеральная.

ОТ УТИЛИТАРИЗМА К МАТЕРИАЛИЗМУ

Важнейшей движущей силой изменений в обществе было дальнейшее развитие утилитаризма не только умеренного, но и развитого. Развитой утилитаризм является нравственной основой для совершенствования производства, саморазвития инициативы, творчества. Утилитаризм возник из синкретизма, постепенно его расчленил, разрушая. Это, однако, не мешает тому, чтобы на протяжении громадных отрезков времени утилитаризм служил средством укрепления синкретизма.

Развитой утилитаризм с его ориентацией на прогресс производства, требующий развития личности, высокой оценки потребностей личности, в конечном итоге подготавливает почву для либерализма с его повышенным вниманием к духовным ценностям, идеалам свободы, саморазвития, законности, диалога и т. д. Но для духовной элиты России характерна стойкая неприязнь к утилитаризму. В. Белинский говорил о царстве «материальной животной жизни, чиновлюбия, крестолубия, деньголюбия, взяточничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов, торговли бесстыдной и наглой глупостью, посредственности, бездарно-

сти». Русская литература подхватила представление массового сознания о богаче как о воплощении зла. Гоголевский Плюшкин, Иудушка Салтыкова-Щедрина воплощали ужас перед, как казалось, нечеловеческой, безнравственной силой растущего утилитаризма, лишённого элементарной целесообразности. Вот картина, которую дал Салтыков-Щедрин. «В последнее время русское общество выщелило из себя нечто вроде буржуазии, т. е. новый культурный слой, состоящий из кабатчиков, процентщиков, железнодорожников, банковых дельцов и прочих казнокрадов и мироедов... В короткий срок эта празднующаяся гля успела опутать все наши палестины: в каждом углу она сосет, точит, разоряет и вдобавок нахальничает. Во многих городах и в особенности в деревнях она подла и невыносима. Это ублюдки крепостного права, выбивающиеся из всех сил, чтобы восстановить оное в свою пользу, в форме менее разбойничьей, но, несомненно, более воровской».

Г. Успенский говорит о «живорезном направлении» в деревне. Слова, которыми он описывает кулака: «жрет», «утроба» и т. д.— очень напоминают образы врагов у Аввакума. Это также синкретическое, чувственно воспринимаемое зло, не отделяемое от личности. Подобное направление литературы свидетельствовало не только о разрушительном воздействии утилитаризма на синкретизм, но и о неспособности духовной элиты на этом этапе найти формы ассимиляции утилитаризма. Общественное мнение, направленное против роста утилитаризма, не смогло осознать того, что утилитаризм в стране развивался не столько на своей собственной основе, сколько на основе синкретизма. Отсюда крайняя болезненность этого процесса. Утилитаризм опирался на древнюю нравственность, тем самым создавая химеры. Общество, двигаясь по пути утилитаризма, парадоксальным образом тяготилось им. Его рост не получил позитивной нравственной санкции ни в элитарном сознании, ни в массовом. Общество за это жестоко расплачивалось, так как носители утилитаризма начинали самоощущать себя в качестве носителей зла. Утилитаризм оказался как бы на нелегальном положении. Он выступал антиподом нравственных принципов, дьявольской силой, разрушающей жизнь. И в этом отношении Россия представляла собой противоположность Западу, где рост утилитаризма на определенном этапе находил обоснование в философских, этических, религиозных системах. *Тяга к утилитаризму и одновременно страх перед ним порождали раздвоенность сознания, усиливали нравственное напряжение, сознание греховности общественной жизни. Этот конфликт в условиях раскола общества приобрел застойную форму, стал элементом раскола. Сло-*

жилось, следовательно, своеобразное двойственное отношение к утилитаризму. Это открывало путь инверсионным крайностям в отношении к нему, переходу от ничем не ограниченного мироедства к попыткам его уничтожить. *Вся великая русская литература XIX века, несшая в себе гигантский нравственный заряд, была направлена против реального утилитаризма. Тем самым она толкала общество на борьбу не столько с его уродливыми формами, сколько с утилитаризмом как таковым.*

Впрочем, ограниченную нравственную санкцию утилитаризм получил в материализме, который пытался соединить его с синкретизмом. Трудно представить тот энтузиазм, который охватил русское образованное общество, овладевшее наконец истиной. В 50-60-х годах материализм проповедовали с большим эмоциональным подъемом, с истинно религиозным энтузиазмом. Русский философский материализм, формировавшийся на элитарном уровне, основывался на достижениях мировой культуры и являлся выражением общемировой тенденции.

Поворот к материализму в России происходил как переосмысление определенных сторон синкретизма средствами высшей культуры. Древняя Правда осмыслялась как тождественная реальности. Мифологическое мышление с его принципом «всё во всём» не знало различия между мыслью и реальным миром. А. Афанасьев писал: «В эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятие не могло быть иначе выражено, как чрез посредство материальных уподоблений. Поэтому кривизна служила для обозначения всякой неправды...»⁴. Для синкретического мышления все окружающее представлялось телесным, т. е. обладающим чувственно воспринимаемой формой. Материя стала преемницей языческого божества. Идол древнего славянина был капризен. Материя же рассматривалась как носительница однозначных строгих законов, включая, в конечном итоге, и нравственность. *Философский материализм в России противопоставляет материю и сознание как две абсолютные противоположности, но при этом сознание парадоксальным образом целиком определяется материей. Это представление можно рассматривать как философское воплощение раскола и умозрительную попытку его снять.* Оно несет в себе постоянную возможность отпадения человека от материи, которая воплощает Правду. Здесь воспроизводится старая тотемическая схема. Гарантом, истолкователем этой Правды выступали вла-

⁴ Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избр. статьи. М., 1982. С. 325.

стителю дум, журналисты, писатели, а затем и «отцы народа». Эта партиципация человека к объективным законам материи делает его владыкой мира, т. е. хозяином всех вещей и процессов, что открывает путь утилитаризму.

На Западе получила преобладание философия, выдвигающая на первый план активность человека. Это направление включало в себя и марксизм. В рамках последнего материализм приобрел антикапиталистический характер. В марксизме отрицалась необходимость творческой предпринимательской деятельности. Иначе говоря, принимались результаты развития капитализма — рост благосостояния, успехи науки и техники, но сам капитализм, создававший все более совершенные формы труда, деятельности, соответствующие формы конструктивной напряженности, отвергался. *Если западный материализм расчищал путь капитализму и либерализму, то русский вариант явился формой защиты общинных идеалов от капиталистических разрушений, от либерализма.* Европейский материализм развивался под лозунгом раскрепощения человека, переделки общества, созидания царства разума в процессе личного творчества.

Материализм в России унаследовал от синкретизма его монологический характер, признание возможности лишь одной точки зрения, противостоящей бесконечным заблуждениям. Этот монолог должен формироваться наукой, так как материализм рассматривает себя как ее результат и одновременно как ее основу. Возможно, именно в оценке науки с наибольшей силой сказалась связь русского материализма с синкретическим миропониманием. Наука в этом случае выступала как предмет веры. Материализм был одним из важных результатов утилитаризма, попыткой привязать человека к «науке» как внешней силе. Однако наука в этих условиях вопреки своей сути становилась отражением ранее сложившейся культуры, попыткой ее модернизировать, подчиняя не столько логике формирования предметного знания, сколько новым ценностям, возможно, новых социальных групп. Между расколотыми частями общества неизбежно складываются различные промежуточные группы. Важнейшая среди них — интеллигенция. Это был слой, который усваивал высшую культуру в той степени, в какой это позволяло перевести менталитет массового сознания на язык науки или того, что принималось за таковую. Относительная образованность интеллигенции позволяла интерпретировать явления социально-инверсионного типа на языке науки, например, трактовать бунт как революцию. Но этого было недостаточно для понимания сущности как бунта, так и революции. Представления элитарной культуры,

используемые для подобной интерпретации, блекнут, теряют свою внутреннюю связь с высшей культурой. Основной задачей интеллигенции было включение содержания массового сознания в культурный контекст большого общества, стремление преодолеть раскол между народной и элитарной культурой, возможно, через ликвидацию того или иного полюса. При этом народ с его нравственными принципами воспринимался как тотем, с которым интеллигенция должна находиться в состоянии партиципации. Поскольку речь шла об инверсионном, локальном сознании, эта деятельность интеллигенции тяготела фактически к ликвидации большого общества, государственности, по крайней мере в тенденции. Тем самым *интеллигенция игнорировала свою социальную функцию критики народного сознания*, стимуляции приобщения народа к реальным высшим ценностям культуры, хотя практически такой процесс в ограниченных масштабах имел место.

В монологических идеалах интеллигенции, в ее подчас доктринерском пренебрежении к ценностям культуры просвечивала и способность во имя абсолютной цели, т. е. высшего утилитарного блага, быть беспринципной в средствах вплоть до пренебрежения всеми нравственными ценностями. *Утилитаризм логически и исторически занял некоторое промежуточное состояние между синкретизмом и либерализмом*. Он сходен с синкретизмом в некритическом отношении к целям, в рассмотрении их как чего-то естественно заданного. Но утилитаризм, в отличие от синкретизма, отказывается от подобного отношения к средствам. Средства для него — это сфера поиска безгранично растущих возможностей. В этом определенное сходство утилитаризма с либерализмом. Однако между либерализмом и утилитаризмом существовало важное различие. Утилитаризм сохранил некритическое отношение к целям, тогда как либерализм, опираясь на науку, на представление о прогрессе, распространял критическое отношение и на них.

Интеллигенция стимулировала инверсионное сознание на уровне философии. *Материализм в стране стал философией инверсии*, которая нацеливалась единовременным актом утвердить на развалинах государственности высшую народную Правду. Революционеры, т. е. сторонники инверсии — бунта — революции, ставили своей задачей вызвать, ускорить, усилить массовую инверсию. Они верили в молниеносное чудо. «Мы не можем ждать... Революция в России действительно необходима и необходима именно *в настоящее время*. Мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления»⁵. Интел-

⁵ Ткачев П. Н. Избр. соч. М., 1933. Т. 3. С. 70.

лигенция говорила на языке науки и одновременно на языке синкретизма — с народом, и тем толкала его к инверсии. Еще Рылеев и Бестужев накануне 14 декабря 1825 года распускали в Петербурге слух о том, что покойный царь Александр дал народу волю, а Николай не желает выполнять волю прежнего царя. Восставшие офицеры объяснили народу на Сенатской площади, что «вот теперь немцы всем заправляют и угнетают народ». Об этом же стремлении говорить на языке народа, раствориться в его системе ценностей свидетельствует воззвание 3 марта 1881 года после убийства царя: «Сегодня, 1 марта Александр II убит, мучитель своего народа убит нами, социалистами. Объявляем об этом всенародно. Убит за то, что отдал рабочего грабителям и мироедам. Он не давал воли народу. Мирских людей, которые стояли за народ и Правду, он вешал, ссылал на каторгу. Александр II был волком. А царь должен быть пастырем добрым». Здесь налицо целый букет синкретизма: вера в абсолютное деление реальности на Правду и кривду, абсолютная вера в единственность своего истолкования Правды, персонификация зла в живом оборотне, в данном случае в Александре II, который не соответствовал представлениям об идеальном царе.

Все подчинялось одной цели — вызвать массовую инверсию, бунт — революцию. Прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (1860-1861) содержала призыв «волю добыть» посредством вооруженного бунта во имя того, «чтобы рекрутчины, да подушной, да пачпортов не было, да окружных там, да всей этой чиновной дряни» не было, чтобы «мир был всему голова».

Рассматривая общество как поле битвы двух сил — добра и зла, отождествляя себя с силами добра, авторы текста пытались преодолеть раскол, доведя его до крайней степени обострения, до гражданской войны, до всеобщей резни, до катастрофы. *Интеллигенция превращалась в активного проводника слепой исторической инерции, разрушительных инверсионных колебаний.* Однако груз ценностей большого общества мешал ей целиком слиться с народом (отказ от этого груза означал бы потерю специфики интеллигента). *Фактически эти люди работали над формированием нового нравственного идеала. Таким идеалом стал, например, социализм, в котором сочетался общинный социализм, т. е. идеал локализма, и государственный социализм, т. е. идеал, связанный с заботами о большом обществе.* Хотя духовная деятельность интеллигенции питалась крошками со стола высшей культуры, это не уменьшало ее значения в области подготовки новых нравственных идеалов.

Критическое острие этой деятельности интеллигенции было направлено против либерализма как источника зла, социального хаоса, дискомфорта. *Интеллигенция стремилась манихейством подменить либерализм, оценивая существующую государственность как воплощение зла. Зло объяснялось уже не кознями Антихриста, а утилитаризмом буржуазии.*

Формируя свою специфическую субкультуру, интеллигенция стремилась соединить несоединимое, в данном случае массовое вечевое сознание и элементы высшей культуры.

ГИБРИДНЫЙ НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

Усиление раскола при неспособности общества его преодолеть требует усиления идеологической деятельности для того, чтобы предотвратить необратимую дезорганизацию. Власть создавала идеологию — искусственную культуру, которая имитирует менталитет массового сознания, монтируя в него ценности большого общества, государственной жизни, непостижимым образом их соединяя. *Идеология правящей элиты выступает как результат интерпретации массового сознания, которое, в свою очередь, есть результат интерпретации своих исторически сложившихся идеалов, прежде всего синкретического вечевого идеала.* Идеология, следовательно, есть интерпретация второго порядка, диктуемая необходимостью решать медиационную задачу, следовать социокультурному закону. Ее формирование реально лишь в результате осознания возможности превращения культуры в предмет манипулирования. Формирование идеологии органически связано с возможностью гибридных нравственных идеалов, т. е. особой формы нравственного идеала, характеризующейся отождествлением, слиянием существенно различных, даже противоположных и, по сути, конфликтующих между собой идеалов, связанных с различными, подчас враждебными социальными группами, с разными частями расколотого общества. Сама гибридность должна тщательно скрываться. Она несет в себе тайну. Гибридный идеал выполняет интегративную функцию лишь тогда, когда, например, либеральный и вечевого идеалы воспринимаются в обществе не как два идеала, но как один, истолкования которого разными группами могут, однако, отличаться.

«Русская государственность могла, должна была погибнуть от просвещения», — писал Г. П. Федотов. Корень трагического расхождения между исторической властью и интеллигенцией «в измене монархии своему просветительскому призванию... Благодаря петровской традиции и отсутствию революционных

классов для русской монархии было вполне возможно сохранить в своих руках организацию культуры». Отказ от просвещения нес гибель. «Без опасной прививки чужой культуры, и притом в героических дозах, старая московская государственность стояла перед неизбежной гибелью». Но и просвещение «православно-национальное славянофилов или космополитическое и безбожное западников» несло в себе опасность, так как оно «разоблачало основную ложь», поддерживающую всю систему⁶. Итак, Россия не могла жить без просвещения, так как, отстав от других, она могла потерять свою государственность и национальное существование. Вместе с тем просвещение несло в себе для пораженного расколом общества смертельную опасность. Оно всем показало бы, что власть, государственность, царь, большое общество ничего общего не имеют с теми представлениями о социальной жизни, которые характерны для синкретического сознания, древнего тотемизма во всех его модификациях. Однако если для всех стало бы ясно, что царь вовсе не батюшка, а глава сословной системы и бюрократии, то это означало бы, что люди, опирающиеся на принципы древнего локализма, могли инверсионным образом отказаться от воспроизводства государственности, большого общества. В этом случае исчезла бы возможность решать медиационную задачу, так как локалистски настроенные слои, верящие в необходимость иметь некоторого вождя-тотем-батюшку, неизбежно отказали бы сословной бюрократической системе в воспроизводстве, так как она оказалась вовсе не тотемом, а превратилась бы в разоблаченного оборотня, в антитотем.

Принципиальная возможность гибридного идеала возникает лишь при развитии по крайней мере в одной из расколотых частей общества метафорического мышления, способности формировать, использовать метафорический смысл, осознавать различие между словом и вещью, понимать, что, например, представление о злом ветре не означает, что ветер — это человек, могущий быть злым, неприятным и т. д. В основе идеологии и лежит подобное отождествление. В истории различают мифопоэтическое и понятийно-логическое мышление, которые существовали одновременно. Разрыв между ними мог означать кризис, раскол, грозящий гибельными последствиями для общества. Предотвращение этих опасных последствий обусловлено возможностью использовать метафорическую сущность мышления. Метафора «соизмеряет разные сущности, создавая новый „гештальт“ из редуцированных прототипов, формируя

⁶ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 130.

на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нем признаки гетерогенных сущностей»⁷. Эта попытка метафорического отождествления типов мышления может стать основой для убеждения общества или его части в том, что реально нет двух значимых типов мышления, а есть лишь один. Обе эти формы мышления выступают «не как независимые, параллельные явления, а как ипостаси нового, высшего звена, со своей особой ипостасной грамматикой», где «слово не равно себе и равно другому и в своем тождестве другому воплощает Единое»⁸. Например, идея Бога, сформулированная в высококультурных слоях, может слиться в сознании полуграмотного мирянина с идеей местного тотема. Тем самым нивелируется представление о двух разных типах мышления, двух концепциях мироздания, двух путях интеграции общества.

Метафорическое мышление может быть использовано в расколотом обществе, где одна его часть владеет метафорическим мышлением, а другие истолковывают метафоры буквально (например, идею «капиталист-грабитель»).

Гибридный идеал включает в себя *ипостаси*, т. е. исходные нравственные идеалы, различие между которыми этот идеал и должен скрыть. Такими ипостасями явились вечевой и либеральный идеалы, взятые в усеченном, одностороннем виде, прежде всего как кладезь средств, а также некоторый дополнительный элемент, который позволяет манипулировать этими ипостасями. Им как раз и является ипостась утилитаризма, которая позволяет вопреки исторической традиции рассматривать любой элемент культуры, любой идеал как средство для каких-то целей, в данном случае для решения медиационной задачи, следования социокультурному закону. В сущности, сама комбинация синкретизма и либерализма, определенная версия гибридного идеала могла формироваться как некоторый утилитарный компромисс, конъюнктурная сделка, приспособленная к конкретной ситуации, к сиюминутной расстановке сил. Гибридный идеал открывает такую возможность, хотя и далеко не безграничную. Он создает иллюзию, что то или иное социальное явление, которое по своей сути чуждо исторически сложившейся культуре данной группы и, следовательно, могло бы вызвать массовое дискомфортное состояние, является старым, привычным комфортным явлением. Известная формула «царь-батюшка» является гибридной попыткой изобразить новую государственность, подчинить ее структуру и функции тотемическому сознанию, представлению об обще-

⁷ Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 4.

⁸ Померанц Г. С. Национальное мышление как система и диалог семиотических систем// Историко-филологические исследования. М., 1974. С. 422.

стве, сложившемуся в локальных мирах. Это открывает возможность подключить людей к воспроизводству большого общества, по крайней мере до тех пор, пока тайна этого гибрида сохраняется, известна лишь узкому кругу посвященных.

Подобные гибриды всегда формировались в мышлении стихийно, неосознанно и были в какой-то степени формой развития осмысления мира вообще. Однако на определенной степени развития большого общества формирование гибридных идеалов стало осознанной деятельностью правящей элиты, первого лица как монополиста на жреческо-идеологические функции. Формирование подобных идеалов в конечном счете может быть особой формой профессиональной деятельности специалистов-идеологов, состоящих на службе у первого лица, ставших определенным элементом правящей элиты и, возможно, черпающих свои идеи в культурном богатстве духовной элиты.

Важнейшей проблемой гибридного идеала является соотношение между собой его ипостасей, соотношение социальных групп, стоящих за каждой из них. В свете либеральной ипостаси вечевой идеал может рассматриваться как результат невежества, которое, как представляется, можно в результате просвещения изжить. Либеральный идеал может расцениваться группами, стоящими за вечевым идеалом, как удобный для достижения «послабления» от государственности, как средство получения «воли», т. е. освобождения от обязанностей перед большим обществом. *Гибридный идеал неизбежно включает определенный уровень взаимонедопонимания, взаимный страх и подвергается нападкам с обеих сторон, т. е. и от носителей вечевого, и от носителей либерального идеалов. Но, тем не менее, позитивный смысл гибридного идеала в том, что он помещает взаимный страх и непонимание в рамки некоего абстрактного единства, того самого, которое сохраняет интеграцию, несмотря на раскол, несмотря на двойственное отношение к власти, на вражду к начальству.*

Гибридный идеал может существовать только тогда, когда различия двух сторон этого идеала не достигают некоторого порогового состояния. Логика гибридного идеала сходна с логикой алхимии, т. е. с попыткой универсализации, синтеза через рецепт, который предусматривает смешение разнородных явлений, прокладывающее путь к синтезу вопреки самой природе подлежащих объединению явлений. Гибридный идеал, как и работа алхимика, является священнодействием, так как он обращен к некоторым высшим ценностям, например, к общему благу. Но гибридный идеал, как и алхимия, является кощунством, так как разрушает эти высшие ценности, соединяя

их с чем-то чуждым и инородным. В гибридном идеале отождествляется различное и несовместимое. Импульс к этому идет от общества, от его стремления к интеграции, в результате потребности сохранить целое от распада, от обособленного существования. Следовательно, налицо стремление скорее навязать это целое компонентам, чем открыть его в их развитии. Поэтому как алхимия не была наукой и производством вещей, так и гибридный идеал весьма условно можно рассматривать как действительный нравственный идеал, как принцип реальной перестройки общества.

Однако как алхимия, так и гибридный идеал необходимы на определенном этапе развития культуры, так как они воплощают некоторую культурную потребность общества, а именно потребность в интеграции, т. е. в определенных условиях возникает культурная потребность в гибридном идеале, когда старые методы в этой области уже себя не оправдали, а новые только зарождаются. Неэффективность, непрактичность, слабость, заземленность, отсутствие научной, нравственной последовательности алхимии и гибридного идеала — результат мучительной попытки интеграции в переломную эпоху. В них старое и новое встречаются, но не узнают друг друга. Они принимают друг друга за свое отражение, возможно, слегка затемненное, искривленное. Алхимия, как и гибридный идеал, — результат потребности в срединной культуре, растущей вместе с развитием общества. Они сами — формы этой культуры, но и одновременно ее эрзац в силу своей неорганичности, в силу ограниченности и поверхностности, неспособности в стрессовой ситуации соединить науку и производство, расколотые компоненты общества. Однако и алхимия, и гибридный идеал озаменовали важное новшество — развитие личного начала в рецепте, в формировании нравственности. Рецепт деятельности в алхимии, как и нравственность в гибридном идеале, перестает быть чем-то сверхчеловеческим. Распался древний синкретизм. Как алхимик стремится изменить природу, так и носители гибридного идеала стремятся изменить общество. Синкретизм стал в возрастающей степени подчиняться утилитаризму.

Гибридный идеал можно видеть в идее общего блага как государственной политики еще до Петра I. Синкретические тенденции постоянно перерабатывались в духовной элите. Например, Пушкину «грезилось нечто среднее между псковской вечевой вольницей и сенсимонистским идеалом общества, где царствует аристократия ума и талантов»⁹.

⁹ Волков Г. Пушкин и Чаадаев: высокое предназначение России// Новый мир. 1978. № 6.

Гибридные идеалы постоянно формируются, интерпретируются в рамках господствующей и оппозиционной идеологии. В первом случае в них находят свое выражение стремление доказать единство, тождество власти и народа, доказать, что между ними нет и не может быть раскола, а последний существует лишь между Правдой и кривдой, между нерасторжимым единством народа и власти, с одной стороны, и, например, басурманами, немцами, революционерами, папистами и т. д.— с другой. Гибридный идеал «отводит глаза» от реального раскола и строит его иллюзорный образ. Раскол в этом случае рисуется как результат происков реальных или мифических врагов, что позволяет использовать эту идею для возбуждения ярости народной, открывая путь манипулированию. Идеология постоянно стремится как бы передвинуть раскол, как тяжелый шкаф переносят из одной части квартиры в другую, с тем чтобы изменить ее планировку, а следовательно, и образ жизни, закрыть один из входов в комнату и то ли открыть другой проход, то ли обнажить ранее скрытую стену в надежде, что там обнаружится новый коридор. Государственная идеология пыталась так «передвинуть шкаф», чтобы доказать, что нет раскола между народом и властью, но есть раскол между их единством, тождеством и внешними, внутренними врагами (например, революционерами). То же делала революционная интеллигенция, но «толкала шкаф» в противоположном направлении. Она пыталась доказать, что раскол существует между народом и властью, тогда как по сути его нет между революционерами и народом. Шла борьба версий гибридного идеала. Но в этой борьбе актуален был лишь вопрос, где именно проходит раскол и кого охватывает тождество, т. е. шла борьба между коренным образом отличными программами воспроизводства общества, между противоположными альтернативами, однако *обе эти альтернативы не выходили за рамки приспособления к расколу.*

СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ

Вооруженные практикой формирования гибридных идеалов правящая элита, царь вновь пошли по пути интерпретации новой инверсии, поворота к соборному идеалу в свете идеалов либерализма. Тем самым формировался господствующий идеал седьмого этапа инверсионного цикла, седьмая господствующая версия вечевого идеала — *соборно-либеральный идеал*. Он может быть осмыслен как одна из разновидностей гибридного *вечевого либерального идеала*, т. е. идеала, который может возникнуть в результате *растущего влияния либерализма в*

условиях господства разных видов вечевового идеала. Соборно-либеральный идеал существенно отличался от раннего соборного, с которого начиналась государственность в стране. Тогда общая тенденция развития, хотя далеко и не прямолинейно, вела к созданию большого общества. Теперь же рост творческой активности шел к укреплению локализма, разрушительного для большого общества. По сути, нравственный идеал возвращался к исходной точке возникновения государственности, что означало завершение глобального инверсионного цикла.

В этой критической ситуации правящая элита пошла по пути беспрецедентной в истории страны интерпретации господствующей инверсии в духе либерализма. Это воплотилось в курсе на *коренные реформы*. Александр II (1855-1881) в 1856 году заявил: «Лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». Началась невиданная в истории России *эпоха великих реформ*.

В духовной элите стремление к реформам зрело уже давно. В известном письме Гоголю Белинский в 1847 году писал: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть»¹⁰. Эти идеи широко распространялись в образованных кругах. В кризисной ситуации они не могли не оказать влияния на правящую элиту. Александр II как-то сказал, что с тех пор, как он прочел «Записки охотника» И. С. Тургенева, его ни на минуту не оставляет мысль о необходимости освобождения крестьян от крепостной зависимости. Л. Толстой полагал, что освобождение крестьян было делом не Александра II, а Радищева, Новикова, декабристов.

Влияние идей декабристов на правящую элиту было существенным, так как их разделяли не столько цели, сколько средства. Еще Николай I пытался руководствоваться в своей деятельности «Сводом показаний» декабристов, который был составлен по велению царя и касался недостатков государственного управления.

Идеал просвещения, либерализма охватил образованные слои. В науке, разуме видели силу, способную преодолеть бедность, глупость, невежество, лень, раболепие. В массе листов, газет, журналов, количество которых резко возросло, преобладало стремление переосмыслить действительность, выработать новые нравственные начала жизни. Добролюбов, Герцен гово-

¹⁰ Белинский В. Г. Избр. философские сочинения. М., 1941. С. 468.

рили о конституции. Катков писал: «Бывают эпохи, когда силы мгновенно обновляются, когда люди с усиленным биением собственного сердца смыкаются в общем чувстве; благо поколениям, которым суждено жить в такие эпохи».

На первом в России политическом банкете, где собравшиеся 28 декабря 1857 года приветствовали новые времена, встретились консерватор Погодин, либерал-конституционалист Катков, откупщик Кокорев, профессор Бабст, впервые в своем тосте провозгласивший Александра II царем-освободителем. Общий порыв объединил Чернышевского, предрекшего Александру II славу, которой не был увенчан ни один государь Европы, славянофила И. Аксакова, воспевшего грядущее освобождение в стихах, Герцена, обратившегося к императору со словами: «Ты победил, галилеянин!»

К. Леонтьев (1831-1891) вспоминал впоследствии, что он думал, будто «мужики и мещане наши, теперь более свободные, научат нас жить хорошо по-русски, укажут нам, какими господами нам быть следует, предоставят нам живые образцы русских идей, русских вкусов, русских мод, даже русского хорошего хозяйства, наконец! Верили, кроме того, в знаменитый какой-то „здравый смысл“, в могучую религиозность их, в благоразумные, почти дружеские отношения к землевладельцам и т. д.». «Мы думали, что, погрузившись в это „народное море“, мы его еще более сгустим и сами окрасимся его оригинальными, яркими неевропейскими красками».

В невиданном восторженном единении всех направлений с властью сказалась *всеобщая жажда преодоления раскола*. К. Леонтьев вспоминал: «За исключением немногих рассудительных людей, которые нам тогда казались сухими, ограниченными и „отсталыми“, все мы сочувствовали этому либеральному движению».

Все предыдущее развитие либерализма готовило соответствующую духовную атмосферу. Уже в начале века появились работы, которые в той или иной форме ставили проблему освобождения крестьян (работа А. А. Кайсарова, вышедшая в 1806 году в Геттингене на латинском языке; работы Стройновского, Джунковского, профессора Якоба и др.)¹¹. Ведущие деятели либерализма К. Кавелин, профессор Б. Чичерин в более позднее время стали авторами программы, предусматривающей освобождение крестьян без общественного потрясения, а также допущение свободы совести, книгопечатания, преподавания, смягчение цензуры, сохранение неограниченной монархии с участием населения в местном самоуправлении, права

¹¹ См.: Пичета В. И. Противники крепостного права в начале XIX века// Великая реформа. М., 1911. Т. 2. С. 107-123.

которого должны быть существенно расширены, свободы оппозиции, гласности правительственной деятельности и судопроизводства.

Либерализм выступал как течение, которое отчетливо противопоставило прогрессивное развитие, основанное на медиации, инверсионному типу социальных изменений. Например, Б. Чичерин доказывал, что до сих пор в стране одна крайность могла быть побеждена лишь другой крайностью. Поэтому задача заключалась в уходе от такого рода разрушительной системы, в переходе к спокойному, всестороннему развитию. Один из вариантов либерального развития был разработан адмиралом Н. Мордвиновым (1754—1845), который считал необходимым работать над изменениями экономических отношений и культуры с тем, чтобы в новых условиях крепостничество исчезло «само собой». Для этого необходимо было развивать промышленность, поднимать культуру земледелия, культивировать в крепостнической среде работоспособность. Он предлагал открывать школы, удалить из деревни кабаки, проектировать финансовые меры для поднятия крестьянского благосостояния. По его мнению, одновременная административная отмена крепостничества без должной подготовки в малонаселенной стране, при недостатке капиталов, слабой городской промышленности, недостатке рабочих рук и т. д. может привести к разного рода осложнениям. Мордвинов не верил в чудодейственные последствия свободы, если она будет соединена с бедностью, с неизбежной зависимостью бедного от богатого. Он полагал, что свободу надо давать не сразу, а постепенно, «в виде награды трудолюбию и приобретенному умом достатку: ибо сим только ознаменовывается всегда зрелость гражданская»¹². Он считал, что экономическая, производственная, культурная активизация крестьян должна быть не только результатом, но и предпосылкой отмены крепостничества, что превратило бы освобождение в естественный элемент поступательного прогресса. Он делал ставку на частный интерес, т. е. в конечном итоге на личность: «Благосостояние частное есть начало и основание общественного»¹³.

Однако эти идеи, основанные на логике медиации, были неприемлемы для общества, где господствовала вера в инверсионное чудо, во всемогущество власти. Эти идеи противоречили ценностям крестьян, склонных верить не столько в свои силы, сколько в царскую волю. Идеи Мордвинова противоречили за-

¹² См.: Довнар-Запольский М. В. Крепостники в первой четверти XIX в. // Вестник реформа. Т. 2. С. 152.

¹³ Морозов Ф. Н. С. Мордвинов как экономист // Мордвинов Я. С. Избр. произв. М., 1945. С. 23.

мыслам царя, стремившегося дать свободу своими руками, играть роль отца-благодетеля. Эти идеи противоречили поверхностному либерализму, склонному верить в чудо, в то, что на основе свободы все устроится само собой, склонному разделять основное заблуждение интеллигенции.

Либеральная ориентация требовала продолжения линии, начатой Петром III в 1762 году, на раскрепощение сословий, на расширение круга лиц, ответственных за собственную судьбу. Либерализм стремился к начатой еще Павлом I политике отхода от безоговорочной опоры на дворянство. Эта политика, которую пытался проводить и Николай I, логически требовала отмены закрепощения крестьян. Реформа, однако, уже на уровне замысла несла в себе двусмысленность. С одной стороны, она стремилась укрепить общество в его целостности, но, с другой стороны, шла навстречу массовым локалистским ценностям.

Объединение различных сил на основе стремления к реформам привело к тому, что каждое слово реформы носило двусмысленный характер. Даже стремление крестьян к земле трактовалось по-разному. Земля для крестьян есть синоним Правды, воплощение всех ценностей древней жизни. Земля — «это лишь в некотором смысле свобода, в некотором смысле богатство, а в некотором (главном) — обязанность, а в некотором (высшем) — мистическая связь с миром, ощущение самоценности»¹⁴. Земля для крестьянина — воплощение его права на жизнь, права на труд для жизни. В «Слове об Адаме» можно прочесть: земля как дар божий человеку и есть та самая Правда, которая «с небес причиче». Насильно отторгнутая от человека, земля не перестает оставаться «божьей». Кривда пошла по земле, но она ходит не по своей земле, а по божьей, топчет «божью землю» и на ней «божьих людей», вынужденных голодать и насильем дать на себя «рукописание». Бог и человек совместно борются за Правду. Сам Христос выступает как «землепашец и сеятель, возделывающий ниву, погоняющий волов с палкой в руке — вылитый, с головы до ног, крестьянин не только по трудовым признакам, но и по социальным: Христос отбывал за ратая трудовую повинность»¹⁵. Поэтому если крестьянин говорил, что он борется за землю, то это не та земля, о которой спорили реформаторы. Крестьяне боролись за Правду, т. е. за утопию, за жизнь без дворян и чиновников, но с царем-батюшкой. Реформаторы сосредото-

¹⁴ Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания// Из-под глыб. Москва — Париж, 1974. С. 24.

¹⁵ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. С. 16. 18.

чили свои усилия на таком распределении земли между крестьянством и дворянством, которое, по их мнению, обеспечило бы и тем, и другим экономические условия существования. Это, как предполагалось, в свою очередь обеспечит и эффективность поддержки государства всеми сословиями. В принципе, все это было проблематично, так как экономические предпосылки существования зависели в тех условиях не столько от величины надела, сколько от способности поднять уровень производства, встать на путь интенсивного развития. Кроме того, эффективная поддержка сословиями государства обусловлена стремлением сословий воспроизводить большое общество, государственность, а это, в свою очередь, не находится в прямой, однозначной зависимости от экономических условий существования.

Борьба за распределение земли оттеснила на задний план более важную проблему — воздействие реформы на способность общества следовать социокультурному закону, решать медиационную задачу. Помещик был лишен своих государственных функций, перестал быть элементом государственной системы. Исчез посредник между высшей властью и локальными сообществами, который сочетал в себе черты патриархального отца и государственного чиновника, скрепляющего «жидкий элемент». Тем самым был нанесен сокрушительный удар исторически сложившейся синкретической государственности. Либералы в соответствии с основным заблуждением интеллигенции полагали, что отменой крепостничества автоматически раскрывается возможность для развития либеральной государственности, ответственной личности, способной заполнить вакуум снизу. Реформаторам казалось, что новая система, опирающаяся, с одной стороны, на свободного человека, с другой стороны, на человека, верящего в царя (противоречие между этими двумя принципами, по-видимому, их не очень беспокоило), окажется вполне функциональной и эффективной. Славянофилы оказывали давление на реформаторов с целью превратить локальный мир в единственную низовую ячейку власти, считая, что община сохранит и усилит свою роль как средоточие социальной и экономической жизни. Община, по их мнению, и должна быть волостью, т. е. административной единицей.

Правящая элита, однако, ощущала опасность такого решения. Поэтому реформаторы пошли по пути разделения общины и сельского общества, т. е. создавалась выборная, отличная от общины система органов управления. Сельские общества объединялись затем в волости. Эта система управления основывалась на стремлении опереться на инициативу низов, на

модернизированный древний вечевой институт. Председатель редакционной комиссии генерал Я. Ростовцев говорил, что контроль за мирским сообществом «вреден; нет, вы уже отнимите и эту пиявку у народа. Пусть волостное управление является, когда его призовет мирское общество, и этого уже довольно, но во всех других случаях пусть мир управляет сам собой». В каждом сельском обществе и в каждой волости заведование общественными делами предоставлялось соответствующему миру и его избранным. Сельское общество и волость на сходах решали свои хозяйственные и общественные дела, выбирали должностных лиц. Государственные функции помещиков теперь в основном перешли к миру. Была сделана серьезная попытка своеобразного, чисто либерального разделения властей; волостной суд был отделен от администрации, было гарантировано невмешательство в его дела местных крестьянских властей. Однако эти меры не спасли положения. Выявилось — что, собственно, было вполне естественным для архаичных форм жизни, — что крестьяне совершенно не способны влиять на состав и политику даже волостных депутатов. Это опять-таки хорошо чувствовали славянофилы, абсолютно, однако, не понимая всей трагичности складывающейся ситуации. Славянофил Ю. Самарин говорил, обращаясь к реформаторам: «Вы навязываете народу такую насильственную правительственную реформу в волостном управлении, в которой крестьяне не поймут ни вашего учреждения, ни того, что вы от них требуете, и примут на себя предписанные вами обязанности как тяжелую для них повинность. Они совсем не будут интересоваться этим управлением»¹⁶.

Был создан институт мировых посредников для проведения в жизнь реформы. Они мало вмешивались в дела крестьянского самоуправления. В министерстве внутренних дел преобладала точка зрения, что не следует чрезмерно вмешиваться в дела мира, во внутренний мир крестьян. Напротив, мировые посредники должны были охранять мир от местных начальников и уездной полиции. Абстрактный либерализм тщетно верил, что народ как источник высшей Правды, освобожденный от прессы сверху, быстро вступит на путь развития свободной ответственной инициативной жизни.

Многие критики реформы упрекали ее за недостаточную радикальность, хотя для своего времени ее радикальность была беспрецедентна. Однако этот упрек можно интерпретировать как указание на несоответствие реформы идеалам крестьянства. Оно стремилось к «воле», которую даст царь, к утопи-

¹⁶ См.: *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование Александра II. СПб., 1889. Т. 1. С. 215.

ческому обществу без начальства на всех уровнях, к догосударственному состоянию, но с царем, к переходу к общине всей земли, к разделу хлеба в господских амбарах, к отмене барщины, всех крепостных повинностей. Сам акт объявления реформы крестьяне воспринимали не в том содержательном ключе, который вкладывали в нее реформаторы, но как сигнал, данный царем крестьянству, реализовывать свои идеалы даже вопреки сопротивлению начальства и дворян. Отсюда бунты, неповиновение, массовый отказ от сотрудничества с властью при проведении реформ.

Центральной проблемой реформы являлся раскол в ее истолковании, хотя это и не сознавалось в должной степени. Крестьяне рассматривали ее как царскую милость, как «слушный час», как самореализацию Правды и воли. Текст манифеста был совершенно непонятен крестьянам. Это вызвало волну его интерпретаций, которые не только были далеки от реального содержания акта, но практически представляли собой голос иной цивилизации. Крестьяне разыскивали грамотных людей, например, священников, приказчиков и т. д. Однако им «вычитывали такое, что совсем не совпадало с их понятием об истинной воле». Эти книжные люди, по мнению крестьян, «нарочно вычитывали не то, что надо... они подкуплены господами». Такие представления были вполне естественны для людей, которые жили в мире, наполненном оборотнями, коварными силами зла. Крестьяне кричали становому приставу, читавшему манифест: «Не тот указ читаешь, знаем мы вас!.. Тебя господа подкупили... Земля теперь вся наша. Сам царь отдал... работать больше не пойдем». — «Это мошенничество» — «земли скорее нам подавайте». Распространилось убеждение, что объявленная царем воля скрыта помещиками, что они подменили царские книги о воле другими, своими, вымышленными. Солдатам, которые прибыли для восстановления порядка, крестьяне кричали: «Они царские ослушники, барами подучены», «Это войско не царское!» Вновь активизировалось стремление истребить все начальство. Крестьяне грозились, что они «предводителя (дворян) сожгут... царь велел дворян не миловать, а головы рубить». Следовательно, акты насилия, по мнению крестьян, санкционировались царем, великим князем Константином. Крестьяне говорили: «Помещиков не приказано больше слушать, а где исправник или становой попадет, то бить надо; а артачиться будет, то в землю живым закапывать. А господ таких щадить не велено, потому барское добро всем нам приписано. Барам, значит, шабаш». Чрезвычайно любопытно здесь это «не велено», т. е. архаичная интерпретация своих собственных действий как результата «слова», «приказа»

высшего авторитета — царя, «избавителя». Острейшая потребность в комфортной интерпретации царской воли неизбежно привела к возникновению «адекватных» интерпретаторов, способных выполнить социокультурный заказ, вписаться в массовый миф. Одним из них был крестьянин-сектант Антон Петров, который верил, что в Положении дана «истинная воля». Цифру «10%» в уставной грамоте он посчитал за печать святой Анны. Он разъяснял, что воля царя заключается в том, чтобы отпустить крестьян после десятой ревизии, которая была еще в 1858 году, т. е. по этой логике к моменту выхода манифеста крестьяне были уже свободны. Подобные представления толкали к массовой деструкции, что парализовывало возможность реализации реформ. Самоуверенность Петрова была столь велика, что он кричал стоящим под пулями крестьянам: «Крепко стойте, только три раза стрелять будут», — что, несомненно, повлекло множество дополнительных жертв. Этот человек интересен еще и тем, что он сформулировал некоторый принцип отношения крестьян к начальству, важный для понимания массового поведения. Если помещик «переступит шаг со своей земли — гони добрым словом; не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду»¹⁷. С этим *принципом Петрова* еще придется сталкиваться в дальнейшем. По свидетельству помещика Носовича, крестьяне ожидали воли два года после объявления реформы с таким эмоциональным подъемом, что отвергали новые повинности, если даже они были легче прежних, подозревая, «что, вероятно, тут есть какой-нибудь обман со стороны помещика, иначе он не принял бы на себя подобного убытка, вероятно, он делает это для того, чтобы обязать нас навечно». Потому-то они требуют «быть по-старому», полагая, что настанет такое новое, о котором им не говорят и которое от них скрывают¹⁸. Крестьяне расценивали действия властей как хитроумный бесовский обман, как попытки заманить их в ловушку, навязывая им подписание обязательств, выгоду же оценивали как приманку.

Услышав о двухлетнем сроке, в течение которого сохраняется порядок несения повинностей в пользу помещика, один из крестьян воскликнул: «Какая же это воля?» Двухлетний срок, предусмотренный для нового устройства, вызвал реплику: «Да господа-то в два года-то все животы наши вымотают». По свидетельству современника, «манифесту никто не обрадовался. От крестьян ни слова, ни звука радости. Народ понял одно: оставаться, дескать, два года крепостными, да и шабаш, а

¹⁷ *Игнатович И. И.* На другой день после «освобождения». М., 1931. С. 35, 60, 36, 81, 59-60, 71-72, 78, 73.

¹⁸ *Носович С. И.* Крестьянская реформа в Новгородской губернии. СПб., 1899.

льгот никаких нет. Снова уныло повесил он голову»¹⁹. Налицо чисто эмоциональная реакция, двухлетний срок, отделяющий от воли, заслонил положительные перспективы. Общую отрицательную реакцию подтверждает Ю. Самарин: «Отпущенники грызут пальцы и рвут на себе волосы. Нигде не было выпито ни единого штофа, потому что разочарование было всеобщее и полное». Крестьянство, ожидавшее «полной чистой воли и в придачу бесплатного отвода земли», готово было «допустить обман или подлог»²⁰, т. е. что манифест подделан.

«ПРИКАЗАНО ИЗБЫ СТУДИТЬ»

Реформаторы не оценили всю глубину и значимость для общества, для судьбы реформы расхождения между ценностями расколотых частей общества. Правящая элита не могла наладить взаимопонимание с крестьянством ни в процессе подготовки, ни в процессе воплощения реформы в жизнь, несмотря на то, что реформа освобождала крестьян и расширяла их права. Идеалы крестьян были чистой утопией. Синкретическое сознание стремилось к уничтожению начальства, в конечном итоге — государства. Либерализм ориентировался на идеи свободы и прогресса. Но с этой идеей он обращался к крестьянству, для которого прогресс сводился в лучшем случае к росту утилитарных требований, а свобода — к воле. «Воля есть прежде всего возможность жить или пожить по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личности немыслима без уважения к чужой свободе: воля всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо»²¹. О различном толковании слова «земля» уже говорилось. Каждое слово реформы скрывало раскол, пропасть взаимного непонимания.

Поэтому она формировалась по принципу хромающих решений. Реформу вначале даже боялись «назвать своим именем» — говорили не об «освобождении» крестьян, а только об «улучшении их быта», до конца разработки плана реформы правительство колебалось, «на каждом шагу ставило препятствия ее публичному обсуждению, ссылало наиболее откровен-

¹⁹ Соловьев И. Манифест 19 февраля в народном сознании// Крепостное право в России и 19 февраля. М., 1911. С. 356-357.

²⁰ Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. М., 1963. С. 26.

²¹ Федотов Г. П. Россия и свобода// Знамя. 1989. № 12. С. 204.

ных сторонников ее и т. д.». Реформа несла в себе раскол между стремлением к «полному уравниванию гражданских прав крестьян, в частности их прав землевладения, с правами других» сословий и оставлением в силе «личных, сословно, публично-правовых ограничений, исстари тяготевшим над „податными“ сословиями»²². Налицо *раскол между либерализмом и традиционализмом*.

Любой шаг реформы вел гибридный идеал к распаду на его составляющие.

Реформа сама по себе не увеличивала благосостояние крестьян. Наоборот, она в среднем несколько уменьшала наделы, которыми они пользовались. Кроме того, выкупные платежи были тяжелее, чем оброк. Реформа, следовательно, не отвечала принципам умеренного утилитаризма, оценивающего все с точки зрения наличных благ. Она не отвечала инверсионной логике, т. е. требованиям одномоментного чуда. Утилитарные выгоды, которые крестьяне могли извлечь из реформы, носили потенциальный характер, т. е. требовали развития социально-экономической, политической активности. Реформа открыла возможности для активности личности, но не могла сотворить этой активности. *Стремление к повышению активности не входило в систему ценностей большинства крестьян, и, следовательно, для них не существовало то, что для реформаторов было главным.*

«В то время, как интеллигенция шла к нему (мужичку) с своей гордой самонадеянной верой, со своей мечтой о возрождении человечества, он был еще в эпохе Дажь-бога и молился аллилуевой жене, без мысли о собственном достоинстве»²³. Качоровский писал о русском крестьянстве, что, «застывшее в смутной и неподвижной религии, под властью привычки, традиций, не освящаемых ни одним почти проблеском критической мысли, оно было темным и инертным... В России, как и повсюду, сложился еще до крепостного государства общинно-трудовой быт, и я подчеркиваю... что эта форма „первобытной культуры“ не была... разрушена крепостным государством»²⁴. Отношение к начальству основывалось на древних мифах.

Писатель В. А. Слепцов (1836-1878) в рассказе «Свиньи» писал, что мужики легко поверили слуху, будто на людях скоро начнут ездить, и бабы под впечатлением этих слухов били горшки. Астырев сообщает, что появление на улице нового урядника с саблей привело в деревне к возникновению двух точек зрения: одни предполагали, что он будет головы рубить,

²² Вормс А. Э. Положение 19 февраля// Великая реформа. Т. 6. С. 6-7, 53.

²³ Андреевич. Опыт философии русской литературы. СПб., 1905.

²⁴ Качоровский К. Народное право. М., 1906. С. 17.

другие — что «только поджилки на ногах будут подрезывать»²⁵.

В основе Великой реформы лежало стремление усилить значение законности и права в стране. *Однако синкретическое сознание не в состоянии понять абстрактную природу закона, его независимость от человека, от представителя власти.* «Мужик не знает „законов“; он уважает только какой-то божий закон»²⁶. Иван Ермолаевич, один из персонажей Г. Успенского (1843-1902), почти ничего не знает насчет «своих правое, ничего не знает о происхождении и значении начальства... Царь пошел воевать, царь дал волю, царь дает землю, царь раздает хлеб. Что царь скажет, то и будет; деньги платят царю, а разбирать, что такое урядник или непреременный член,— это уже совершенно ненужные подробности»²⁷. Закон для крестьян — это древняя внешняя языческая сила. Роль закона в крестьянской жизни совершенно подобна грозным стихийным явлениям природы: смысл его непонятен, но сила непреборима и терроризирует всю жизнь мужика. Закон «в лучшем случае непонятен, а часто неподвластен, как нарушающий интерес, и возмутителен, как идущий против установившихся и развивающихся в трудовых слоях понятий совести и чести». Законы отождествлялись с волей начальства. Народ «знает только один закон: это то, что говорит или приказывает начальство, какое бы оно ни было — урядник ли, писарь, мировой или судья или судебный следователь... Закон стал атрибутом власти; власть по-прежнему внушает только страх (признаков уважения, доверия, любви — нет), закон, в глазах мужика, это — нечто грозное, необъятное, таинственное, то нечто, во имя которого начальство напускает страх, ругается, порет, выколачивает недоимки, ссылает в Сибирь, потрошит покойников, сносит избы, убивает больную скотину, бреет лбы, прививает оспу и т. д. и т. п. до бесконечности. „Сделать по закону“, значит с точки зрения мужика, сделать так, чтобы начальство, с которым придется иметь дело, осталось довольным, не придиралось бы»²⁸.

Синкретическое сознание продолжало существовать в малопонятном для образованных современников мифологическом мире. В народе продолжали жить легенды и мифы об

²⁵ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. 3-е изд. М., [б. г.]. С. 239.

²⁶ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 109.

²⁷ Успенский Г. И. Крестьянин и крестьянский труд// Успенский Г. И. Избранное. М., 1952. С. 385.

²⁸ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 234, 235.

избавителях. «В различных деревнях можно услышать рассказы, что не только Стенька Разин и Емелька Пугачев до сего дня живы и скрываются в змеиной пещере на том острове, где живут получеловеки, или сидят, заключенные в Жигулевских горах»²⁹. С ними связывалась надежда на создание идеального мира на земле. Легенда о движении Разина распространялась на огромные регионы — до Якутска, Печоры, Бессарабии. Разин в песнях о сыне клянется не только освободить угнетенных, всех заключенных и разнести по кирпичам темницы, но отомстить даже детям своих врагов, сажая их на кол, не делая зла добрым христианам.

То, что для образованного общества было древним фольклором, для широких масс оставалось реальной жизнью. Слухи в народе формировались на основе древних представлений, и казалось, что они заимствованы из сказок. «Крестьянин молится царю-Граду, чтобы он, батюшка, поля не побил градом».³⁰ Грамотных в середине XIX века насчитывалось 6%. Следовательно, отсутствовала важнейшая необходимая предпосылка выхода за рамки локального сознания.

Если начальство было для крестьянина чем-то вроде антихриста, то крестьянство было для начальства темной невежественной массой, которую надо было любыми средствами вынуждать к иной, лучшей, по понятиям начальства, жизни. Поскольку живое содержательное слово не преодолевало пропасть раскола, начальство опиралось на административную власть. Например, было приказано избы «студить», как выражаются мужики, т. е. растворять по нескольку раз в день двери в избах для очищения воздуха, приказано было для чистоты по два раза в неделю менять белье. Образованные современники недооценивали особую специфическую природу массовых представлений, необходимость понимания их внутренней структуры, особого древнего видения мира. Такого рода методами можно добиться тех или иных сиюминутных результатов, но они одновременно закрепляли и усиливали раскол, взаимное непонимание.

В конце 70-х годов распространился слух о «черном переделе». В некоторых местах толковали, что земля от дворян и купцов будет отнята и роздана крестьянам по числу душ, в других же местностях говорили, что земля будет отнята у всех, без различия звания, землевладельцев, имеющих более 100 десятин. К слухам о земле присоединились разговоры об освобождении от подушной подати, а также и от всех платежей, писал министр внутренних дел Маков в 1879 году.

²⁹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. 2.

³⁰ Энгелмарт А. Н. Из деревни. С. 442.

Его попытка специальным объявлением, изданным массовым тиражом, опровергнуть эти слухи была безрезультатна. Для крестьян черный передел земли был чем-то совершенно естественным. Это была попытка перенести уравнилельные отношения внутри мира на отношения крестьян и помещиков, на все общество. Отсутствие такого передела воспринималось как несправедливость, как результат господства кривды.

Известный государственный деятель С. Ю. Витте (1849-1915) писал: «Раз ты попечитель и я голодаю, то корми меня. На сем основании вошло в систему кормление голодающих и выдающих себя за голодающих... Раз ты меня держишь на уздечке: не даешь свободы, труда и лишаешь стимула к труду, то уменьшай налоги, так как нечем платить. Раз ты регулируешь землевладение и землепользование так, что мы не можем развивать культуру, делать ее интенсивнее, то давай землю по мере увеличения населения. Земли нет.— Как нет, смотри, сколько ее у царской семьи, у правительства (казенной), у частных землевладельцев? — Да ведь эта земля чужая.— Ну так что же, что чужая. Ведь государь-то самодержавный, неограниченный. Видно, не хочет дворян обижать, или они его опутали.— Да ведь это нарушение права собственности. Собственность священна.— А при Александре II собственность не была священна? Захотел и отобрал, и нам дал, значит, не хочет. Вот те рассуждения, на которых держится крестьянство». Действительно, если царь-отец мог своей волей освободить крестьян и наделить их землей, то почему он не мог вновь пожаловать им землю? Ведь царь как отец должен заботиться о народе, поскольку он полновластный хозяин в своей вотчине, а вотчина — вся Россия. В сущности, реформа 1861 года рассматривалась крестьянами как предпосылка к общему переделу всей земли, прелюдия ко «второй воле», теперь уже настоящей. Реформа породила дискомфортные факторы, ускоряющие инверсию. Крестьяне в громадных масштабах саботировали проведение реформы. По состоянию на 4 января 1863 года 57,9% крестьян уставных грамот не подписали. Саботаж приобрел довольно острые формы. П. Валув писал о положении в Саратовской губернии: «Крестьяне отказывались вспахать и обсеменить свои поля в том убеждении, что принятие от помещика земли на 1863 год противно воле царя и что, приступая ныне к обработке полей, они лишатся в будущем году новых милостей».

РАСКОЛ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ

Реформаторы не учли, что значение реформы не в умозрительных целях, но прежде всего в том, какие социальные силы активизировались в процессе подготовки и реализации реформы, какие силы ослабли, как изменилась социокультурная ситуация. Прогноз этих процессов необходим был при подготовке реформ. Между тем реформы привели к существенному социальному сдвигу в обществе. Правомочия помещика публично-правового характера, например, его власть применять «исправления», наказания, ссылать, перешли полностью к органам управления, частью к общегосударственным органам, а главным образом к «миру, к сословному крестьянскому обществу. Последнему была дана почти безотчетная власть над личностью своих членов»³¹, вплоть до возможности их ссылки. Следовательно, *во-первых, возросла реальная социальная сила общины, а личность оказалась еще более подавлена, что не соответствовало самому смыслу реформы.* Теперь отсутствовал некоторый противовес власти мира в лице помещика, т. е. укрепились силы, склонные к локализму, к автаркии, к усилению натуральных отношений. *Во-вторых, между крестьянами и властью, т. е. чиновниками, исчез амортизирующий слой помещиков. Практически это означало, что раскол между народом и властью перешел к новой более глубокой стадии, а локализм, нараставший с момента апогея крайнего авторитаризма, сделал важный шаг к своему утверждению.*

Реформаторы пытались развязать скрытые, задавленные, по их представлениям, творческие силы народа, развитие которых должно было привести к хозяйственному и всем прочим формам прогресса. Они тем самым опирались на основное заблуждение русской интеллигенции. Но крестьянство не включало в свою систему ценностей представление о том, что рост благ есть следствие их собственной активизации, перехода к более совершенным формам труда, воспроизводства, а ждало милостей от царя, от начальства, т. е. следовало основному заблуждению массового сознания. Реформаторы следовали либеральным представлениям о росте значимости личности в обществе, ориентировались на ценности развитого утилитаризма как на формы осознания связи личных усилий и личных благ. Те же, кто реально должен был стать субъектом реформы, в своей массе стремились замкнуться в своих локальных мирах, ориентировались на господство натуральных

³¹ Вормс А. Э. Положение 19 февраля. С. 32.

отношений. Здесь столкнулись два типа ценностей, две цивилизации, два типа воспроизводства. Рациональная форма проекта реформы не учитывала потенциал раскола. Реформаторы не смогли спрогнозировать рост массового дискомфортного состояния в результате крушения утопических иллюзий, связанных с реформой, т. е. с интерпретацией ее народом как царской милости. Реформаторы не смогли понять свою реформаторскую деятельность как форму реализации некоторого назревшего в обществе инверсионного циклического поворота, как попытку его предотвратить, смягчить. Иначе говоря, они действовали неадекватно.

Таким образом, важным последствием реформы было явление ранее скрытого раскола между народом и властью, обществом и государством, усиление двоевластия, раскола медиатора. Реформа обнажила нарастающий локализм, из чего, впрочем, общество не сделало надлежащих выводов. Помещики как важный элемент медиатора были устранены, и поэтому было необходимо продумать соответствующую замену. Существовало сильное стремление саму общину превратить в орган власти, как это, собственно, и рассматривалось некогда князьями. Решено было, однако, над общиной, которая получила название сельского общества, организовать волость, объединяющую одну или несколько общин. Волость насчитывала от 300 до 2 000 душ. Значение волости было велико. Она была узловым пунктом, переводящим с языка государства на язык крестьян и обратно всю необходимую для функционирования государства информацию. Волостные должностные лица избирались на волостном сходе. Идея казалась демократичной и отвечающей замыслу реформы. Однако выясилось, что «никаких общих хозяйственных нужд,— по крайней мере таких, которые непосредственно интересовали бы крестьян,— в волости не было»³². Все споры вокруг замеров земельных участков, которые должны были достаться крестьянам и помещикам, имели меньшее значение для судьбы страны, чем это обстоятельство. Это означало, что страна в своей основе не развила сильных культурных и экономических интеграторов даже на уровне межобщинных отношений и уж во всяком случае не превратила эту проблему в содержание, в предмет массовой политической деятельности. Это означало, что *угроза локализма, распада на массовом уровне была осязаемой повседневной реальностью, что по закону инверсии стимулировало авторитаризм.* Его симптомы быстро проявились во вмешательстве мировых посредников в дела общины, а

³² Корнилов А. А. Крестьянское самоуправление по Положению 19 февраля// Великая реформа. Т. 6. С. 154.

затем в возникновении в 1889 году института земских начальников.

Второй, не менее важный вывод: *замкнутость общин приводила к тому, что крестьяне не интересовались выборами на волостном уровне, не несли ответственности за деятельность волости, стремясь уклониться от ее повседневного воспроизводства, т. е. лишали низовую власть социальной энергии.* «Волостное правление как коллегиальное учреждение оказалось совершенной фикцией...»³³. Н. Астырев пишет, что крестьяне не имели общих волостных интересов. «Мужик волостью, волостными делами и своим всякого рода волостным начальством ни мало не интересуется и даже не вспоминает о них»³⁴. Использовать же волостное управление для борьбы за какие-то новые цели, для отстаивания своих требований перед начальством широкой массе крестьян не приходило в голову. Власть вне мира всегда оставалась внешней силой, а не результатом их собственной силы. А. Н. Энгельгардт писал: «Крестьянам все равно кого выбирать в гласные,— каждый желает только, чтобы его не выбрали... Гласный от земледельцев, гласный от крестьян никакой инструкции от избирателей не получает, никакого отчета им не отдает: говори там, батюшка, что хочешь; спасибо, что идешь в гласные»³⁵. Общественная служба рассматривалась как одна из форм тягостной повинности.

Сельский сход оказывается подчас инструментом, разрушительным для интересов даже собственного мира. «Желание выпить в компании, поразнообразить бесшабашной гульбой свою вечно серую, будничную жизнь, заговаривает с особой силой, и сход делает невероятные вещи: отдает за бесценок мирскую землю, пропивает, в виде штрафа, чужой стан колес, закабляется за грош на многие годы, обездоливает правую из числа двух спорящих сторон, прощает крупную растрату мошеннику-старосте, ссылает невинного односельца на поселение, принимает заведомого вора обратно в общество и т. д. и т. п.». Назавтра «не более 5% из опрошенных... будут сознательно защищать и отстаивать совершенное ими вчера гнусное дело». Каждый из 95% скажет: «Да нешто это я? Я ни Боже мой, ни в жисть на такое дело сам не пошел бы, а общество... А супротив общества что ж поделаешь?» И далее Астырев пишет: «Тут каждый прчется за всех: выходит, будто каждый пил только

³³ Кузьмин-Караваев В. Д. Крестьянство и земство// Великая реформа. Т. 6. С. 154, 187.

³⁴ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 339.

³⁵ Энгельгардт А. И. Из деревни. С. 184, 84.

потому, что пили все... Решительно как маленькие дети, напроказившие вместе, но потом сворачивающие беду друг на друга»³⁶.

Волостные старшины и писари, окруженные поголовно безграмотными крестьянами, не способными, даже если бы хотели, контролировать многие аспекты деятельности своих выборных, получили возможность вступить на путь хищений и злоупотреблений. *Провал реформы определялся не тем, что крестьяне получили мало прав, а тем, что они не понимали смысла прав, которые им были предоставлены.* «Через 30-40 лет после освобождения гласные из крестьян обычно представляют собою в земских собраниях молчаливых манекенов, послушных малейшему жесту „своего“ земского начальника или предводителя дворянства»³⁷. Волостное начальство неизбежно попадало в двусмысленное положение между нижними и верхними этажами власти. «Чем лучше староста для волости, для начальства,— тем хуже для общества»,— писал Н. Астырев³⁸. *Усилилось двоевластие, раскол медиатора, раскол каждого сообщества.* Его главным проявлением была мощная дезорганизация, целая фронтальная линия, несущая угрозу отсечения медиатора от почвы. *Недостаточная зависимость нижних уровней власти от государства угрожала отрывом государства от почвы, а следовательно, угрожала самому его существованию.* Низшее начальство, хотя и стремилось угодить высшему, жило локальными представлениями. «Сравнительно самостоятельное положение местного управления покупается довольно дорогой ценою: ценою некоторого разрушения единства управления»³⁹. «Со стороны очень странно было видеть, как различно понимают дело разные люди: высшие полицейские чины „из господ“ под злонамеренностью понимали одно, а низшие полицейские чины „из мужиков“ понимали совершенно другое, противоположное. По одним, тот, кто думает, что нужно поравнять земли,— злонамеренный человек, по другим злонамеренный тот, кто думает, что не нужно равнять землю»⁴⁰.

Мощь уравнилельных ценностей, идущих из глубин народной почвы, пронизывала все общество, снижая престиж госу-

³⁶ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 291-294.

³⁷ Великая реформа. Т. 1. С. 287.

³⁸ Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. С. 68.

³⁹ Лазаревский Н. И. Самоуправление// Мелкая земская единица. СПб., [6. г.]. С. 51-52.

⁴⁰ Энгельгардт А. Я. Из деревни. С. 538.

дарственности, организатора, чиновника. Нет недостатка в документах, показывающих, что борьба крестьян с помещиками и чиновниками была всего лишь непосредственным проявлением уравнительных стремлений, достигших стадии борьбы с государством. Требования крестьян Нижегородской губернии, как они изложены в записке чиновника министерства внутренних дел в 1857 году, включали и ликвидацию государственного управления. «Государственное управление заменяется общественным крестьянским управлением на мирских сходах». Крестьянин «не обязан платить подушных и нести земской и рекрутской повинностей»⁴¹. Крестьяне требовали предоставления отдельным общинам самоуправления, независимого как от помещика, так и от царской администрации. Рост творческой активности крестьян был направлен на освобождение личности от обременительной обязанности воссоздавать большое общество, государство. Поскольку, однако, большое общество существовало, подобные стремления крестьян приводили к нарастающей дезорганизации.

Локальные ценности, враждебность к центральной власти были характерны не только для крестьян, но и для земств, судов присяжных. М. Катков, подводя определенный итог земской деятельности, говорил о полной неудаче попыток ввести земства в систему государственных учреждений, доказывая, что земства «не имеют ничего общего ни с каким управлением, отнюдь не служат местным продолжением общего и государственного управления». Это «как бы частные общества, хотя и организованные государством, но ему чуждые и от него отдельные»⁴².

Как особый тип местных учреждений земства были созданы в процессе Великих реформ. В январе 1864 года вышло Положение о земских учреждениях, предназначенных для заведования местным хозяйством. Земства должны были дать выход стремлениям либерально настроенных кругов к самоуправлению на местах и на этой основе улучшить местное хозяйственное управление. Земства переносили центр тяжести своей деятельности на местные «нужды», а не на «повинности». Конфликт земства с высшими этажами власти носил постоянный характер. Например, отчеты губернаторов полны жалоб на безрассудную, по их мнению, трату земских средств, на постоянную тенденцию к увеличению земских расходов. Земства стали ярким дополнением двоевластия в стране. Попытка ми-

⁴¹ См.: Федоров В. А. Крестьянское движение в центральной России. 1800-1860 (По материалам центрально-промышленных губерний). М., 1980. С. 151, 152.

⁴² Московские ведомости. 1867. № 14. 18 янв.; № 153. 15 июля.

нистерства внутренних дел объединить деятельность земств предписаниями центральной власти оказалась бесплодной. Через два года после земской реформы правительство начало против них наступление. Население относилось к земствам пассивно. В гласные нередко «наряжали» недоимщиков, т. е. людей, обладающих минимальным социальным престижем.

Особый интерес представляет судебная реформа, введение суда присяжных. Она была проведена в либеральном духе наиболее последовательно и была серьезной попыткой воплотить в жизнь принцип разделения властей. Однако *право и нравственность в судах оказались в подчинении антиправительственного общественного мнения*, о чем недвусмысленно свидетельствует, например, оправдание судом присяжных в 1878 году революционерки В. Засулич. Ее судили за покушение на жизнь петербургского градоначальника. Эти действия разрушительно влияли не только на право, но и на нравственность. «Присяжные заседатели оправдывали иногда по мотивам нравственно-физиологическим и тяжких преступников, а к сознанию народа, не имевшему возможности возвыситься до этих мотивов, примешивают чувство безнаказанности греха. Теперь эти оправдательные приговоры во многих случаях сделались поощрением порока и преступлений»⁴³. На «прогрессивном общественном мнении России лежит тяжкая ответственность за срыв единственной попытки в истории страны поставить дело так, чтобы правительство тягалось со своими подданными на равных»⁴⁴. *Суд присяжных стал элементом медиатора, открыто подрывавшим его основы.*

Реформа привела к тому, что по пути либерализма пошла лишь крайне ограниченная часть народа. Основная же масса населения, жившая в сельских общинах, а также переселившаяся в города, но живущая еще старыми ценностями, практически не вышла за рамки крепостничества. Главная сфера ее жизни, т. е. отношения людей внутри локальных миров, не была затронута реформой. Да это было и не под силу реформаторам. Были ликвидированы только верхние этажи крепостничества. Государственность оказалась под угрозой повиснуть в воздухе. Попытки ее реформировать не ослабляли раскола, но скорее усиливали его. Кроме того, существовала скрытая угроза выбросов этого затаившегося в локальных мирах крепостничества вверх, стремление привести «надстройку» в соответствие с «базисом». *Последующие события невозможно понять без учета того, что все значимые события в обществе*

⁴³ Антонов Н. Р. Русские светские богословы и их религиозно-общественное мирозерцание. СПб., 1912. Т. 1. С. 38.

⁴⁴ Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 398.

находились под постоянным давлением локализма и его крепостнических ценностей.

Глубокие изменения, происшедшие в обществе, привели к углублению раскола, к возникновению его новой формы. Пассивность низших этажей управления, их тяга к локальным идеалам, неспособность стать основой обновления государства внесли в медиатор и общество угрожающую дезорганизацию. Почвенные силы, проникшие в низший этаж управления, отрывали его от медиатора и тем самым подрывали основы его существования. В медиаторе произошел разрыв коммуникаций; открыто столкнулись два типа конструктивной напряженности с противоположно направленными векторами, что неуклонно усиливало социокультурные противоречия в обществе. В конце 70-х годов власти буквально *была* объята паникой. «Только во время уже разгоревшегося вооруженного восстания бывает такая паника, какая овладела всеми в России в конце семидесятых годов и в восьмидесятом. Во всей России все замолкли в клубах, в гостиницах, на улицах, на базарах... И как в провинции, так и в Петербурге все ждали чего-то неизвестного, но ужасного, никто не был уверен в завтрашнем дне»⁴⁵.

В этой ситуации правящая элита сделала попытку отказаться от либеральной интерпретации идущей инверсии и перейти к авторитарной (так называемый период контрреформ). Авторитаризм имел своих идеологов. Например, влиятельный деятель двух царствований К. Победоносцев рассматривал народовластие как ложное начало. К. Леонтьев полагал, что ради спасения архаики от разрушения, в борьбе против прогресса, либерализма, влияний западной культуры годятся любые средства — «внутреннее рабство», «организованное насилие, сложный деспотизм». Он призывал сохранять безграмотность населения, поскольку в этом «наше счастье, а не горе»⁴⁶. Государство, по его мнению, должно взять на себя инициативу установления нового феодализма, своеобразного социализма. Прямо провозглашая культ силы, Леонтьев выдвигал на первый план в христианстве не любовь, но страх. Консерватизм есть естественная реакция на опасности, которые связаны с изменениями. Однако коренная слабость такой позиции заключалась в поверхностности, *в неспособности понять, что общество уже не может отказаться от прогресса как источника энергии.*

Министерство внутренних дел, которое ранее придерживалось политики невмешательства, пришло к выводу, что вме-

⁴⁵ Плансон А. А. Былое и настоящее. СПб., 1905. С. 261-262.

⁴⁶ Леонтьев К. Н. Собр. соч. СПб., 1917. Т. 7. С. 23.

шательство в дела мира, мировых посредников не только необходимо, но и неизбежно. Усилилась атака на земства. Они представлялись как «какая-то бессмысленная оппозиция». М. Катков так характеризовал позицию, занятую земскими деятелями: «Система устранения правительства потребовала, чтобы оно отказалось от всякого дела, признавая себя ни к чему не пригодным. Сама администрация в ее разветвлениях по стране объявлена не делом правительства. Против государства выдвинута земля, т. е. учреждения 1864 года, именуемые земством»⁴⁷. Министр внутренних дел с 1882 года граф Д. Толстой предлагал ввести земские и городские органы самоуправления «в общий строй государственных установлений. Лежащие в основе сих учреждений начала общественного самоуправления должны быть заменены началом государственного управления». К. Победоносцев также писал о необходимости ввести судебные установления «в общий строй государственных учреждений. В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной». Принятый в 1889 году закон о земских начальниках нарушил принцип разделения судебных и административных функций, установленный в 1864 году; они были сосредоточены отныне в руках земских начальников. Им вменялось в обязанность иметь надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления. «Нужен сильный начальник уезда,— писал князь Мещерский императору,— народ любит единоличную власть и ненавидит всякие коллегии».

Рядом законов 1889-1892 годов были расширены права губернатора на вмешательство в дела земского и городского самоуправления, а также общины. В 1880-1890 годах «либеральное направление» журналистики было раздавлено цензурой. Искоренение всякого инакомыслия стало первостепенной задачей; медиатор уже не ждал ничего хорошего от новых идей. Цензурой был резко ограничен круг подлежащих обсуждению вопросов, не подлежали обсуждению в печати деятельность земских начальников, городских общественных органов самоуправления, судебные процессы по должностным преступлениям, ограничивалось обсуждение аграрного вопроса и т. д. Категорически запрещено было упоминание о двадцатилетней годовщине отмены крепостного права. Князь Мещерский не постеснялся опубликовать следующую сентенцию: «Прекрати сечь, исчезнет власть. Как нужна соль русскому человеку, как нужен хлеб русскому мужику,— так ему нужны розги. И если без соли пропадет человек, так без розог пропадет народ.

⁴⁷ Московские ведомости. 1884. 19 окт.

Человеколюбие требует розог»⁴⁸. Неспособность преодолеть раскол, непроницаемость смысловых полей подтолкнула консервативную часть общества к тому, чтобы решать проблему повседневным насилием.

ПОПЫТКА ПОВЕРНУТЬ ЦИКЛ

Ответом на либеральные реформы было появление в стране террористов-революционеров, после ряда неудачных попыток убивших Александра II. Этот зловещий и трагический акт свидетельствовал о том, что вырос слой интеллигенции, который стал ударной силой активизирующегося манихейства, воинственного антигосударственного традиционализма. Появились люди, склонные противопоставить обществу, существующей государственности, социальному разнообразию кровавый погром во имя Правды всеобщей уравнительности, готовые срезать, истребить все, что выше некоторого среднего уровня. Террор был симптомом нравственного разложения определенной исторической формы революционного движения в стране. Попытка обратиться к террору была реакцией на отказ народа, крестьянства признать революционную интеллигенцию как «свою». Отсюда стремление этой группы — осознанное или неосознанное — вызвать массовое всеобщее замешательство, убив тотем. Расчет был на то, что в результате всеобщего замешательства, необходимости обращения к новому тотему интеллигенция смогла бы занять место, заменить царя-тотем.

После убийства террористами Александра II правительственный авторитаризм стал перерастать в полицейское государство. Глава департамента полиции в начале XX века писал, что все население России было поставлено в зависимость от личного усмотрения полиции. Р. Пайпс считает, что Россия в это время была уникальным государством. До первой мировой войны ни одна страна не имела, кроме обычной, еще и особую политическую полицию, да еще наделенную судебными функциями⁴⁹.

Эта уникальность объяснялась взрывом сил хаоса, дезорганизации, нарастающей угрозой государственности, что проявлялось в массовом усилении враждебности к ней на всех уровнях общества, включая не только интеллигенцию, но, что особенно любопытно, и представителей самой правящей элиты.

Правящая элита повернулась против либерализма, против реформ, против диалога, против начавшегося процесса разде-

⁴⁸ Гражданин. 1888. № 49.

⁴⁹ См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 405.

ления властей. *Политика контрреформ* была реакцией на явные симптомы ослабления власти и развала системы, на нараставший в результате активизации синкретизма кошмар отрыва от почвы. Трагедия страны проявилась в полной мере в невозможности длительной политики, противоположной реформам. Если локализм вел к распаду общества, к усилению раскола на разные социальные и территориальные группы, то политика усиления авторитаризма вошла в конфликт с основной массовой инверсией, которая, начиная с этапа крайнего авторитаризма, подрывала доверие к высшей власти и тем самым обрекала на крах всякие попытки установить авторитарную систему.

Стремление власти к авторитаризму не могло рассчитывать даже на равнодушие. Оно встречало возрастающее сопротивление как в городе, так и в деревне. В критической ситуации сказался недостаток способных организаторов, которые могли бы взять на себя творческую организационную работу. Система выталкивала наверх людей, скорее склонных хорошо лавировать при дворе, чем в должной степени осознавать свою ответственность за судьбу страны. Сложившиеся условия требовали от власти большей гибкости, знаний, умения проникаться существом проблем, но близкие к трону деятели отличались непониманием ситуации и неспособностью к поискам выхода из кризисов. Например, о К. Победоносцеве говорили: «Он всегда отлично знает, что не надо, но никогда не знает, что надо». Министр народного просвещения (потом министр внутренних дел) граф Д. А. Толстой отличался тупой прямолинейностью. Его преемник А. А. Сабуров был «вполне бесцветной личностью, никогда и ни в чем не проявлялась его инициатива»⁵⁰. О министре внутренних дел И. Н. Дурново установилось мнение, что «он только чиновник, старающийся убогатворить свое начальство, но совершенно неспособный посоветовать ему что-либо разумное»⁵¹. Сам Александр III (1881—1894) первоначально не готовился к тому, чтобы занять престол, не обладал необходимым минимумом знаний, не мог вникнуть в суть обсуждаемых дел, мыслил упрощенно и прямолинейно. Например, он был убежден, что евреи — богом проклятый народ, так как они «распяли своего спасителя». Неспособность адекватно оценить реальное положение вещей, принимать глубокие содержательные решения — характерная особенность правящей элиты того времени. Уровень этих людей определялся не случайными обстоятельствами, а состоянием общества, его духовными силами.

⁵⁰ Воспоминания Е. М. Феоктистова. Л., 1929. С. 170, 174, 189.

⁵¹ Ламздорф В. Н. Дневник. М.; Л., 1934. С. 105.

Но одновременно и духовная элита была совершенно беспомощна. Философ Н. Н. Страхов (1828-1896) хорошо выразил общую растерянность: «Общественное сознание почувствовало, что в путях прежних прекрасных реформ был какой-то существенный недостаток, что их следовало бы чем-то восполнить. И движение остановилось, потому что прежние пути оказались опасными, а нового пути никакого не видно; кажется, что мы как будто вернулись назад, к той точке, с которой начались преобразования. Этот опыт, продолжавшийся четверть века, как будто ничему не научил нас; по крайней мере мы не умеем извлечь из него поучения. Растерянность общественной мысли очевидна; эта мысль нисколько не созрела, потому что вовсе и не работала над вопросами об основах нашей государственной жизни, и хотя прошлое царствование, казалось бы, давало сильнейшие поводы к занятию этими вопросами, наши понятия о таком существенном деле не продвинулись вперед ни на шаг»⁵². Власть видела выход в силе, ее противники — в свободе-воле. Оба стремления были разрушительны, так как первым уничтожалось творчество, а вторым — сложившиеся социальные отношения, культура.

Реальная интеграция большого общества обеспечивалась слабой синкретической государственностью, хрупкой сословностью, разделением функций, которые росли и совершенствовались под прикрытием веры народа в царя. Реформа, вдохновленная смесью вечевых и либеральных идей, движимая в конечном итоге возрастающей силой уравнительных ценностей миллионов, была мощным ударом по сословности и, следовательно, по существующему способу интеграции общества.

Дворянство в результате реформы понесло непоправимый ущерб. За тридцать последующих лет оно потеряло более четверти земли, перешедшей в руки купцов и крестьян. Влияние дворянских собраний падало. Дворянство теряло экономическую силу, социальный престиж, разваливалась бывшая главная социальная опора медиатора, что в расколоте обществе, в условиях неустойчивых взаимоотношений народа с властью создавало растущую опасность разрушительного взрыва. Сама по себе реформа не вызвала появления людей, способных активно развивать экономику и восстанавливать большое общество, хотя создала более благоприятные предпосылки для их постепенного развития. И после реформы как крестьяне, так и дворяне по-прежнему нуждались в помощи правительства, т. е. прежде всего в принудительной перекачке ресурсов сила-

⁵² Новое время. 1886. № 3599.

ми высшей власти. Привыкшие к опеке сословия не могли без организационной помощи со стороны государства устоять на ногах. Правительство пыталось с помощью Дворянского земельного банка облегчить дворянам сохранение наследственных владений, предотвратить обезземеливание крестьян путем образования Крестьянского земельного банка. Все эти меры, однако, не достигали цели, так как в основной своей массе крестьянство и дворянство не поднялись до осознания необходимости совершенствования производства, культуры, техники, организации. Патерналистское мировоззрение в этих условиях парализовало общество: все ждали поправок от власти.

Правящая и духовная элиты не уловили, что реформа, по сути, явилась приспособлением общества к новому бескомпромиссному инверсионному повороту широких масс, весьма далеких от либерализма. Либералы надеялись, что, создавая организационные формы, соответствующие потребностям диалога, определенным требованиям интеграторов либерального типа, они тем самым создают предпосылки для соответствующего развития народа, его приобщения к либеральным ценностям. Они пошли по пути создания некоторых организационных форм (например, системы выборов в волость) в надежде на то, что эти формы постепенно будут наполнены реальным культурным содержанием. Тем самым реформа строилась на заведомом нарушении социокультурного закона, поскольку предполагалось, что это стимулирует творческую активность людей. Но предположение не оправдалось. Крестьяне не проявляли интереса к работе выборных органов. Разрыв был заполнен локальными ценностями, битвой монологов, что меньше всего соответствовало ценностям либерализма.

Власть не имела средств приостановить перерастание шепота недовольства в громогласный угрожающий крик, воплотить в жизнь альтернативу гигантской обратной инверсии,двигающейся от крайнего авторитаризма к торжеству соборного локализма. Политика контрреформ быстро захлебнулась. Под натиском снизу правящая элита вновь повернула к прежнему соборно-либеральному курсу. Однако теперь положение значительно усложнилось.

РАСКОЛ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В основе замысла Великих реформ лежало представление, что их результатом будет формирование условий, которые будут благоприятствовать частной инициативе, толкать производство, стимулировать развитие его отраслей. Реформа делала ставку на развитой утилитаризм, на развитие либеральных,

капиталистических ценностей. И действительно, эти процессы получили соответствующий толчок. К концу века появились европейски образованные предприниматели, способные к творческой организационной работе в больших масштабах. *Однако основная черта развития хозяйства заключалась в том, что оно также приобрело расколотый характер. С одной стороны, его развитие было явным продолжением государственной монополии на хозяйство на основе крепостнических традиций. С другой стороны, в результате общей слабости государства, его аппарата возникала определенная возможность из глубин народа частной инициативы.* Отношение между этими двумя силами определяло дальнейшую хозяйственную динамику. Эти две линии развития имели различный, противоположный социальный смысл. Прежде всего, первая из них закрепляла и воспроизводила натуральные отношения, тогда как вторая тяготела к рынку, к товарно-денежным отношениям. Первая тяготела к тому, чтобы приспособить новейшую техническую базу к культуре и социальным отношениям традиционной цивилизации, тогда как вторая через развитой утилитаризм тяготела к либеральной цивилизации.

Шло развитие государственных железных дорог, телеграфа, организовывались кредитные учреждения. Государство владело громадным земельным фондом, 60% всех лесов, горными предприятиями, золотыми, платиновыми, серебряными рудниками. На казенных горных промыслах и заводах добывались руды, производились металлы и выделялись из них артиллерийские орудия, снаряды, оружие, паровозы для строящихся казной железных дорог и корабли для военного флота. А в 1897 году была организована казенная винная монополия, включавшая крупнейшие винокуренные и ректификационные заводы. Государственное хозяйство в 90-х годах прошлого века имело значительные размеры и разветвленный характер⁵³.

Мощный рост монополий привел к тому, что в начале XX века они стали важной основой хозяйственной жизни. Эти монополии, однако, постоянно нуждались в защите государства, практически сливались с государством, как это и должно быть в условиях синкретической государственности. Очевидно, их развитие приспособлялось не столько к рынку, сколько к государству. То, что у Ленина рассматривалось как государственно-монополистический капитализм, т. е. то, что связано с «высшей, загнивающей стадией капитализма», в действительности было *результатом недоразвитости капитализма, его*

⁵³ Подробнее см.: *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. 2. С. 190 и след.

существования в условиях господства докапиталистических отношений и власти монополий под защитой синкретического государства. Государство брало на себя в той или иной форме ответственность за промышленное производство, так как стремилось приобрести определенную независимость от рынка. Это касалось прежде всего тяжелой промышленности. Американский экономист Джеконсон в изданной в США книге «Commercial Russia in 1904» писал: «Никогда, быть может, в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была более широкой и всеобъемлющей, чем за последний период русской истории. Русское правительство с помощью центрального государственного банка контролирует финансовое положение страны; оно владеет и управляет $\frac{2}{3}$ всей железнодорожной сети и $\frac{7}{8}$ всех телеграфов. Почти $\frac{1}{3}$ всей земли и $\frac{2}{3}$ лесов еще в его непосредственном заведывании. Оно владеет наиболее ценными рудниками и обрабатывает на своих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продает все спиртные напитки... скупает весь спирт». Русское правительство — «самый крупный землевладелец, самый крупный капиталист, самый крупный строитель железных дорог и самый крупный предприниматель во всем мире»⁵⁴. Л. Троцкий писал: «Самодержавие с помощью европейской техники и европейского капитала превратилось в крупнейшего капиталистического предпринимателя, в банкира и монопольного владельца железных дорог и винных лавок»⁵⁵. Важнейшей формой этого подчинения хозяйства высшей власти была система государственных заказов. «Нити всех промышленных экономических вопросов тянутся к правительственным учреждениям, без которых нельзя решить ни одного общего вопроса... Самыми существенными сторонами горного дела занято не горное ведомство, а другие учреждения»⁵⁶. В этих условиях развитие собственно капитализма приобрело довольно односторонние, уродливые формы. Определяющим было господство патриархальных дорыночных отношений, слабость рынка при недостатке капиталов, в условиях «крайне робкой и слабой предприимчивости населения»⁵⁷, массовой враждебности к этим формам деятельности. Эта в целом неблагоприятная ситуация для развития экономики, повышения эффективности могла, однако, открыть зеленую улицу для тех

⁵⁴ Цит. по: Фридман М. Наша финансовая система. СПб., 1905. С. 9.

⁵⁵ Троцкий Л. Д. 1905 год. М., [б. г.]. С. 22.

⁵⁶ Авдаков Н. С. О желательном преобразовании горного ведомства в связи с интересами горной и горнозаводской промышленности. СПб., 1907. С. 5-6.

⁵⁷ Что дает нам новая государственная роспись?// Промышленность и торговля. 1909. № 20. С. 389.

немногих, кто обладал капиталом и инициативой, кто вырвался вперед и смог идти по пути концентрации производства и формирования монополий. Здесь господствовала манихейская схема развития, т. е. гипертрофирование крайних форм и слабость средних форм, как и срединной культуры вообще. «Обычным стало образование предприятий сразу в огромных масштабах»⁵⁸, что требовало больших капиталов, и, возможно, именно с этим связано снижение с 70-х годов относительного числа выходцев из крестьян в московском купечестве⁵⁹. В 80-х годах происходило гигантское обобществление труда на крупных предприятиях. «Высокая концентрация русской промышленности замедляла количественный рост предприятий еще в конце XIX в. и почти приостановила в XX в.»⁶⁰. Монополизация происходила на таком уровне производительных сил, который соответствовал домонополистической стадии на Западе.

Благоприятствование крупным предприятиям в ущерб мелким было результатом неблагоприятных исторических обстоятельств. Оно было следствием того, что давление синкретической государственности на развитие хозяйства, которая предпочитала крупное производство мелкому, получило развитие в условиях, когда товарно-денежные отношения, ремесленничество, частное предпринимательство не достигли уровня, который позволил бы отстоять себя экономическими и политическими средствами. Стремление к развитию именно крупного производства, по крайней мере в тенденции тяготеющего к авторитаризму, как характерная черта хозяйственного развития страны — один из результатов слабости почвенных потенций развития производства.

Еще Петр I насаждал именно крупные промышленные предприятия: горные, оружейные, литейные и т. д. С середины XIX века изделия крупной промышленности стали вытеснять кустарей. С. Ю. Витте, еще будучи министром финансов, видел одну из задач своего министерства в развитии производительности, которое он отождествлял с насаждением крупной индустрии. Это не только разоряло кустарей, лишало побочных заработков крестьян, но и «этим сразу были выбиты из прежних позиций миллионы мелких производителей, перед которыми была поставлена задача приспособления к быстро изменяющимся условиям хозяйственной жизни страны. Приспособление никем не поддерживаемых мелких производите-

⁵⁸ Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. М., 1978. С. 291.

⁵⁹ Там же. С. 250.

⁶⁰ Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности// История СССР. 1963. № 3.

лей к условиям жизни, меняющимся по мановению руки все- сильных чиновников — невежественных и безответственных, — не могло происходить с той быстротой, с какой изменялись эти условия. И в этом обстоятельстве следует видеть одну из причин, ускоривших расстройство крестьянского быта и обна- живших ненормальность экономического строя России»⁶¹.

Более того, подобное развитие — и на это следовало бы исто- рикам обратить самое пристальное внимание — подавляло, уничтожало, парализовывало развитие почвенной инициативы, развитие рынка, товарно-денежных отношений, прогресс сво- бодной личности. Тем самым *при видимости роста новых тенденций подрывалась возможность качественного суб- станциального изменения общества, закреплялась его тради- ционная основа, использующая новые средства*. Все это могло иметь место лишь на основе исторического развития, обусло- вившего, с одной стороны, согласие общества на функциониро- вание государства, правомочного принудительно перерас- пределять ресурсы, сливать в единое нерасчлененное целое собственность, власть, идеологию, а с другой стороны, форми- рование общества с крайне низким уровнем хозяйственной инициативы и товарно-денежных отношений. Последние могли пробиться, лишь используя слабости власти, в особенности вы- являющиеся в условиях хозяйственных кризисов. И действи- тельно, эти возможности постоянно использовались, что свиде- тельствовало об определенном росте сил медиации.

«КРИЗИС ПЕРВОБЫТНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ»

Положение крестьян после реформы постепенно и существен- но ухудшалось. В 1900 году крестьянин был беднее, чем в 1800 году⁶². Вряд ли можно видеть основную причину этого в платежах государству. Реформа потребовала существенного усилия от крестьян для приспособления к новым условиям. Она бросила своеобразный вызов, но не все могли справиться с новыми задачами. Усилилось расслоение. Если судить по бел- летристике 60-х годов, послереформенная деревня являла собой довольно безотрадную картину. Периодический голод свидетельствовал об оскудении. В 80-х годах можно было гово- рить об экономическом упадке крестьянства. Часть крестьян находилась в состоянии хронического недоедания. В стране,

⁶¹ В. В. [Воронцов В. П.] Очерки экономического строя России. СПб., 1906. С. 102.

⁶² Пайнс Р. Россия при старом режиме. С. 217.

где крестьяне составляли основную массу населения, эти процессы грозили вырождением всего общества.

Беспрецедентный рост населения крайне ухудшил ситуацию⁶³. По подсчетам департаментов окладных сборов, в пятидесяти губерниях европейской России за сорок лет после реформы население возросло на 72%, т. е. с 50 до 86 миллионов. За сорок пять лет после реформы масса людей, скопившихся на земле, почти удвоилась. Если в течение пяти веков количество земли в стране росло быстрее населения, то теперь положение коренным образом изменилось. С ростом населения сокращался крестьянский надел: если на ревизскую душу приходилось в 60-х годах 4,8 десятины, то в 1880 году надел уменьшился до 3,5 десятин, а в 1900 году — до 2,6 десятины⁶⁴. В дальнейшем надел сократился до двух десятин. Недостаток земли не компенсировался ни повышением урожайности, ни новыми запашками. Положение ухудшалось с падением цен на хлеб. Недоедание, высокий уровень заболеваемости — такова картина крестьянского оскудения в послереформенной России. Господствующей системой было трехполье. На юге преобладало залежное хозяйство. Травосеяние и разведение специальных культур встречалось лишь в немногих местах. Почвы плохо обрабатывались. На русских черноземах, которым нет равных в Европе, чаще, нежели в других районах, отмечались неурожаи и голод. Запад в сфере культуры земледелия далеко ушел вперед. Плодопеременная система там существовала уже давно. Комиссии, создаваемые в губерниях для выявления роста недоимок, сообщали весьма неблагоприятные сведения. Например, предводитель дворянства Ливенского уезда Орловской губернии писал о сельском хозяйстве своего уезда: можно подумать, что «местность эта разорена неприятелем, до такой степени она представляется жалкою». Курский губернатор отмечал, что сельское хозяйство «осталось в том же диком состоянии, в каком оно было прежде, как у помещиков, так и у крестьян».

К началу XX века крестьяне были приведены в «тяжелое положение», писал крупнейший специалист того времени⁶⁵. Крестьянские хозяйства разорялись в массовом масштабе, так как росли издержки сельскохозяйственного производства, прежде всего за счет арендной платы⁶⁶.

⁶³ Качоровский К. Народное право. С. 20.

⁶⁴ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1919. С. 44, 159.

⁶⁵ Маслов П. П. Крестьянское движение в XIX столетии // Образование. 1907.

№ 10. С. 158.

⁶⁶ Он же. Аграрный вопрос в России. 3-е изд. М., 1924. Т. 2. Кн. 1. С. 25.

Суть процессов оскудения заключалась в том, что на изменение целого ряда условий, включая рост товарно-денежных отношений и населения, основная масса крестьянства не сумела ответить повышением эффективности своего труда, поднятием культуры земледелия, новыми формами организации производства. Изменения условий требовали отказа от архаичных экстенсивных методов труда, от древней системы конструктивной напряженности, нацеленной на постоянное повторение старых методов деятельности в измененных условиях. Теперь существовать можно было, лишь перейдя к конструктивной напряженности, нацеленной на развитие. Раньше крестьянин был уверен, что помещик не даст ему умереть с голоду, теперь же он в стрессовых ситуациях оказывался наедине с бедствиями. Уже одно это обстоятельство свидетельствовало, что крестьянская реформа не увенчалась успехом.

Чем примитивнее способ земледелия, тем больше земли он требует. В древности человеку для промыслов, сельского хозяйства нужны были огромные просторы. Прогресс сельского хозяйства есть интенсификация использования земли. Между тем способы хозяйствования оставались те же, что и 50-75 лет назад. Основная масса крестьян рассматривала улучшения в хозяйстве как барскую затею. Крестьяне — депутаты Думы говорили: «Культура — дело барское!» Деревня прежде всего пыталась увеличить свое землепользование. Крестьянин, если у него оказывались деньги, использовал их не на улучшение хозяйства, но для покупки земли. Общая пахотная площадь в стране в 1881 году увеличилась на 14,2%, а в 1887 году — на 25,8% по сравнению с 60-ми годами.

Сталкиваясь с другими народами — китайцами, корейцами, латышами, — русские крестьяне не могли не видеть преимуществ высокой сельскохозяйственной культуры. Если русским переселенцам не хватало 25—30 десятин, то местное население благоденствовало на 4—5 десятинах. Страх перед новшествами мешал переселенцу перенимать более совершенные методы. Переселенцам, по их словам, «не с руки», «не подходящее дело» копать в земле, как «копаются» латыши, сарты или корейцы; им надо распахаться пошире да побольше посеять, хотя бы его широкая запашка давала ему, в конце концов, гораздо меньше, чем дают маленькие поля китайца или сарта, пишет А. Кауфман. Этот же автор приводит выдержку из одного крестьянского приговора Новгородской губернии: «Чухна, хозяйствующая на участке такого размера, при котором русский крестьянин едва имеет хлеб, не только сыт, но и ест ветчину, мясо, масло, пьет молоко и прочее». Важен вывод Кауфмана:

«Никак нельзя будет сказать, чтобы многоземельным крестьянам жилось лучше, чем малоземельным. Скорее выходит как будто наоборот... а расширение крестьянского землевладения поведет к несомненному подрыву производительных сил страны»⁶⁷. Все это говорит о том, что не столько малоземелье, сколько низкая культура земледелия лежала в основе аграрной проблемы страны.

Алябьев, путешественник, посетивший в 60-х годах XIX века Амур и Уссури, писал, что крестьяне-переселенцы жаловались на тесноту. Между тем даже к концу века там приходилось по одному человеку на десять квадратных верст. Крестьянин в Западной Европе, обладая 1,8—4,5 десятинами, мог вполне жить на доход со своего участка, не только сам не нанимаясь в батраки, но даже имея возможность пользоваться наемной силой. «Сущность аграрного вопроса — кризис первобытного земледелия»⁶⁸, — четко констатирует А. Кауфман. А. Энгельгардт писал: «Хороших хозяев очень мало... Между крестьянами есть много таких, которые не только не могут быть хорошими хозяевами, не только не могут работать иначе как за чужим загадом, но даже и работать хорошо не умеют»⁶⁹. Уровень сознания большинства крестьян не давал основы для интенсификации производства, для поисков путей повышения культуры и эффективности земледелия. «На все несчастья, бедствия, неудачи в своей жизни крестьяне смотрят как на божье наказание. Трудно вести в деревне борьбу с такими бедствиями, как пожары, эпидемии, эпизоотии и вредители сельскохозяйственных культур. Крестьянин убежден, что с этими бедами бороться грешно. Организованные по деревням пожарные обозы в момент пожара оказываются почти всегда в полной пассивности ввиду мнения: „Все равно сгорит, если на то воля божия“, пожары же от молнии уже всегда приписываются гневу божию или Ильи-пророка. Во всех этих случаях (появление саранчи, вредной мухи, червя и т. п.) крестьянин обращается часто к священнику для совершения молебна, крестного хода или другого церковного обряда, следит со вниманием за точным исполнением его и считает, что если обряд выполнен, то он должен пассивно ожидать результатов молитвы»⁷⁰. Крестьянин чувствовал себя во власти капризного языческого бога: «Бог не дает — и земля не родит», даже «це-

⁶⁷ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. С. 140, 141, 157, 175, 242.

⁶⁸ Там же. С. 135, 170, 205, 246, 265.

⁶⁹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. С. 385.

⁷⁰ Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России/ Сост. Петерсон Н. Л. СПб., 1904.

ны бог строит». Он просил божество, как в глубокой древности: «уроди, боже, с мешка три мешка», «дай, боже, дождю в толстую вожду».

В условиях низкой культуры земледелия никакая экспроприация помещичьих земель не решила бы проблемы. К февралю 1917 года три четверти всей пахотной земли принадлежало крестьянам. Нельзя также забывать, что раздел помещичьих земель, где урожаи вдвое, а в хороших хозяйствах — вчетверо превышали урожаи окружающих крестьянских хозяйств, не только бы сократил объем сельскохозяйственной продукции, но нанес бы непоправимый ущерб культуре земледелия. Это обстоятельство особенно важно в связи с тем, что в 70-80-х годах помещичье земледелие достигло определенных успехов. Отсюда очевидно, что *борьба крестьян за землю имела совсем иной смысл, чем тот, что вкладывали в нее как сами крестьяне, так и та интеллигенция, которая переводила на язык «науки» мифы массового сознания. Эта борьба по самому своему существу не могла привести к конструктивным решениям, но была лишь активизацией древних ценностей, мощной попыткой растревоженной общины перейти в наступление и перенести свои уравнивательные идеалы на все общество, превратить все общество в уравнительную общину,*

РЕНЕССАНС ОБЩИНЫ

Основная масса крестьянства ответила на ухудшение условий не переходом к новому типу конструктивной напряженности, связанному с развитым утилитаризмом. Реакция крестьянства оказалась попыткой прорваться опять к синкретизму, усилением борьбы крестьян за сохранение древнего локального типа жизни. Наиболее ярко этот процесс проявился в укреплении сельской общины, древнего сельского мира.

Можно считать определенной исторической закономерностью, что на переломе эпох, когда новые ценности активно вторгаются в жизнь, старые, казалось, давно обесцененные идеалы неожиданно обретают волю к борьбе. В Среднем и Новом Царстве Египта историки констатировали полное или почти полное разложение общины, тогда как в птолемеевском Египте она существует. В поздней Римской империи также отмечается возрождение общины. Для Европы XV и XVI веков характерно возрождение древних суеверий как формы самозащиты древнего уклада, традиционных ценностей. Серьезные социальные бедствия всегда способствовали оживлению древних идеалов. «Черная смерть» в Западной Европе в конце XIV

века, унесшая почти четверть населения, вызвала многочисленные акты насилия, возрождение древних языческих ритуалов, массовую истерию. В последние 50-100 лет во многих странах третьего мира также наблюдается активизация древних ценностей.

Первые 10—12 лет после отмены крепостничества деятельность общины не носила активного характера. Но беллетристы 70-х годов описывают в деревне процесс возрождения общины. В стране учащаются общинные переделы земли, отчетливо просматривается стремление к уравнительному землепользованию. Массовость этого процесса заставляет привлечь к нему пристальное внимание. Этот процесс означал одновременно попытку бросить на произвол судьбы государство, замкнувшись в своих локальных мирах, отказ от роста и развития товарно-денежных отношений. Правительство, через реформы толкавшее страну на путь товарно-денежных отношений, столкнулось с мощной волной стремления крестьян укрепить локальные дотоварные отношения. Древняя, казалось бы, потерявшая силу под властью помещика община вновь активизировалась. Сравнительный анализ положения по 66 уездам различных губерний на 1880 и 1897-1902 годы показывает⁷¹, что за этот период процент общин, сохранивших беспеределное неуравнительное землепользование, уменьшился с 65 до 12. Общинно-уравнительные тенденции резко возросли, причем процент общин с наиболее уравнительным принципом передела — по числу едоков — вырос с 6 до 19%. Налицо явный возврат к древним уравнительным ценностям. По губерниям картина не менее впечатляющая. В Саратовской губернии процент общин, производивших передел, возрос за период с 1870 по 1900 годы с 33 до 63. Переделы по числу едоков произведены были в 41% общин по сравнению с 1% в 1870 году. Во Владимирской губернии с 1870 по 1902 год процент общин с уравнительным принципом распределения земли возрос с 20 до 94, в Московской губернии с 1870 по 1899 год — с 27 до 77. Причем повсеместно преобладает уравнительный принцип, возрастает удельный вес общин, перераспределяющих землю в зависимости от количества едоков. В упомянутых 66 уездах 68% общин бывших государственных крестьян изменили порядок разверстки в пользу уравнительности и только 11 % — наоборот. По Саратовской губернии в 73 % общин произведены уравнительные переделы и лишь в 10% наблюда-

⁷¹ См. богатый и интереснейший материал: *Вениаминов П.* Крестьянская община (что она такое, к чему идет, что дает и что может дать России?). [Б. м.], 1908.

лась противоположная тенденция, по Московской губернии в 90% общин переделы приняли более уравнительный характер.

Участилась купля земли общинами. С 1901-1903 по 1905—1906 годы она увеличилась в три раза, тогда как покупка отдельными домохозяевами снизилась. Рост товарно-денежных отношений в этой сфере фактически приводил к усилению общины. Общинное крестьянство, т. е. три четверти общей его численности, не только не намерено было отказываться от уравнительных принципов, но явно стремилось к их утверждению. Активизация древних ценностей — далеко не редкое явление в момент обострения социальных противоречий. Вероятно, такого типа социальный процесс имел место и в древности, когда возникавшая ограниченность земли приводила к ее периодическим уравнительным переделам. Каждый шаг в развитии товарно-денежных отношений, угроза перерастания умеренного утилитаризма в развитой усиливали набат древнего вечевого колокола, способного поднять на ноги несметные силы. Основная масса крестьянства с неохотой включалась в систему товарно-денежных отношений, противостояла дальнейшему их усилению, т. е. экономической необходимости капитализма. Перед слабым капитализмом возник грозный противник. Это был крестьянин, сформировавший свои представления в незапамятные времена и тяжело страдавший от перемен. По переписи 1897 года в деревне проживало 87,2% населения, причем грамотных там было 23,8% (по стране в целом — 28,4%). Сама практика общинных переделов показала ограниченность влияния утилитаризма: передел был невыгоден доброй половине крестьян, а некоторым наносил серьезный ущерб. Тем не менее крестьяне шли на это. Крестьянство неуклонно двигалось к торжеству локализма.

Эта активизация синкретизма получила свое выражение и в религиозной сфере. Усилилось движение к староверию, рост протестантских сект, что было еще одним свидетельством раскола почвы. Возросло стремление к языческой критике православия. Возникшая секта «хлыстов» пыталась вызвать ритуальными плясками — радениями — откровение святого духа, причем святой дух в понимании хлыстов — в сущности языческое «красное солнышко», которое обогреет «сирот бедных». «Духовные радости» хлыстов были проникнуты натурализмом крестьянских верований, в отделениях сект — кораблях — совершались языческие обряды ярилиной ночи. Количество староверов и сектантов в 80—90-х годах составляло не менее 20 млн., т. е. 20% всех православных и 13,6% всего населения

страны⁷². В высших кругах в середине века также отмечалось увлечение староверием.

Очевидно, что реформы не ослабили, а скорее усилили антимедиацию, т. е. массовое стремление вернуться к архаичным локальным формам жизни, основанным на натуральных отношениях, вернуться к миру без начальства, миру, парализующему всякую попытку ослабить уравнительность. Реформаторы же стремились к противоположным целям.

РАСКОЛ ПОЧВЫ

Ренессанс общины был ответом на развитие утилитаризма, товарно-денежных отношений. Умеренный утилитаризм перерастал в развитой, усилился процесс индустриализации, возросло значение денег, в частности, в результате появления на рынке после реформы гигантских денежных сумм. Некоторая часть крестьян шла по пути развития товарно-денежных отношений, занималась торговлей, промышленностью, земледелием на необщественных землях. Они обычно занимались и ростовщичеством. Если общине в нашей исторической науке явно не повезло, то развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве было любимой темой. Однако результаты этих исследований свидетельствуют об ограниченном и одностороннем росте товарно-денежных отношений. Например, производство товарной продукции в сельском хозяйстве крестьянами во второй половине XVIII века было «явлением спорадическим, даже исключительным»⁷³. Рост товарно-денежных отношений в России носил скорее циклический характер, чем прогрессивно нарастающий.

Проблема роста товарно-денежных отношений не может быть рассмотрена в отрыве от раскола. Высшая власть постоянно стремилась навязать крестьянству расширение масштабов товарно-денежных отношений, что было скрытой причиной конфликтов. Еще правительство Московского государства «с великими усилиями пыталось вводить денежные повинности в старинных культурных местностях суздальско-московской Руси; в земских уставных грамотах XVI века мы на каждом шагу чувствуем, как привык тогдашний плательщик к платежу натурой... Попытки ввести денежное обращение идут сверху, от

⁷² Пругавин А. Отщепенцы. СПб., 1884.

⁷³ Шапиро А. Л. Советская литература по проблемам истории русского феодализма в 1962 году // История СССР. 1963. № 4. С. 150.

правительства»⁷⁴. Петр I, да и все последующие правители практически проводили ту же политику. Например, министерство П. Д. Киселева при Николае I «всемерно поощряло перевод натуральных повинностей в денежную форму»⁷⁵. П. Милюков писал в конце прошлого века: «В классе крестьянском натуральное хозяйство процветало бы и до нашего времени, если бы необходимость добыть деньги для уплаты податей не заставляла крестьянина выносить свои продукты и свой личный труд на рынок»⁷⁶. Современный автор считает, что государство заставляло крестьян увеличивать производство для рынка и для того, чтобы они учились больше производить⁷⁷.

Причина этого — не только возрастающая нужда государства в деньгах, но и стремление создать рынок для промышленности, которая задыхалась без сельского рынка, что заставляло ее ориентироваться на сбыт своей продукции государству. Однако рост товарно-денежных отношений еще не являлся свидетельством, что производственная жизнь крестьян, массовый менталитет перестраиваются на основе рыночных и тем более капиталистических принципов. Этот рост носил для большинства крестьян внешний характер. «В крестьянском хозяйстве, как имеющем ремесленную организацию производства, так и работающем „на скупщика“, отсутствуют элементы капиталистического характера. У крестьянина нет, как и в промышленной работе на скупщика, капитала в истинном смысле этого понятия, так как он заменяется здесь простыми орудиями производства, которые должны быть во всяком, даже чисто натуральном хозяйстве. Здесь нет, следовательно, и экономических последствий применения в производстве капитала, т. е. нет прибавочной стоимости и капиталистического стремления получить ее эксплуатацией наемной рабочей силы. В хозяйстве нет также и ренты...»⁷⁸. Крестьяне, по крайней мере подавляющее большинство, могли производить продукты, которые через покупателей попадали в капиталистический оборот. Но сами они своим строем жизни и ментальностью ему противостояли. Мало этого. Следует обратить внимание на крайне важное обстоятельство, проливающее свет на скрытые тенденции крестьянства. «В продажу поступает не только тот хлеб,

⁷⁴ Покровский. М. Н. Местное самоуправление в Древней Руси// Мелкая земская единица. Вып. 1. С. 199.

⁷⁵ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 38.

⁷⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Ч. 1. С. 67.

⁷⁷ Анфимов А. М. Особенности аграрной истории России. М., 1960.

⁷⁸ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. 3-е изд. Л., 1924. Т. 1. С. 62-63, 255.

который является излишним за покрытием собственного довольствия, но и тот, который отнимается от собственного продовольствия и продажу которого приходится восполнять обратной покупкой»⁷⁹. Торговля хлебом превращается в его залог под проценты, т. е. приобретает далекие от капитализма формы. Отсюда мощное накопление ненависти к росту товарно-денежных отношений даже в их докапиталистической форме, что угрожало разгромом товарно-денежных отношений с архаичных дорыночных позиций. Без учета этой постоянно тикающей мины, заложенной в фундамент государственности, невозможно понять историю страны. Крестьянин мог вести полностью натуральное хозяйство, а получатель крепостнической и натуральной ренты мог продавать ее в качестве товара⁸⁰.

Постоянная необходимость крестьян продавать, чтобы потом покупать, имела еще одну важную сторону. По сути дела, это было приспособлением к принудительному изъятию хлеба по заниженным ценам. Общество как бы стихийно приспособлялось к своей собственной неспособности установить сбалансированные цены, нормальные экономические отношения между городом и деревней, обеспечить то, что впоследствии стало называться «смычкой города и деревни» путем стихийного создания механизма принудительной экспроприации хлеба, т. е. некоторой скрытой продрозверстки. Здесь не было еще прямого насилия, изъятия хлеба, но создавалась ситуация, когда крестьяне вынуждены были осенью продавать свой хлеб, включая и необходимый для пропитания. Эта продажа была необходима для выплаты государству. За недоимки крестьяне наказывались не только изъятием имущества (например, коровы), а также, по старой традиции, они подвергались телесным наказаниям. Положение изменилось лишь в результате отмены выкупных платежей в 1907 году. Поэтому реальный рынок хлеба в стране начал складываться лишь с этого момента, незадолго до начала первой мировой войны, т. е. существовал лишь краткий миг, не оставивший глубокого следа в ментальных структурах миллионов людей.

Между тем крестьянская реформа в конечном итоге открывала путь силам, которые вступали в противоречие с древним менталитетом. Она расширяла возможности личной инициативы, возможности менять занятия, продавать и приобретать землю. Этот разрушительный для синкретизма процесс приобретал подчас крайне болезненные формы. Незрелость утилитаризма проявлялась часто в том, что рост творческой инициати-

⁷⁹ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. С. 243, 251.

⁸⁰ Чаянов А. В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Чаянов и Восток. М., 1991. С. 185.

вы был направлен не столько на производство, на созидание ценностей, сколько на использование сложившихся условий для закабаления соседа, для захвата чужих ценностей. Это стимулировало стремление найти виновника, оборотня, несущего зло. Им могли быть все те же начальство, студенты, евреи.

Однако для поднимающейся волны синкретической реакции существовал более близкий враг. Это был свой же сосед-крестьянин, который лучше приспособивался к новым формам жизни, шел по пути перехода от умеренного к развитому утилитаризму, ослаблял свои узы с древней общиной. Те, кто пошел по пути развитого утилитаризма, получили название «кулаки» и «мироеды». Раньше, в 60-70-е годы XIX века, так называли лишь кабатчиков и ростовщиков. Теперь эти ярлыки обратной зла распространялись на значительную часть деревенского населения. Манихейство «творчески» развивалось. К. Качоровский писал: «Существовал слой крестьян, связанный с культурными и экономическими формами индивидуализма». Он составлял контраст с «некультурным союзно-трудовым бытом массы народа». Очевидно, «тотчас же должна была начаться борьба между этими двумя социальными типами, борьба не на жизнь, а на смерть». Внутри общины усилились столкновения между двумя принципами жизни. Одна Правда противостояла другой. «Насколько плуг берет глубже сохи, настолько глубже укореняется и личное право; аргумент: „сколько я пота пролил“ — уступает перед аргументом: „сколько я навоза ввалил“, в праве труда выступила за человеческой силой затрата силы лошадиной и других средств производства. И это трудовое право, доставляемое лошадиной силой, служит рычагом, все резче разлагающим общину и застопоривающим уравнилельно-передельный ее механизм... Скоро плотные ряды „заможных“ антипередельцев как-то разрознились и сжались островками среди волнующихся и напиравших на них сторонников передела, лица их помрачнели, голоса охрипли и потонули в реве толпы: видно было, что за передел стоит значительное большинство»⁸¹.

Наступление уравнилельности постепенно превратилось в борьбу сел и деревень «против заимок и хуторов». В 70-х и 80-х годах эта борьба составляла «по-видимому главное содержание и во всяком случае — наиболее резко бросающееся в глаза явление в области земельных отношений...» Хуторян заставляют «подчиняться общим для всех... порядкам выпаса скота... Заимщики уклоняются от участия в деревенских нату-

⁸¹ Качоровский К. Народное право. С. 18, 153, 178.

ральных повинностях — их заставляют бросать заимки и переезжать на жительство в деревни»⁸². Усиливалась внутриобщинная регламентация, которая распространялась также и на хутора. Подвергаемая разнообразным формам насилия, часть крестьян обращалась к властям с просьбой защитить их жизнь и здоровье⁸³.

Возникла новая, самая глубокая и самая трагическая форма раскола. Расколелась народная почва. Раскол разделил миллионную толпу народа на две враждебные группы, между которыми исчезало взаимопонимание. Раскол прошел между умеренным и развитым утилитаризмом. Он приобрел в сознании общества искаженную форму раскола между кривдой и Правдой, между силами, стремящимися к социализму, к народному благу, и силами, стремящимися к людоедскому эгоизму, к капитализму.

Было бы ошибочным расценивать меньшинство как людей, принявших капиталистические ценности, перешедших на позиции активного предпринимательства, ориентированных на освоение новых видов производства, на повышение культуры земледелия, производительности труда. Вообще проблема развития капитализма в российской деревне требует более глубокого изучения, так как есть основания думать, что раньше здесь было больше идеологизированных мифов, чем осмысления объективных процессов. Система ценностей меньшинства в основном характеризовалась задачей освобождения от власти общины — внешней силы на локальном уровне, большей ориентацией на рынок. Меньшинство стремилось быть хозяином для достижения более высокого эффекта своего труда, для расширения сферы своей инициативы. Развитой утилитаризм боролся не столько с капитализмом, сколько с предшествующими ему формами утилитаризма.

Отношения между расколотыми слоями почвы постепенно достигали крайней степени обострения. Среди крестьян было распространено «убеждение, что земля не может составлять чьей-либо собственности, а должна состоять в пользовании только трудящихся и что поэтому необходимо произвести принудительное отчуждение всех частновладельческих земель»⁸⁴. В приговоре крестьян села Елховки Нижегородской губернии сказано: «Чтобы поднять экономическое положение крестьян и установить Правду и справедливость на земле, вывести нас,

⁸² Кауфман А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. С. 35.

⁸³ Крестьянское движение в России в 1890-1900 гг. М., 1959. С. 232. Документ 1893 года.

⁸⁴ Правительственный вестник. 1906. 20 июня.

крестьян, из столь тяжелого положения, необходимо... добиться, чтобы земля стала общим достоянием всех трудящихся, чтобы каждый имел возможность иметь столько земли, сколько он может обработать своей семьей без найма рабочих... Земля должна принадлежать обществам, а не отдельным лицам и находиться в пользовании обществ бесплатно». Именно в вопросе уравнительного передела всей земли выявился раскол внутри самого крестьянства, расхождения, подчас доходящие до вооруженных столкновений. Так, в октябре 1905 года в Черниговской губернии крестьяне после разгрома помещичьей усадьбы пытались полностью осуществить принцип уравнительного передела и принялись отбирать у более состоятельных односельчан лошадей и потребовали денег. В результате были убиты пятнадцать человек⁸⁵.

Имели место случаи разгрома имущества богатых крестьян. В жандармском сообщении из Пензенской губернии читаем: «Настроение крестьян весьма враждебное не только в отношении помещиков, но даже и в отношении тех крестьян, которые владеют землей». *«У нас не должно быть гладких, пусть лучшие все будут шершавые»*,— говорили саратовские крестьяне в 1905 году, объясняя аграрные беспорядки, которые уже тогда не ограничивались помещичьими имениями, а обращались и против более достаточных крестьян. «И под знаком подобного поравнения проходила вся современная земельная разруха»⁸⁶. Теперь уже вражда, ненависть прошла не между народом и начальством с белыми пуговицами, а между самими общинниками. Община стала ареной раздоров между соседями. Страшная болезнь раскола все глубже врезалась в тело народа.

ОБЩИНА: ДА ИЛИ НЕТ?

Правящая элита испытывала возрастающую обеспокоенность положением крестьян и их настроением. С. Витте в письме к царю в 1898 году говорил, что «крестьянский вопрос является нынче первостепенным вопросом жизни России». Правящая элита искала путей к крестьянству. В проекте так называемой булыгинской думы содержалась явная ориентация на крестьянство, крестьянским выборщикам предназначалось не менее трети мест. Специальное совещание под председательством царя, посвященное подготовке Думы, рассматривало

⁸⁵ Дроздов И. Г. Аграрные волнения в Черниговской губернии в годы первой революции. М.; Л., 1925. С. 98-109.

⁸⁶ Котляревский С. А. Оздоровление// Из глубины. М., 1989. С 187 (курсив мой.— А. А).

крестьян как «ценный балласт, который придаст устойчивость кораблю — Думе в борьбе со стихийными течениями и увлечениями общественной мысли».

На заседании Совета министров 24 января 1906 года было решено, что крестьянский вопрос имеет «бесспорное первенствующее значение», от разрешения его зависит весь правовой уклад местной жизни и экономическое будущее России.

Недоимки катастрофически возрастали. В 1875 году их сумма не превышала 29 млн. руб., в 1900 году они составили 119 млн. Если в 1871-1875 годах процентное отношение крестьянских недоимок к годовому окладу по Симбирской, Тульской и Казанской губерниям соответственно составляло 5, 3 и 4%, то в 1898 году они уже составляли 277, 244 и 418%. В 1886 году министр внутренних дел граф Д. Толстой доказывал: «Так продолжаться не может, отовсюду я получаю известия о поголовном разорении, еще несколько лет — и мы дойдем до пугачевщины». Как и в Смутное время, наблюдалась «шаткость в умах и общественная рознь, то же пренебрежение к нравственным основам жизни... падение всякого авторитета власти среди крестьян»⁸⁷. Крестьянство обрывало свои связи с государством, отказывалось платить.

Тревога правящей элиты особенно усилилась после голода 1891-1892 годов. Правительство пыталось снять остроту земельного голода и ослабить налоговый гнет. Были понижены выкупные платежи, отменена подушная подать. Власть пыталась сочетать свое устремление к авторитаризму с уступками крестьянству. Она шла навстречу древним ценностям. Аграрное законодательство способствовало консервации патриархальных отношений в деревне: ограничивались семейные разделы с целью воспрепятствовать дроблению крестьянской семьи. Ориентация власти на архаичное крестьянство главным образом получила выражение в политике сохранения общины. С. Витте полагал, что «общинное землевладение наиболее способно обеспечить крестьянство от нищенства и бездомности». Община была удобна в фискальных целях, правительство могло ее полностью подчинить чиновникам. По закону от 14 декабря 1893 года запрещался выход из общины крестьянам, досрочно погасившим выкупные платежи. Николай II усиленно сопротивлялся мерам, которые могли бы подорвать общину.

Правящая элита все больше увязала в неразрешимом противоречии. С одной стороны, в обществе развивалась промышленность, социальные слои, связанные с прогрессивными формами производства. С другой стороны, значительная часть

⁸⁷ Пазухин А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 50, 18.

страны находилась, по словам Витте, в «некультурном (диком) или полукультурном виде». *Правящая элита пыталась теперь решать медиационную проблему, согласившись с ценностями общины, локализма. Тем самым правящая элита вписывалась в определяющую на этом этапе массовую инверсию, что объективно было поддержкой разрушительного для большого общества локализма.* Эта политика не могла долго продолжаться. Для самого существования государства было необходимо обеспечить неуклонный прирост творческой энергии, экономического роста, развитие, повышение доходной части бюджета. Это требовало политики, покровительственной в отношении промышленности и торговли. Потребности обороны также диктовали необходимость развития транспорта, промышленности. Власть стояла перед необходимостью ориентации на социальные слои, связанные с системой товарно-денежных отношений. Но это, в свою очередь, требовало отказа не только от курса на авторитаризм, но и от политики поддержки уравнилельных ценностей, т. е. ценностей большинства. В декабре 1904 года был издан указ, который возлагал на комитет министров обязанность изыскивать меры для водворения законности, расширения свободы слова, веротерпимости, местного самоуправления, устранения излишних стеснений инородцев и всяких исключительных законов. Однако противоречивость ситуации толкала Николая II в противоположную сторону, провоцируя хромающие решения. Попытки прогрессивных реформ показали правящей элите угрозой государственному строю. Исполнение указа от декабря 1904 года встречало все больше препятствий, и вся деятельность в соответствии с этим постановлением прекратилась.

В ноябре 1905 года был выработан законопроект о принудительном отчуждении части помещичьих земель с соответствующим выкупом их в том случае, если помещик добровольно не соглашался на продажу земли крестьянам по сходной цене. По свидетельству управляющего земским отделом министерства внутренних дел В. Гурко, правительство готово было в это время «передать в руки крестьянам если не всю, то значительную часть земельных владений частных лиц»⁸⁸. В октябре 1905 года профессор П. Мигулин предлагал отчуждение в пользу крестьян около половины помещичьих земель, причем немедленно. Однако власть не решилась на осуществление столь радикальных проектов. Боязнь ущемить помещиков не могла иметь для нее определяющего значения: опасность крестьянских бунтов была страшнее. Подобные меры не соответство-

⁸⁸ Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С. 42-43.

вали важнейшему элементу системы ценностей медиатора — экономическому укреплению крестьянства, обеспечению его платежеспособности. Власть не решалась пойти по пути всеобщего уравнительного перераспределения земли, что лишь ухудшило бы положение сельского хозяйства. Правящая элита все время стояла перед убийственной альтернативой: либо идти навстречу системе ценностей большинства и тем самым снизить творческий потенциал сельского хозяйства, либо сохранить очаги с более высоким потенциалом и тем самым разойтись с большинством. Урожаи хлебов на помещичьих землях были существенно выше и возрастали быстрее⁸⁹, не говоря уже о том, что качество зерна там было выше. Оба решения могли иметь катастрофические последствия. В этой связи все острее становилась проблема существования общины — оплота синкретизма.

В среде правящей элиты росло влияние противников общины. Они видели главную причину неурожаев в пределах общинной земли, «которые повторяются в неопределенные сроки по усмотрению сельского схода, ставя крестьян в полную неуверенность относительно продолжительного пользования ими данными участками земли»⁹⁰. Статс-секретарь А. А. Половцов называл общинную систему земледелия «табунным ковырянием земли»⁹¹, предупреждал о катастрофе, которой угрожало сохранение общинного землепользования. С. Витте, ссылаясь на массовые обследования земствами общинных порядков, на выводы, полученные на местах, соглашался с тем, что община, уравнительное землепользование «убивает основной стимул всякой материальной культуры» вследствие «временного владения и зависимости от большинства $\frac{2}{3}$ домохозяев, в том числе и тех, которые запустили хозяйство по неумению, лени и нерадению и которые... стремятся пожить за счет более хозяйственных...». Витте предостерегал против смешения «начал первобытного экономического строя и высококультурного». «Временность владения воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли: все сводится к тому, чтобы спяхать побольше, хотя и как-нибудь...» Витте называл общину «патриархальной организацией, давно исчезнувшей в других странах»⁹². Он рассматривал общинные порядки как величайшую несправедливость, деморализующую население и уни-

⁸⁹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 329.

⁹⁰ Неурожай и опасность народного бедствия. СПб., 1892.

⁹¹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 1. С. 9.

⁹² Витте С. Ю. Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905. С. 105, 112, 124, 107, 122.

чтожающую в корне понятие о праве и гражданской ответственности.

Возобладало мнение тех, кто меньше считался с системой ценностей крестьянства. Было ясно, что раздел земли может отсрочить катастрофу, но не предотвратить ее, что выход нужно искать в интенсификации крестьянского хозяйства и переселении части семей на новые земли.

Община являлась мощным бастионом синкретизма, силы которого не только не ослабевали, но и укреплялись.

Отступление от авторитарного курса вновь усилило влияние на правящую элиту либеральных сил. Реформы, начавшиеся в 1861 году, продолжались. Стимулом для дальнейшего углубления реформы послужило катастрофическое поражение в войне с Японией. Сама логика либерализации, активизации инициативы толкала к следующим шагам. От ликвидации помещичьего и государственного крепостничества, что не привело к осуществлению оптимистических надежд, общество двинулось дальше — попыталось освободить личность крестьянина из-под власти усиливающейся общины. В соответствии с Положением от 19 февраля 1861 года «свободный сельский обыватель» должен быть приписан к определенному «обществу» и не мог без его разрешения отлучиться. «В состоянии податных безвестное отсутствие или *самовольная отлучка считается побегом* и подлежит наказанию» (Общее положение... от 19 февраля). «Мир» имел право наказывать и ссылать. Неплательщика или члена его семейства можно было отдать в частные и мирские работы «для заработка недоимок», подвергнуть телесному наказанию до 20 розог, отдать в рекруты. Так как большак представлял семью, то он пользовался соответствующей властью по отношению к младшим ее членам. О характере общинного крепостничества можно судить, например, по такому факту. С 1861 по 1882 год число семейных разделов в 46 губерниях составило 2,4 миллиона. Из них только 12,8% получили разрешение сельских сходов⁹³. Некоторые ограничения свободы личности отменялись (например, круговая порука), однако это мало меняло общую картину.

9 ноября 1906 года Николай II утвердил указ, по которому «каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли». *Это означало отказ от поддержки общины, решительный поворот в политике правительства.* Правящая элита перемещала центр тяжести своей системы ценно-

⁹³ *Леонтьев А. А. Законодательство о крестьянах после реформы// Великая реформа. Т. 6. С. 173.*

стей от архаичного крестьянского большинства в сторону меньшинства. В гигантском конфликте, который расколол крестьянство, правящая элита заняла позицию, благоприятную для экономически активного, ориентированного на товарно-денежные отношения меньшинства. Закон от 14 июня 1910 года и положение о землеустройстве от 29 мая 1911 года были направлены на разрушение общины. Это был исторический поворот. Обращает на себя внимание исключительная смелость власти, не побоявшейся в период нарастания синкретической реакции фактически бросить вызов большинству крестьянства, нанести удар локальному миру. *Причину этой смелости следует искать в непонимании силы общины.* Этому способствовала атмосфера, связанная с основным заблуждением массового сознания, что сама община якобы была создана правительством в своих интересах и, следовательно, правительство могло ее ограничить, оттеснить, уничтожить.

Центральной фигурой этих реформ был глава правительства П. А. Столыпин (1862-1911). Он руководствовался соображениями об «оскудении земледельческой России», о том, что крестьянство является «самой большой, самой слабой частью» государства, что оно «хиреет», что необходимо освободить его «от тисков», т. е. от общины⁹⁴. Его политика была направлена на формирование в обществе среды мелких и средних собственников, которая повсеместно служит оплотом и цементом государственного порядка. Конечной целью новой политики было создание единоличных владений в форме отрубного и хуторского хозяйства. Лишь развитие у крестьян инстинкта собственности, освобождение наиболее энергичных и предприимчивых крестьян от гнета мира могут поднять деревню и упрочить ее благосостояние. «Правительство,— говорил Столыпин,— ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных»⁹⁵, т. е. отказывалось от поддержки уравнительной справедливости в пользу справедливости, основанной на стремлении к большей эффективности.

Хотя эти соображения и кажутся убедительными, следовало бы тем не менее задать вопрос, способна ли власть вообще решать эту задачу, да еще в ограниченные сроки. Столыпин оказался жертвой все той же трагической иллюзии всемогущества государства. Кроме того, не было исследований, доказывающих, что ликвидация общины явится реальной предпосылкой экономического подъема. Фактически уровень сельского хозяйства в России был столь низок, что в чисто экономическом плане община, как это ни парадоксально, не изжила себя.

⁹⁴ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 87, 94, 97.

⁹⁵ Стенографический отчет 3-й Государственной Думы. С. 2283.

Факты не подтверждали, что на общинных землях хозяйство велось хуже⁹⁶. Община может быть выгодна для крестьян в условиях «примитивной культуры и дешевизны сельскохозяйственных продуктов»,— полагал С. Витте⁹⁷. Община на том уровне не исключала и определенного ограниченного прогресса земледелия. Например, незадолго до начала первой мировой войны целые уезды с преобладающей общинной формой землепользования переходили на более прогрессивную плодосменную систему.

Страна встала перед роковым противоречием. С точки зрения мировых достижений общинное земледелие было непродуктивной архаикой, но с точки зрения непосредственных носителей этой системы переход к более сложным формам хозяйства представлялся неоправданным и в значительной степени невозможным.

Либеральные идеи, положенные в основу реформы П. А. Столыпина, опять-таки носили ограниченный и абстрактный характер. А в бюрократическом истолковании они приобрели характер своеобразной антиобщинной инверсии. Община стала отождествляться со всем, что было негативного в деревенской жизни: круговой порукой, чересполосицей, бюрократическим нажимом, низкой культурой земледелия, отсутствием инициативы и стремления к прогрессивным новшествам и т. д.

Непосредственным и самым существенным результатом реформы явилось усиление раскола в крестьянстве. Правительство с присущей ему бюрократической прямолинейностью перешло на позицию поддержки интересов меньшинства, тогда как основная масса крестьянства стойко сопротивлялась политике, ориентированной на сильных. За период до 1 сентября 1914 года только 26,6% пожелавших выйти из общины получили согласие своего общества, 72,3% из выделившихся должны были для этого прибегнуть к помощи полиции или войск⁹⁸. Выделилось около одной пятой всех крестьян, т. е. меньшинство, хотя и значительное. Упорное сопротивление выходу из общины весьма убедительно объяснил саратовский губернатор: «Существует непреодолимое препятствие к обогащению, к улучшению быта крестьянского населения, что-то парализует личную инициативу, самодеятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание. Доискиваясь причины этого зла, нельзя не останавливаться на всепоглощающем влиянии на весь уклад сельской крестьянской жизни общинного владения землей,

⁹⁶ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. С. 147.

⁹⁷ См.: Ананьин Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте// Вопросы истории. 1990. № 8. С. 45.

⁹⁸ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 211.

общинного строя. Строй этот вкоренился в понятие народа. Нельзя сказать, чтобы он его любил; он просто другого порядка не понимает и не считает возможным. Вместе с тем, у русского крестьянина страсть всех уравнивать, всех привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого деятельного и умного, то лучшие элементы деревни должны быть принижены к пониманию и стремлению худшего инертного большинства»⁹⁹.

Столыпинскую реформу можно охарактеризовать как беспрецедентную попытку высшей власти перестроить общество на атомарном уровне, предпринятую без страха перед последствиями такого вмешательства. Это вмешательство не увенчалось успехом.

Крах столыпинской реформы фактически означал, что альтернативная линия на переход страны к либеральной цивилизации, на освоение ценностей правового государства, частной инициативы, на переход к господству интенсивного воспроизводства зашла в тупик. Движение вперед было отрезано массовым нежеланием крестьян встать на путь частной инициативы. Но вместе с тем и путь назад, т. е. формирование государства, всей социальной и хозяйственной структуры, политической надстройки, соответствующих архаичным ценностям большинства, уравнительной справедливости, автаркии локальных сообществ, явно угрожал хозяйственным банкротством.

Страна раздиралась явными и скрытыми противоречиями. С одной стороны, общество пыталось идти вперед, развивая либеральные политические формы, пытаясь стимулировать частную инициативу, экономическое развитие. Но, с другой стороны, социальная расстановка сил менялась в пользу противоположных сил, что проявлялось в двойственности самой политики правящей элиты, в хромающих решениях, в шараханье от одной политики к противоположной, в попытках совместить несовместимое, продолжать Великие реформы и одновременно идти путем контрреформ. Мощная активизация общинных отношений, казалось бы, могла привести к возврату к каким-то давно ушедшим этапам развития общества. Но этому мешало усиление потребностей общества в росте разнообразных ресурсов, что вынуждало двигаться в противоположную сторону. В результате нарастало социокультурное противоречие между массовой архаичной культурой и теми отношениями, которые были необходимы для обеспечения роста потребления. Одним из последствий этого противоречия был

⁹⁹ Крестьянское движение в России. 1907-1914 гг. М.; Л., 1966.

разрыв между потенциальными возможностями работника, культурой труда и управления и каждой попыткой общества сделать шаг вперед. «Представители нашего землевладельческого сословия не в состоянии обеспечить доходность своих поместий, не только не могут поднять уровень сельского хозяйства, но не способны вообще сколько-нибудь толково заведовать своими имениями, а потому отрываются от земли, причем постепенно разоряются. Не в лучшем положении находится торгово-промышленный класс; его молодые силы также не обладают теми познаниями и свойствами характера, что требуют современные условия жизни от лиц, занимающихся торговлей или промышленностью»¹⁰⁰. Недостаточная склонность «к торгово-промышленной деятельности... объясняет в значительной степени ослабление производительности страны, малое использование ее естественных богатств». Автор связывал это с плохим состоянием образования. Речь идет не о неспособности овладеть более сложной техникой, технологией, но прежде всего о формах труда, связанных с выходом за рамки господства натуральных отношений, о тех формах, которые требуют ориентации на рынок, на подчинение человеческих отношений постоянно меняющимся проблемам все более сложного общества. Поэтому страна «занимала последнее место среди других великих мировых держав...». С 1905 года «экономическое положение проявляет грозные признаки ухудшения: количество многих производимых страной ценностей уменьшается, удовлетворение главнейших народных потребностей понижается, государственные финансы приходят все в большее расстройство»¹⁰¹. Налоговое бремя составляло в стране 15 рублей на душу из годового дохода (1904 г.). Этот налог почти вдвое меньше, чем у народов Западной Европы, однако переносился он с гораздо большим трудом, так как на Западе он выплачивался из безмерно большего дохода. Значительная часть хлеба вывозилась, что, без сомнения, усугубило продовольственные затруднения и голод после начала мировой войны. Уже в 1915 г. прошли сотни голодных бунтов. Германия в 1904 году, которая, как и Россия, производила в 1904 г. 26 пудов хлеба на душу населения, вывозила хлеб из России. Соответственно душевое потребление хлеба составило в том же году в России 18,34 пуда (т. е. упало по сравнению с 1894 годом на 20%) против 28,06 пуда в Германии. Из великих держав того времени потребление хлеба нигде не падало ниже 23 пудов. Налицо были «грозные признаки оскудения»¹⁰².

¹⁰⁰ Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. С. 226—227.

¹⁰¹ Там же. С. 18.

¹⁰² Там же. С. 10, 5, 6, 15, 75.

«ИДИТЕ БИТЬ СТРАЖУ И СОБСТВЕННИКОВ!»

Новый этап раскола стал отливаться в новые мировоззренческие формы. Крестьянское большинство стало отождествлять тех, кто выходил из общины, с начальством, с помещиками. Депутат Думы крестьянин А. Кропотков говорил в своем выступлении: «Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября — это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков, помещиков, а из бедняков — батраков, вечно голодных работников... Этот закон восстанавливает нас друг против друга». «И только начинают его применять в нашей местности, как с применением этого закона у новых помещиков, как говорят наши крестьяне, горят дома». 18 сентября 1908 года самарский губернатор сообщал об имевшем место избиении односельчан, пожелавших выделиться из общины. Они могли пахать лишь под охраной. Крестьянин И. Болтышев, «искренний патриот отечества и верноподданный его величества», как он именовал себя в письме к Столыпину от 9 ноября 1906 года, из своих личных наблюдений делал следующие выводы: «Закон 9 ноября производит страшную пертурбацию в среде крестьян, и по моему убеждению в законе 9 ноября зарыто начало очень серьезной будущей всеобщей революции». Настроения крестьян, по-видимому, выразились в призыве крестьянина села Домашки Самарской губернии, который в 1911 году выступил во время акта межевания: «Бейте в набат, берите вилы, колья. Что вы стоите? Идите бить стражу и собственников!» В результате последовавших столкновений были с обеих сторон раненые, трое из них умерли¹⁰³. В характерном лозунге, выкликнутом Балмашевым, отразилась *ненависть к собственникам*, т. е. к тем, кто оторвал общинные ценности и действует вкупе с начальством. *Их, как и начальство, отождествляли с силами зла.*

Сведению воедино крестьян-собственников и начальства способствовали бюрократические методы, которыми проводилась реформа. Одним из свидетельств этого явилась проникнутая большим драматизмом речь правого депутата крестьянина В. Образцова, утверждавшего, что даже мобилизация всей русской армии не позволит юридически и фактически превратить 50 млн. крестьян-общинников в личных собственников. «От неумеренного применения закона 9 ноября,— говорил он,— к осуществлению которого, в течение последнего полугодия, правительство приняло особые меры давления, образовалась

¹⁰³ Крестьянское движение в России. 1907-1914 гг. С. 286.

величайшая опасность не только для благосостояния, но и для самого существования России. Опасность эта чрезвычайная...»

Столыпинская реформа столкнулась с непреодолимой преградой. Исследования показывают, что «столыпинская аграрная реформа провалилась еще до первой мировой войны. В целом крестьянское землепользование осталось низкотоварным, надельно-натуральным... Реформа не привела к сдвигу в развитии земледелия...» Особенно интересен и неожидан вывод, что «земледелие все в большей мере основывалось на середнячко-бедняцких слоях деревни. Столыпинская реформа не только не прервала эту тенденцию, но в начале XX в. еще более усилила ее... В целом зажиточные крестьяне не только не превратились в определяющую экономическую и социальную силу в деревне, как замышлялось, но их роль даже заметно уменьшилась». Налицо было «нежелание основной массы крестьян выходить из общины и общая малочисленность зажиточной прослойки в деревне...»¹⁰⁴.

Крестьяне, выделившиеся из общины, не могли стать достаточно прочной опорой власти, так как частично разорялись, частично продавали землю и уходили в город, частью включались в общекрестьянский конфликт с властью, требуя уравнительного передела. В этом сказался *просчет правящей элиты, являющийся следствием основного заблуждения русской интеллигенции, той иллюзии, что стоит лишь снять внешние утеснения (в данном случае — общину), и начнется процесс, благотворный для общества, для творчества свободных людей.* Заблуждение это выявилось также и в точке зрения, что творчество обязательно будет конструктивным для общества и государства. *В действительности рост творчества на локальном уровне может быть разрушительным для медиатора.* Власть втянулась в конфликт с массовой силой общества. Убийство Столыпина лишь символизировало крах реформы. *В конечном итоге реформа была сорвана массовым сопротивлением крестьянства.* Тем не менее определенные экономические результаты реформы заслуживают внимания. Часть новых отрубников и хуторян успела сделать кое-что для улучшения своего земледельческого хозяйства, повышения производительности земли. Большими темпами росла крестьянская кооперация. Ощущались экономические сдвиги. *Однако основное историческое значение этой реформы заключалось в том, что она послужила важным звеном в развитии мощной нарастающей активизации массовой уравнительности, в нарастании эффекта бумеранга, что и явилось определяющим*

¹⁰⁴ Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа// История СССР. 1991. № 2. С. 63, 65, 67, 68.

фактором дальнейшей динамики общества, а не в тех или иных ограниченных и покоящихся на зыбкой почве экономических достижениях. Господство умеренного утилитаризма толкало к уравнительному перераспределению земли, к ее приобретению не за счет собственного труда, а за счет помещика, крестьянина-соседа. На этом пути невозможно существенно поднять производство. Большинство рассматривало деятельность правительства как бесовскую, разрушительную. Это отношение стимулировалось, в частности, тем, что власть стала на сторону разрушительной уравнительности, а также тем, что она толкала к рынку, заставляя платить денежный налог.

Советские историки, склонные везде искать классовую борьбу, ищут истоки раскола крестьянства чуть ли не с конца XVIII века¹⁰⁵. Действительно, борьба внутри крестьянства против более богатого соседа, резко усиливавшаяся с начала XX века, началась гораздо раньше. Но это не была борьба «сельской буржуазии» (кулаков) и «сельского пролетариата» (бедняков).— *Это было сопротивление носителей древних уравнительных идеалов против развивающегося утилитаризма, против тех, кто разрушал, или казалось, что разрушал, этот древний уравнительный образ жизни.* Эта форма раскола имела особенно тяжелые последствия для страны, так как она непосредственно вторгалась в повседневную жизнь почти всего народа.

«ВЗЯТЬ В РУКИ ДУБИНУ И СОКРУШАТЬ ВСЕ»

Набирающий силы утилитаризм получил поддержку и у растущих по численности рабочих, проживавших в городах. Русский рабочий — вчерашний крестьянин, оказавшийся в условиях городской жизни, но оставшийся тесно связанным с деревней. На Западе рабочие рекрутировались из городских ремесленников и свободных крестьян, тогда как в России — главным образом из крепостных крестьян, общинников. Немаловажным фактором было то обстоятельство, что фабрично-заводские предприятия часто возникали вне городов, т. е. там, где имелась избыточная рабочая сила. К 1902 году 57% предприятий и около 58% рабочих размещались в сельской местности¹⁰⁶. Из числа вновь поступивших на Трехгорную ману-

¹⁰⁵ См. подборку литературы в кн.: Федоров Б. А. Крестьянское движение в Центральной России. 1800-1860. С. 111.

¹⁰⁶ Погожее А. В. Учет численности и состав рабочих России. СПб., 1906. С. 51.

фактуру в 1880-1882 годах крестьяне составляли 60%, а в 1889-1890 годах — 77%.

Власть земли, поскольку рабочий живет на зарплату, замещается в его сознании властью денег, этого всеобщего эквивалента жизненных благ. В этих условиях формировалась *неустойчивая, маргинальная система ценностей*. Целиком завися от зарплаты, он не мог не видеть в ней важнейшего элемента своей системы ценностей, что создавало почву для чисто утилитарного конфликта с хозяином. Этот конфликт по существу означал отрицание принципа патернализма — права хозяина определять объем потребностей рабочего. Рабочий прокладывал себе путь к либеральным ценностям, сознавая правомерность диалога, спора сторон во имя достижения компромисса. Но это не исключало возможности обращения к идеалу, который чужд компромиссу и доводит любой конфликт до бунта. В то же время синкретический груз мешал безболезненному замещению власти земли властью денег: стремление к деньгам, от которых зависела вся жизнь рабочего, не могло не сочетаться с ненавистью к жизни, в которой деньги играют столь важную роль. Рабочий Орлов, литературный персонаж Горького, мечтал «уничтожить копейку». Рабочего не покидало чувство вины, поскольку он вынужден был приспособляться к жизни, не соответствующей Правде и греховной по существу. Отсюда поиск виновников, темных сил, оторвавших человека от жизни по Правде. Раскол почвы переносился из города в деревню.

Рост недовольства усиливался и в городе, прежде всего среди рабочих. Тесно связанные с деревней как родственными связями, так и своей системой ценностей, рабочие отличались от крестьян более сильным утилитаризмом, стремлением бороться за материальные блага. Вот образец мировосприятия городских низов. Это текст речи, произнесенной на улице перед шествием народа к царю 9 января 1905 года: «Товарищи, вы знаете, зачем мы идем. Помните ли вы Минина, который обратился к народу, чтобы спасти Русь? Но от кого? От поляков. Теперь мы должны спасти Русь от чиновников, под гнетом которых мы страдаем. Из нас выжимают пот и кровь. И вот, товарищи, мы идем к царю. Если он наш царь, если он любит народ свой, он должен нас выслушать». Здесь недвусмысленно ставится под вопрос роль царя как носителя Правды, ему предложено испытание, быть может, последнее.

Требование Правды неотделимо от утилитарных требований улучшения условий жизни. Рабочие, в отличие от крестьян менее связанные с традициями, добивались осуществления своих утилитарных целей, становясь в конфронтацию к хозяе-

вам и власти и доводя ее подчас до крайних форм. Забастовки стали обычным явлением, их запрет лишь приводил к ожесточению конфликтов. Министр внутренних дел в 1897 году писал: «Обращает на себя особое внимание образование в последнее время среди рабочих так называемых „боевых дружин“, т. е. групп наиболее революционно настроенных рабочих, которые путем угроз и насилий принуждают менее решительных рабочих присоединиться к стачке или препятствуют желающим стать на работу, а также подвергают всякого рода насилиям, до убийства включительно, рабочих, влияющих на товарищей в смысле прекращения забастовки или заподозренных в обнаружении перед полицией или фабричной администрацией главных стачечников». Один текстильщик заявил: «Нет другого выхода, как взять в руки дубину и сокрушать все, что мешает нам жить». Архаичная психология крайностей в сочетании с древней и вечно молодой верой в возможность борьбы со злом, сокрушая его силой, налицо. В России, где господствовало инверсионное сознание, забастовки были частым и бурным явлением. В этой области с ней вряд ли могла в то время сравниться какая-либо другая страна. Возможность бунта перемещалась вместе с рабочими в город, где, однако, могли существенно возрасти масштабы бунта.

КОНЕЦ ТАЙНЫ

Рост недовольства и беспорядков в городе и деревне стимулировало сближение широких масс и незлитарной интеллигенции. Непосредственно это выразилось в том, что новые слова, в которые интеллигенция облекала элементы массового сознания, стали проникать в толщу народа. «Раньше можно было думать, что народная душа недоступна и непроницаема для проповеди интеллигенции. Последнее же десятилетие, особенно же последнее трехлетие показало, что народ, особенно молодое поколение деревни и городские рабочие, оказываются восприимчивыми к интеллигентскому воздействию и постепенно обинтеллигентиваются или, как это называется, становятся „сознательными“»¹⁰⁷. Этот процесс напоминал прорыв материалистического элитарного сознания к широкому слою интеллигенции. Он не ликвидировал разрыва между духовной элитой и интеллигенцией, так как элита тем временем ушла вперед.

¹⁰⁷ Булгаков С. Н. Интеллигенция и религия// Русская мысль. М., 1908. Кн. 3. С. 98.

Да и сама элитарная культура, попав в среду интеллигенции, изменилась. Теперь проникновение идей интеллигенции в массовое сознание объяснялось стремлением широких масс бунтарской инверсией выйти за свои локальные рамки, раздвинуть свои идеалы до масштабов страны.

Интеллигенция несла в народ разоблачение тайны. Она доказывала, опираясь на «науку», что общество вовсе не то, за что оно себя выдает, это сословная, основанная на эксплуатации система, во главе которой стоит главный бюрократ и главный эксплуататор. Эти слова вряд ли могли иметь успех, если бы навстречу им не шло снизу стремление распространить на царя представление об оборотне, о носителе зла.

Разрабатывая свою идеологию, свою версию гибридного идеала, интеллигенция «двигала шкаф», пытаясь создать впечатление, что реальный раскол существует лишь между народом и властью, а не между народом и революционерами, интеллигенцией. Интеллигенция, постепенно приобретая влияние на широкие слои населения, делала все, чтобы разоблачить тайну господствующей идеологии, апеллируя в соответствии с двойственностью гибридного идеала как к научной истине, так и к народной Правде, игнорируя, что между ними лежит раскол, совершенно различные принципы формирования. Обманутыми почувствовал себя не только народ, но и монархисты различных толков, включая черносотенцев. Все осознали, что царь не соответствует царю из мифа. Обманутыми почувствовали себя либеральные круги, которые увидели неспособность общества эволюционировать по либеральному пути. Обмануты были люди, связанные с развитым утилитаризмом, которые увидели, что власть не в состоянии способствовать их развитию. Власть стала рассматриваться как сословная, т. е. отражающая чьи-то интересы. Это воплотилось в лозунге: «Долой власть помещиков и капиталистов!» То обстоятельство, что все увидели обман, вернее самообман, вовсе не означало, что восторжествовало истинное в научном смысле представление о власти. В качестве истины фигурировала некая манихейская карикатура, которая заклеивала власть как некий шабаш зла, насилия, мироедства. В сущности это было не обнаружение обмана в обычном понимании этого слова, а инверсия в понимании власти, включая царя. Массовое сознание, совершив эту инверсию, было столь же далеко от истинного понимания сути происходящего, как и сознание своих не столь отдаленных предков, которые «узнали», что царь — антихрист. Отсутствовало понимание того, что реальные и мнимые пороки власти, всего строя являются пороками самого общества, в той или иной форме — каждой личности. Лич-

ность видела кривду вне себя — в начальстве, что затемняло действительную суть дела, лишало личность ответственности за зло, открывало путь взрыву уравнительности.

Усилились новые формы интерпретации мирового зла прежде всего как тайных организаций, которые глубоко законспирированы и какими-то особыми недостижимыми методами управляют событиями, преследуя злодейские, корыстные цели. Если угодно, в этом можно видеть «прогресс» архаичного сознания, где зло в форме нечистой силы замечалось образами современного мира. Тайно организованные группы становились синонимом скрытой силы Правды или кривды. Д. Мережковский приводит следующий любопытный факт о беглом матросе Черноморского флота (1906): «Ему казалось, что декаденты составляют что-то вроде тайного общества и что они обладают каким-то страшным, но действительным способом, „секретом“ или „магией“ — он употреблял именно эти слова, — для того, чтобы „сразу все перевернуть“ и сделать человека богом. Сколько я ни убеждал его, что ничего подобного нет, он не верил мне и стоял на своем, что секрет есть, но мы не хотим сказать». Очевидно, эта вера в могущество организации стимулировалась появлением партий, а также ростом организаций, включая хозяйственные, что могло вызывать у народа дискомфортное состояние. При этом курьез был в том, что как раз организационное творчество, создание эффективных организаций, да еще способных сохранить тайну, было слабым местом российского общества.

ЦАРЬ-КАИН

Заводской крестьянин, судившийся в 1880 году за упорное нежелание платить подати, сказал, что «Бог дал всем землю без всяких пошлин и налогов, и это божественное установление соблюдалось до 1861 года, до которого заводские крестьяне пользовались всеми заводскими землями, лесами, покосами и другими угодьями, не неся за них повинностей. Положение 19 февраля 1861 года нарушило этот божий закон, введя уставные грамоты, выкупные платежи, размежевание и урезку земель, но нарушитель этого закона есть антихрист, ибо идет против установления Христа. Следовательно, с 1861 года власть стала антихристовой, император является антихристом, все чиновники и военные, „одевшие светлые пуговицы“ — слуги антихриста; поэтому „сыны божии“ не должны повиноваться антихристовой власти, не должны платить ей никаких податей и повинностей, не должны брать паспорта и отбывать воинскую повинность». Основатель секты еноховцев Андрей

Черкасов назвал антихристом Николая II, обвинив его в убийстве Александра II, отравлении Александра III и убийстве 30 тыс. человек во время коронации¹⁰⁸.

Рост массовых антицаристских настроений, которые имели длительную историческую традицию, приобрел разные формы. Важнейшая из них — попытка возложить ответственность за отпадение царя от народа на богатых и начальство. «Паны задурили царя», — говорил агитатор из крестьян в 1906 году. Логическим завершением этой линии было распространение лозунга: «Долой самодержавие!»¹⁰⁹, использующего язык интеллигенции.

Катализатором массового перелома отношения к царю послужили события 9 января 1905 года. Мирная демонстрация 200 тыс. человек под руководством священника шла к царю, чтобы передать ему петицию. В результате ее расстрела более тысячи человек было убито и около пяти тысяч ранено.

Среди кровавых событий, которыми изобилует русская история, безжалостный расстрел мирной демонстрации приобрел особое значение. Неизвестно, кто принял решение о расстреле, но для царя оно было в конечном итоге равносильно смертному приговору. Обвинения, обрушившиеся на царя, встретили возрастающее сочувствие не только в городе, но и в деревне. Сельский священник выступил перед односельчанами с ожесточенными нападками на правительство, назвал царя кровопийцей, тираном народа, настаивал на необходимости иметь выборного правителя. Предложение одного из крестьян бросить оратора в прорубь поддержки не встретило. Крестьяне повсеместно выступали с явно антицарскими речами: «Нас, крестьян, правительство ждало; виною всего — дом Романовых, государь продал Россию Японии. Дом Романовых за триста лет ничего для крестьян не сделал, а князья лишь пьянствуют; нам надеяться не на что, а брать надо все силой» (Казанская губерния). Священник Г. Гапон (1870-1906), возглавивший шествие, заклеил «царя-Каина», убившего своих братьев. Среди крестьян раздавались призывы: «Не надо ходить в церковь, так как там молятся за царя-убийцу». Любопытно, что сам Гапон ориентировался на веру в царя и мечтал быть мужицким царем в России¹¹⁰.

Лозунг свержения самодержавия приобретал массовую поддержку. Несомненно, большое значение имел рост утилитаризма, определившего взгляд на царя и его двор как на дармо-

¹⁰⁸ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1988. С. 371, 403.

¹⁰⁹ Дроздов И. Г. Аграрные волнения и карательные экспедиции. М.; Л., 1925.

С. 163.

¹¹⁰

Пассе В. А. Воспоминания (1905-1917). Пг., 1923. С. 48.

едов, тунеядцев, расходы которых и являются причиной нищеты народа. Однако, видимо, более важную роль сыграло то, что царь перестал всех равнять. А. Энгельгардт писал, что в сознании народа «царь хочет, чтобы всем *равно*, потому что всех он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя — *всех равнять*»¹¹¹. Теперь все поняли, что царь отказался от этой функции. Очевидно, что *превращение царя в народном сознании в антитотем, разоблачение его как оборотня означало, что одновременно шел напряженный, подчас мучительный поиск нового тотема.*

РЕВОЛЮЦИЯ?

Интеллигентское сознание пыталось истолковать инверсию, ее пик как революцию. Под революцией в европейской традиции обычно подразумевали социально-политическую ломку изживших себя отношений, учреждений и установление новых политических форм в соответствии с новыми, более совершенными производительными силами, новым уровнем потребностей, новыми социальными отношениями. Эталоном служила французская революция XVIII века. *В общенациональном кризисе 1905 года можно найти некоторые элементы революции; либералы стремились к революции, действительно желали установления новых социально-политических порядков, тем не менее это были всего лишь элементы, потонувшие в хаосе разрозненных бунтов.* Бунт — характерная реакция низов на раскол, на коммуникационный разрыв народа с властью. Нравственные мотивы бунта носят древний догосударственный характер, и власть не может не только принять, но даже понять требований бунтарей. Утилитарная сторона их требований в принципе понятна властям, что создает условия для компромисса. *Но бунт направлен против нового, он разрушителен, бесперспективен, неконструктивен и анархичен в силу своей догосударственной природы, своего архаичного нравственного идеала.*

Всплеск инверсии и приходится именно на так называемую «революцию» 1905 года. Историк М. Покровский признает: «Нет никакого сомнения, что если бы московские и ряда других центров рабочие не выступили в декабре с оружием в руках, говорить о 1905 г. было бы очень трудно»¹¹². Характерно, что он не решается назвать события в деревне революцией.

¹¹¹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. С. 540.

¹¹² Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932. С. 405.

Вооруженные столкновения крестьян с войсками были явлением крайне редким, а сопротивление — слабым, действий же наступательного характера крестьяне почти не предпринимали. Лишь в Латвии и на Кавказе имели место вооруженные выступления. Сплошной массой крестьяне поднимались лишь в районе левобережной Украины. Между тем крестьянские волнения достигали значительных масштабов и направлены были в основном против помещиков, начальства, а также против интеллигенции, которую крестьяне считали виновницей перемен. Бунтарский по существу характер крестьянских выступлений, заключавшихся в разгроме и поджогах имущества, а также в убийстве или изгнании помещиков, раскрывается в требованиях, чуждых реальности государственной жизни, далеких от задач развитого общества. Крестьяне шли на разгром имений, руководствуясь интерпретацией своих архаичных представлений. Одна крестьянка объясняла, что люди «приехали грабить панское добро», так как «сам царь-батюшка повелел это делать и прислал нам бумагу с короной». Крестьяне были убеждены, что революционные прокламации «идут от начальства», и поэтому им «нужно верить»¹¹³. Крестьяне боролись не только против помещичьего землевладения, но выступали против частной собственности на землю вообще.

Бунтарская стихия, лишённая реальной перспективы, рационального расчета, вспыхивала и угасала, подчиняясь сложным эмоциональным законам. Люди, претендовавшие на руководство, ощущали существование этой ускользающей эмоциональной основы движения. Большевик И. Ф. Дубровинский призывал воспользоваться короткой вспышкой: «Настроение среди рабочих достигло высшего напряжения, необходимо немедленно действовать,— иначе начнется разложение»,— писал он¹¹⁴. Зависимость движения от эмоциональной сферы подчеркивалась многими. Один из руководителей восстания З. Доссер так характеризовал московские события: «Начало восстания было проведено блестяще, но оно уже опоздало. В городе уже начало чувствоваться понижение настроения, число митингов сокращалось, проходили они с меньшим воодушевлением, и район боев заметно сокращался...»¹¹⁵. Между 14 и 27 декабря «восстание начало гаснуть не вследствие победы царских войск,— такой победой не хвастался даже генерал-губернатор Дубасов,— а по причине истощения сил восставших, во-первых и бесцельности дальнейшей борьбы, во-вторых»,— писал

¹¹³ Дроздов И. Г. Аграрные волнения в Черниговской губернии в годы первой революции. М.; Л., 1925. С. 25, 26.

¹¹⁴ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 400.

¹¹⁵ Там же. С. 401.

М. Покровский¹¹⁶. Ни о каком вооруженном разгроме революции не могло быть и речи. На войска, находившиеся в распоряжении правительства, нельзя было положиться. Дальневосточную армию, потерпевшую позорнейшее в истории страны поражение, правительство боялось возвращать ввиду полнейшей ненадежности. Положение власти было жалким. Действительной «причиной» ее «победы» была абсолютная неконструктивность бунтов, их обратная инверсия.

События 1905 года еще раз опровергли миф о насилии, которым держится русская государственность, о силе штыков как единственной ее опоре. С падением нравственного авторитета таяли ряды защитников власти. Нарастающий кризис толкнул власть на новый поворот к либеральным ценностям.

ТОРЖЕСТВО ЛИБЕРАЛИЗМА И ВЗРЫВ ЧЕРНОСОТЕНСТВА

17 октября 1905 года был опубликован знаменитый манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», вводивший в стране либеральную систему. В каждом слове манифеста слышна жажда единения с народом: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо Российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная — его печаль». Манифест дарует «населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», он гарантирует участие в Думе классам населения, лишенным ранее избирательных прав, «предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права». Далее власть проявляет озабоченность реальным осуществлением свобод, данных манифестом, «чтобы никакой закон не мог воспрять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия постановленных от нас властей»¹¹⁷. По существу, Россия была объявлена свободной страной, либерально-демократические принципы восторжествовали, утвержденные как официальная доктрина. Была совершена попытка беспрецедентных изменений в нравственных основах жизни. Казалось, на мгновение

¹¹⁶ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 403-404.

¹¹⁷ Государственная Дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 90-91.

правящие круги забыли о своем вечном страхе перед непредвиденной реакцией народа. Все без исключения классы населения находились в активной или пассивной борьбе с властью. Все газеты, объединившись для сопротивления цензуре, сплотились, по словам Витте, вокруг одного лозунга: «Долой подлое и бездарное правительство, или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора». Можно лишь поражаться полнейшей изоляции, в которой оказалась власть. «Никто и нигде искренне не высказывался в защиту или оправдание правительства и существующего режима; разница была лишь та, что одни винили его за одно, а другие за другое».

Против правительства настроены были крайние реакционеры, обвинявшие его в либерализме и бессилии. Высшие классы были в состоянии ожесточения. Молодежь, учащаяся в средних и высших учебных заведениях, поголовно симпатизировала крайним партиям. Земские и городские деятели требовали конституции, к ним присоединялись торгово-промышленные круги. Национальные меньшинства выступали с требованием автономии и равноправия. Армия обвиняла правительство в поражениях на фронте, участились волнения и беспорядки в войсках.

Противники власти и в то время, и впоследствии пытались изобразить ее политику как обман, ссылаясь на многочисленные отступления от духа и буквы манифеста. *Но для синкретического сознания всякий акт развития либерализма может восприниматься как обман. Развитие либеральной свободы есть прежде всего по своей природе призыв общества к ответственности, к диалогу. Однако синкретическое сознание, рассматривающее весь мир как источник коварных оборотней, корыстных замыслов, оценивает либерализм как попытку слабейшего противника прикрыть свой особо коварный монолог массой слов, дискомфортной говорильней.* На всякий акт развития либерализма в этих условиях синкретическое сознание реагирует как на обман, как на козни оборотней. Это, в свою очередь, разрушает либерализм, превращая его в столкновение монологов, борьбу одной Правды против другой. В 1905 году выявилась ранее скрытая бешеная ненависть разных слоев общества друг к другу. Все они или почти все рассматривали свою позицию как воплощение единственно возможной высшей Правды. Инверсионное сознание каждой группы требовало от власти безоговорочной, а не половинчатой поддержки. Власть же пыталась найти компромисс. Логика инверсионного сознания неизбежно воспринимала это как измену Правде, как переход на позиции кривды, как до-

казательство продажности власти. Идея продажности стала типичной формой модернизации древних представлений о функции зла.

Основная масса возмущившихся не имела разработанной конструктивной программы, так как синкретическое сознание верило, что ликвидация кривды, в данном случае самодержавия, тождественна реализации Правды. Разочарование в манифесте носило тот же характер, что и разочарование крестьян в реформе 1861 года. Он не удовлетворил крайне антигосударственные вечевые ценности. Многие рассматривали манифест лишь как этап в победоносной борьбе с самодержавием, а не как ценность саму по себе, требующую реализации, воплощения.

Либеральный манифест вызвал взрыв антилиберализма. Крестьяне расценивали этот манифест как санкцию на их борьбу с помещиками. В Самарской губернии крестьянин Шаров так разъяснял односельчанам суть манифеста: «Теперь свободно, айдаге, ребята, валите теперь к помещикам и разграбляйте их добро — за это теперь ничего не будет»¹¹⁸. На улицах городов появилась новая, ранее неизвестная сила, получившая название «черных сотен». Уже 17 октября, т. е. в день объявления манифеста, в Москве в Марьиной роще началось настоящее побоище. На следующий день по стране прокатилась волна антилиберальных погромов, жертвой которых стали прежде всего интеллигенция и евреи. Генерал Дубасов сообщал о таком ходившем толковании манифеста 17 октября: «Царь уехал за границу и дал до января сроку бить жидов и панов»¹¹⁹. Погромы прокатились в районах «черты оседлости», где до этого антиправительственных выступлений не было. Всего за две-три недели было убито 3,5-4 тысячи человек, искалечено до десяти тысяч. В Одессе насчитывалось до 500 убитых, в театре города Томска было заперто и сожжено более 1 000 человек. Были случаи, когда революционеры вызывали полицию.

Черносотенство — это прежде всего городское движение мелких собственников, стремившихся в духе традиционализма сохранить существующий порядок, оградить себя от перемен. В отличие от крестьянства, эти люди в значительной степени были своими интересами привязаны не к натуральному хозяйству, а к определенному типу товарно-денежных отношений, к первому этапу развитого утилитаризма. Они, однако, боялись углубления, расширения утилитарных отношений, что потре-

¹¹⁸ 1905 г. в Самарском крае. Самара, 1925. С. 401.

¹¹⁹ Дроздов И. Г. Аграрные волнения в Черниговской губернии в годы первой революции. С. 143.

бывало бы новых навыков, квалификации, способности к переменам и т. д. Отсюда страх перед интеллектуализмом и либерализмом, перед всем, что могло пошатнуть их положение.

На манифест 17 октября они ответили бунтом, который, как и бунт крестьян, проходил под лозунгом поддержки царя. Идеальный царь, по их представлению, должен был заботиться о сохранении привычного порядка. В действительности это был бунт против царя, подписавшего либеральный манифест, сдавшего свои позиции враждебным либеральным силам. На местах между черными сотнями и властью возникало взаимопонимание. Власти, далекие от сочувствия либерализму, подчас потворствовали погромщикам, вступали с ними в контакт, рассчитывая использовать в целях борьбы с беспорядками. По свидетельству С. Витте, местные власти сочувствовали погромам. Выявилась слабость либеральных влияний в аппарате власти, а также близорукость власти, неспособность разглядеть опасность для себя в союзе с погромщиками. Впрочем, распространенные представления о замешанности министра Плеве в организации еврейских погромов не находят подтверждения.

Черносотенное движение явно демонстрировало невозможность для правящей элиты если не либеральной политики вообще, то быстрого инверсионного типа перехода к либерализму. Оно показало, что диапазон возможностей правящей элиты уменьшается. Население было склонно жить и действовать на основе древних синкретических принципов, следуя инверсионному типу поведения, эмоциональные механизмы оставались ведущими. Люди действовали на основе локального противопоставления своего монолога всем иным монологам. Выяснилось, что вся страна представляла собой картину столкновения относительно замкнутых миров, что не либерализм при содействии власти овладел массами, а синкретически настроенные массы овладели либерализмом, превратили его в собственную противоположность. Ни одна предложенная версия развития страны не могла рассчитывать на всеобщее признание. Общественное сознание было ошеломлено выявившимися ранее скрытыми силами и их взаимной ненавистью. Все видели друг в друге злых демонов, возникла ситуация некоей иррациональной междоусобицы ослепленных ненавистью людей. Дух насилия охватил страну. С. Витте писал о настроениях правящих кругов в этот период: «Тогда был лозунг: „Нужно драть, и все успокоится“, как впоследствии явился лозунг: „Нужно расстреливать, и все успокоится“». А. Хвостов, будущий министр внутренних дел, выступил с проектом, по которому следовало всех смутьянов, лиц, заподозренных в принад-

лежности к революционной организации, попросту уничтожать любыми средствами.

«НАРОД ОДИЧАЛ»

Революционные партии перешли к самому разнузданному террору. В 1905 году только эсерами было убито 1 000-1 500 человек. За несколько месяцев 1906 года в результате индивидуальных террористических актов был убит и ранен 1 921 человек, включая 33 губернатора и генерал-губернатора, 38 начальников полиции и их помощников, 31 духовное лицо, 64 фабриканта и управляющих, их помощников, столько же банкиров и торговцев¹²⁰. Большевики с 1907 года также перешли к индивидуальному террору, занимались грабежами банков. Возник анархический «безмотивный террор» против «буржуазии вообще». Все это безумие скрывало под собой *глубокое нравственное разложение общества*. Л. Толстой в 1910 году писал: «Вандалы... уже вполне готовы у нас в России. И они, эти вандалы, эти отпетые люди, особенно ужасны у нас, среди нашего, как эти ни странно кажется, глубоко религиозного народа. Вандалы эти особенно ужасны у нас именно потому, что у нас нет того сдерживающего начала, следования приличию, общественному мнению, которое так сильно среди европейских народов. У нас либо истинное, глубоко религиозное чувство, либо полное отсутствие всяких, каких-либо сдерживающих начал: Стенька Разин, Пугачев... И, страшно сказать, эта армия Стеньки и Емельки все больше и больше разрастается благодаря таким же, как и пугачевские, деяниям нашего правительства последнего времени с его ужасами полицейских насилий, безумных ссылок, тюрем, каторги, крепостей, ежедневных казней»¹²¹. Среди крестьян жила вера, что Разин скоро вернется и расправится с врагами. Усилился массовый процесс разложения нравственных устоев общества. «О хулиганстве в деревне заговорили в начале столетия. Учитель делается первым объектом деревенских шуток, интеллигенция как класс — объектом ненависти»¹²². Существуют убедительные свидетельства быстрого нравственного разложения широких масс в этот период. «Народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет

¹²⁰ Спекторский С. (Пименов Р. И.) Происхождение современной власти. (Рукопись).

¹²¹ Толстой Л. Н. Три дня в деревне // Собр. соч. в 12-ти т. М., 1987. Т. П. С. 497.

¹²² Федотов Г. Л. Россия и свобода. С. 210.

трудиться»¹²³. Положение ухудшалось тем, что после освобождения крестьян начинается «полоса отчуждения народа от Церкви и духовенства»¹²⁴. Современники пишут о распутстве, воровстве, лени, хулиганстве, безверии, пьянстве, ослаблении традиционного уважения к старшим, буйстве, лжи, сквернословии, богохульстве, зависти к зажиточным, вражде между родственниками и знакомыми, жестоким обращении с людьми, склонности к даровщине, об отсутствии у народа религии и нравственности¹²⁵.

Нравственное разложение было результатом и формой разложения древних ценностей и попыток возместить их умеренным утилитаризмом, приобретавшим форму хулиганства, рвачества и прямого саботажа. Вот живой рассказ о довоенном периоде жизни в деревне: «Совести не стало в народе... Честь пропадает... Нравственные убийства страшнее уголовных... Государство распадается снизу. Этого никто не замечает, но это факт. Невозможно никакое общественное дело с этими массама. Начните вы что-нибудь делать у себя в имении... Если вы сами не приглядите за ним, можете быть уверены, что будет сделано не так, как надо и как было уговорено. А сделайте замечание рабочему или прогоните с работы, он в отместку сожжет вам в поле стог сена... Спички дешевы... Рабочие друг друга не жалеют в той же степени, как и самые жадные, самые злые кулаки... Нельзя никакого дела иметь в деревне. Ни плотника, ни печника, на пастуха не найти честного. Все норовят забрать деньги вперед, сделать кое-как... Рабочие требуют денег вперед, уходят с работы; а получив деньги запивают и тоже уходят... Всюду жалобы, что в крестьянах совести не стало... Убыль специальных знаний в ремесленнике идет рука об руку с косностью производства»¹²⁶.

Происходила нравственная инверсия, затрагивающая глубокие пласты сознания, праздник перерастал в повседневность. Апелляция революционеров к культурному низу, стремление вызвать инверсию требовали превращения нарушителя порядка, разбойника в ведущую фигуру, в героизированного персонажа. Вечевой идеал подсказывал, что битва с дьявольскими силами неизбежна и нужно готовиться к ней, победить или по-

¹²³ Родионов И. А. Наше преступление (Не бред, а быль). Из современной народной жизни. 6-е изд. СПб., 1910. С. 111.

¹²⁴ Антонов И. Р. Русские светские богословы и их религиозно-общественное миросозерцание. Т. 1. С. 37.

¹²⁵ Зосимовский З. Второе и последнее продолжение моей книги: «Есть ли у русских религия». СПб., 1913. С. 147.

¹²⁶ Фаресов А. И. Голоса земли: Очерки с натуры. СПб., 1909. С. 111-115.

гибнуть. Цель заключалась в том, чтобы предельно расширить сферу конфликта, втянув в него все общество, и на поле этой битвы утвердить свою версию Правды. В глазах той части общества, которая была субъектом инверсии, революционеры стали воплощением высокой нравственности, так как они готовы были пожертвовать собой ради «освобождения» общества, всего народа. Но тем самым они превратились в авангард аморальности, нравственного разрушения, так как стали организующим центром всех разрушительных сил общества, стихии культурного низа, который всерьез решил не ограничиваться карнавалом, погромом, но сформировать общество по своему образу и подобию.

ОТСТУПЛЕНИЕ ИНВЕРСИИ

Реформа не нашла путей к тому, чтобы организационно направить рост активности людей на поддержку государства, не предотвратила превращения этой активности в разрушительную силу. Великий звездный час России, вступившей на путь свободы и прогресса, оказался шагом в бездну.

Однако ошибочно делать вывод, что, не будь реформы, страна избежала бы последующих катастрофических событий. Последние определялись не реформой, а расколом, его динамикой. Катастрофических событий можно избежать лишь на путях отхода от господства инверсионного типа социальных изменений, от раскола, разрывающего государство и творчество народа.

Инверсионная волна после хаоса 1905-1907 годов постепенно ослабела, не дойдя до своей крайней точки. Могло показаться, что инверсия захлебнулась. Конструктивные силы получили возможность активизироваться. Их деятельность оказалась успешной как в сельском хозяйстве, строительстве, так и в промышленности. В 1912 году прошла амнистия. Либеральные свободы были значительными. Суд был независимым. Книги более двухсот страниц издавались без цензуры. Социал-демократы имели свои газеты. В революционных партиях наступил разброд и развал. Все это создавало предпосылки стабилизации.

Перед войной отмечался подъем тяжелой промышленности. Имело место такое интересное явление, как рост тех отраслей, которые производили предметы потребления и были значительно меньше, чем другие, связаны с государственным аппаратом. Происходило определенное усиление независимости капиталистического хозяйства от государства. Все эти позитивные процессы, однако, происходили в неблагоприятной среде,

расколотой между разными системами ценностей, негативно реагирующей на значимые изменения, особенно на те, которые угрожают уравнительности, господству натуральных отношений.

Начавшаяся в 1914 году мировая война постепенно показала, что стабилизация системы охватила лишь ограниченную сферу. Война оказалась непосильным испытанием для общества. Успехи экономического, социального, культурного развития не закрепились, но под мощным давлением испытаний общество ответило на этот страшный по силе вызов истории откатом от уже имевшихся достижений, что, впрочем, во многих сферах можно было наблюдать и до войны. Испытания войны привели к тому, что дезорганизация общества, усиление раскола привели к разрухе. Общество реагировало на нее фактическим крахом рынка. Крестьяне прекратили продажу хлеба, и правительство вернулось к дорыночной системе принудительного изъятия и распределения натуральных ресурсов.

ТРЕТЬЯ КАТАСТРОФА

Большая война дала новый стимул инверсии, привела к катастрофическому нравственному и организационному развалу, к ослаблению способности медиатора черпать энергию в обществе. Серьезное недовольство зрело в деловых кругах. Пойти на уступки либералам царь не решался. По-видимому, причины отказа были разные: страх перед непредвиденными последствиями такого шага, традиционная вера в неограниченность и непогрешимость царской власти («сердце царево в руке божьей») и т. д. Положение осложнялось тем, что Николай II пытался повернуться к синкретизму, восстановить свой тотемический статус «царя-батюшки» вплоть до фактического отказа от манифеста 17 октября, до оценки себя как «абсолютного монарха»¹²⁷. В ситуации поистине отчаянной царь пытался отыскать пути к народу. До последней минуты он надеялся на поддержку крестьян. Он персонифицировал народное начало в личности Г. Распутина. Получив громадную власть, этот человек лишь усилил общий паралич и разложение. Любопытно, однако, что после убийства Распутина в провинции говорили, что его убили придворные, так как он доводил до царя голос народа, защищал народ. Ряд идей Распутина: мир с Германией, раздел помещичьих земель — действительно соответствовал стремлениям масс. Власть в условиях острого кризиса

¹²⁷ См.: Уортман Р. Николай II и образ самодержавия// История СССР. 1991. № 2. С. 124, 126.

и возрастающего недовольства, неспособности обеспечить свое нормальное функционирование обанкротилась. Произошла так называемая Февральская революция.

В соответствии с либеральными и марксистскими теориями это должна была быть буржуазная революция, т. е. уничтожение политических и, в конечном итоге, социальных форм отжившего феодального строя, что должно было расчистить путь для либерального общества, для перехода власти к буржуазии. *Но буржуазия не только не представляла собой политической силы, способной стать ведущим фактором общества, перевести страну на путь либеральной цивилизации, но и не была еще способна стать ведущим фактором хозяйства, превратить рынок в основу жизни большинства населения.* Собственно буржуазия (т. е. люди, живущие на основе идеалов частной инициативы, способные искать пути для движения, самовозрастания капитала) была зажата между двумя мощными социальными силами: с одной стороны, основной массой населения, живущей дорыночными представлениями, способной лишь на ограниченное участие в рынке, а с другой стороны, властью, которая, опираясь на нравственные основания синкретической государственности, должна была держать частную инициативу под непосредственным контролем и управлением. Р. Пайпс не единственный, кто считает, что «Россия пропустила случай создать буржуазию, когда это было еще возможно, т. е. на основе мануфактуры и частного капитализма; поздно было это делать в век механизированной промышленности¹²⁸, в которой господствовали акционерные общества и банки».

В февральских событиях имели место элементы либеральной революции, стремление воплотить в жизнь демократию, частную инициативу и т. д., тем не менее их движущие силы были иными. Это было возмущение масс против дезорганизации. Нарастающий локализм дошел до крайней точки своего отказа от государственности, сокрушив ее не столько своим действием, сколько полным нежеланием ее поддерживать, воспроизводить. Это создало ситуацию, когда монархия рухнула как бы сама собой, от малозначимых причин. На последнем этапе своего существования царь, правящая элита шли, не без колебаний, по пути либерализма. Новая власть практически стремилась к тем же целям. Парадокс февральских событий заключался именно в том, что они были не концом инверсии, идущей от крайнего авторитаризма, но началом ее последнего решающего рывка. Рухнула

¹²⁸ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 291.

структура власти, что и должно было произойти в результате банкротства авторитаризма, глобальной обратной инверсии, возвращающей общество к торжеству локализма, локальной соборности.

Самодержавие пало с молниеносной быстротой: власть оказалась не в состоянии обеспечить столицу хлебом, что послужило сигналом к взрыву ненависти. Повторилась ситуация предшествующего краха государственности в Смутное время, когда «дети боярские и черные всякие люди приходят к Шуйскому, с криком и вопом, а говорят: до чего им досидеть? Хлеб дорогой, а промыслов никаких нет и нечего взятьи негде и купить нечем!»¹²⁹. В обоих случаях результатом было разрушение власти. Правящая элита не смогла организовать вооруженной защиты монарха. Поражает полная неспособность власти к сопротивлению. Ее защитники нравственно созрели для капитуляции. Гвардейские полки, казаки не пожелали охранять императора. Ни один из великих князей также не попытался выступить на защиту царя. Кажется, что правящая элита не сочувствовала монархии и государственности. Враждебно к царю были настроены не только либералы, но и националисты и монархисты, например, В. М. Пуришкевич, который выступал с резкой критикой царя. Вновь, как и во время Смуты, разрыв между векторами двух типов конструктивной напряженности перешел критический рубеж. Могучая синкретическая многомиллионная волна уже давно отхлынула от государственности, еще раз показав беспомощность властителей страны.

Закончился еще один этап истории России, третья государственность завершилась полным крахом. Еще в 1908 году Д. Мережковский писал: «В химерической государственности народ любит собственно одну только ослепительную точку — самодержавие. Но любит ли он и самую государственность?.. Для него „государственность" значит „казенщина", а „казенщина" значит мертвая вода, которая на что ни брызнет, все мертвит»¹³⁰. Народ отвернулся от этой «ослепительной точки». Государство тем самым лишилось всякой опоры. *Победившие синкретические силы были склонны поддерживать некоторую неопределенную фантастическую версию синкретически-либерального идеала, который выдвигал на первый план либеральные формы, чтобы практически ежесекундно их ломать, разрывать в клочья в битве монологов.*

¹²⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1937. С. 330.

¹³⁰ Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 267.

«ЧТО НАМ ДО РОССИИ, ЕЖЕЛИ МЫ ПСКОВСКИЕ»

Массовая сила, отхлынувшая от государства и тем самым свалившая власть, была не конструктивна и не могла управлять государством. Эта сила локализма, боровшаяся против власти как таковой, не стремилась к строительству реальной государственности. Либералы и Дума были единственным конструктивным началом, которое могло быть положено в основу повседневной государственной функции.

Власть свалилась либералам как снег на голову. Они сами были изумлены происшедшим. За два дня до свержения царизма собрание друзей у А. Керенского, ставшего вскоре главой правительства, пришло к выводу, что «революция в России невозможна». Влияние либеральных кругов во время войны выросло. Такого типа общественные организации, как Всероссийский земский союз и др., оказывали существенное влияние на государственные дела. В земских и городских союзах сконцентрировались значительные творческие силы, способные к организационной работе, к налаживанию производства. Они показали, что есть люди, способные организованно укреплять страну. Власть, испытывая потребность в их помощи, вынуждена была с ними считаться, что, в свою очередь, давало повод этим организациям требовать расширения своих прав. Либерально-буржуазные круги, целясь в самое сердце медиатора, уже во время войны, потребовали создания «ответственного министерства». Либералы апеллировали к прогрессивным формам труда, к более совершенным формам организации государственной жизни, опираясь на более высокую способность к эффективным решениям. В августе 1915 года все партии, кроме крайних, объединились, образовав так называемый прогрессивный блок, который выдвинул ряд требований либерального характера. Власть пыталась сдержать этот напор. Однако нарастающая дезорганизация общества парализовала всякую конструктивную деятельность.

О самочувствии новой власти в то время В. Шульгин (1878-1976) писал: «Мы способны были в крайнем случае безболезненно пересест с депутатских кресел на министерские скамьи... под условием, чтобы императорский караул охранял нас. Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце»¹³¹.

Тем не менее либерализм стал ощутимой нравственной силой в обществе. Это было подтверждено фактом принятия его

¹³¹ Русская мысль. Прага, 1922. № 6-7.

лозунгов всеми партиями. Не имея ничего другого, все партии встали на защиту либеральных институтов, идей свободы слова, печати, митингов и т. д. Все это, однако, практически рассматривалось большинством не как самоценность, но как средство ликвидации плюрализма.

Высшая власть вновь намеревалась идти по пути формирования либерального государства. Она стремилась подключиться к творческим, динамичным источникам инициативы. Для успеха, однако, было необходимо, чтобы эти источники сами стремились воспроизводить государство, а не пользоваться слабостями незрелого либерализма для борьбы против него под знаменем локальных идеалов. Либеральные ценности, носители которых склонны поощрять рост и развитие, тем самым открывали путь к изменениям. Но в России это означало открыть путь антигосударственным силам, стремящимся обескровить центры власти.

Правительство в этих условиях могло быть либеральным скорее в лозунгах, целях, но не в конструктивных решениях. Его деятельность проходила в условиях продолжающейся инверсии. Страна буквально разваливалась на куски, как и во времена великой Смуты XVII века. *Выявилось, что в Российской империи не существовало единого российского общества.* Мало общего было не только между селами и городами, расположенными в разноплеменных областях, но даже и в самой Великороссии многие города, как говорится, знали лишь свой округ, а деревни — лишь свою колокольню, и псковичанин, которому говорили о гибели России, отвечал: «Что нам до России, ежели мы псковские»¹³².

Слабость социальных интеграторов пронизывала все общество, все его стороны на протяжении всей истории. Это сказывалось, в частности, и в слабости транспортных связей, о чем писали еще в XIX веке: «Главная причина голода заключается в невозможности скорого и дешевого передвижения хлеба из местностей им изобилующих»¹³³. Именно отсутствие внутреннего единства, естественных для общества торговых и экономических связей порождало возможность голода. Временное правительство оказалось лицом к лицу с хаосом. Достаточно сказать, что чуть ли не все пулеметы были в руках дезертиров. Высшая власть превратилась лишь в символ, который держался по инерции, из-за того, что общество еще не нашло

¹³² *Тахтарев К. М.* Об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Пг., 1919. С. 133.

¹³³ *Фон Дершав.* О влиянии железных дорог на равновесие хлебных цен и устранение голода от неурожаев// Современная летопись. М., 1868. № 24. С. 2.

в своем культурном арсенале более или менее приемлемой альтернативы поверженному тотему старой власти.

Нарастала дезинтеграция, части общества отключались от целого. В обращении Временного правительства России можно прочесть: «К сожалению и к великой опасности для свободы, рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процессов распада, вызванного крушением старого государственного строя». Разгул вечевой стихии вел к атомизации общества. Казалось, что каждый город, каждое поселение становились очагом сепаратизма и анархии. Локальные идеалы торжествовали победу. Попытки создания самостоятельных республик были уже в 1905 году в Ростове-на-Дону, Новороссийске, Сочи, Красноярске, Чите. Теперь этому развалу мало что могло помешать. В Петроградской губернии возникла, например, Республика Шлиссельбургского уезда. На съезде волостей в апреле было принято решение, что внутренняя жизнь управляется только гражданами уезда. Никакие декреты правительства, Петроградского Совета отныне ничего не могут предписывать гражданам новой республики. Аналогичные решения принял и Кронштадтский Совет. Точно так же была создана Республика Петроградского уезда. Возникли республики в Гельсингфорсе, Риге, Ревеле, Пензе, Казани, Самаре, Минске, Екатеринбурге, Царицыне, Красноярске, Енисейске и др. Например, губернский крестьянский съезд в Пензе объявил себя пензенским учредительным собранием. Перечень примеров можно продолжать. Фактически, даже если на местах формально и не объявлялась республика, то все равно центральное правительство не могло мешать местным властям управлять в соответствии со своим локальным идеалом. Характерна в этой связи телеграмма Енисейского Совета в адрес Петросовета: «Мы протестуем против желания ввести опять чиновничество, во-первых, мы не допустим управлять назначением чиновников, во-вторых, изгнанным крестьянским начальникам возврата нет, в-третьих, признаем только органы, созданные в Енисейском уезде самим народом, в-четвертых, назначением чиновников следует повелевать только через наши трупы» (апрель 1917 года).

Идея государства без начальства и чиновников вновь, как и во времена Пугачева, получила свое воплощение. Выдвигалось предложение о создании партии «Удельно-республиканская Русь»¹³⁴. В Балтийском флоте царила полнейшая анархия. На Северном Кавказе республики возникали чуть ли не в каждом уезде. Казаки также провозглашали свои республики. Инте-

¹³⁴ Красильников Н. За демократию социализма. 1917. Вып. 2.

ресно, что Ленин в этот период категорически отстаивал отмену «всяких государством назначенных местных и областных властей»¹³⁵.

Разваливалось производство. В записке временно управляющего министерством торговли и промышленности В. А. Степанова говорилось: «Страна стоит перед экономическим и финансовым крахом. Эти угрожающие симптомы особенно явственно проявляются в главнейших отраслях промышленности»¹³⁶. Разруху нельзя объяснить войной как таковой. Ее причины глубже. Расколота страна, источающая каждой своей клеточкой дезорганизацию, оказалась неспособной ответить на новый вызов истории, на напряжение, обусловленное войной. Неуклонно разрушались внутренние связи, дезорганизация охватывала жизненно важные центры производства, связи между отраслями, слабый рынок. Во все поры общества проникал иррациональный страх, заставлявший искать выход в обращении к древним формам жизни, к нравственности локальных миров. Это было разрушительно для большого общества, для государства, для способности обеспечить производство и доставку жизненно важных ресурсов. Господство традиционализма и ограниченных форм утилитаризма не создавало условий для культивирования и массового распространения такого объяснения и понимания ситуации, которые позволяли бы искать конструктивный выход. Страна погибала от повсеместно наступающего хаоса, разрушающего прежде всего наиболее сложные и эффективные достижения накопленного культурного богатства.

В стране господствовала атмосфера митинга, где все были заняты оттачиванием своего монолога. Времени на работу, естественно, уже не оставалось. Разгул вечевой стихии вел к параличу функций общества. Газеты констатировали падение производительности на заводах на 20-40%, писалось об угрозе экономического краха¹³⁷. Газетные страницы заполнялись взаимными обвинениями в дезорганизации. Вполне в духе традиционного русского сознания каждая сторона могла указать персональных виновников хаоса. Рабочие видели виновников в буржуазии, буржуазия возлагала вину на рабочих. Фактически все слои населения вносили свою лепту в растущую дезорганизацию. Большевицкая газета «Правда» неоднократно обращалась к рабочим, призывая их к более конструктивному поведению. 5 апреля 1917 года в ней была помещена информа-

¹³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 220.

¹³⁶ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 220.

¹³⁷ Речь. 1917. 13 мая.

ция о заседании Петроградского Совета: «Разбирались причины дезорганизации жизни на заводах. Указано было, между прочим, что производительность на некоторых заводах едва ли превышает в среднем 25% производительности дореволюционного времени. Причиной этого является непривычка к организованным действиям рабочего класса». В своей резолюции Совет призывает рабочих прекратить разрозненные экономические выступления, дезорганизующие ряды революции, и спокойно ожидать выработки советскими рабочими депутатами минимума заработной платы. В номере от 7 апреля можно прочесть: «На фабриках и заводах Петрограда замечается безусловно ненормальное явление. Забастовки нет, но процесс производства дезорганизован, работа не клеится, не идет. Иногда даже неизвестно, почему не работают». 4 августа английский военный атташе доносил: «Если судить по теперешнему положению вещей, то страна движется к развалу. До тех пор, пока в тылу не восстановят дисциплину и не заставят войска сражаться, невозможно принудить рабочих работать в железнодорожных ремонтных депо и в угольных шахтах. Если они будут продолжать работать как теперь, то зимой произойдет окончательный развал железнодорожного транспорта с неминуемым голодом в армии и Петрограде»¹³⁸.

А. Солженицын оценил общее настроение в это время как право «каждому ехать с винтовкой, куда считаешь правильным. И с телеграфных столбов срезать проволоку для своих хозяйственных надобностей»¹³⁹. Митингование охватило армию. 7 июля 1917 года из ставки сообщали: «Наши неудачи в значительной степени объясняются тем, что под влиянием агитации большевиков многие части, получив боевой приказ, собрались на митинги и обсуждали, подлежит ли выполнению приказ». Некоторые казачьи части самовольно вернулись на Дон. Общий развал сопровождался ростом бесконечных требований к правительству, что свидетельствовало об активизации умеренного утилитаризма в ущерб развитому.

В Докладе Совету Московского совещания общественных деятелей говорилось: «В образовавшемся хаосе идей, программ и обещаний устойчиво лишь то пугачевское настроение, которое составляет в настоящее время общую духовную сторону народной жизни,— настроение, не заключающее в себе никаких положительных, ни культурных, ни государственных элементов».

Нравственное разложение нарастало. М. Горький, издававший с апреля 1917 года газету «Новая жизнь», дал ужасаю-

¹³⁸ Ллойд-Джордж Д. Воспоминания. М., 1938. Т. 5. С. 38.

¹³⁹ Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания. С. 25.

щую картину. «Мы переживаем,— писал он,— не только экономическую разруху, но и социальное разложение...» (27 апреля 1917 года). Горький пишет о растущем насилии и беззаконии, убийствах, самосудах, грабежах, разрушениях. «На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут „творить историю русской революции“» (18 октября 1917 года). Газеты заняты «желчной и злобной грызней», разжигая ненависть десятков миллионов людей (9 июня 1917 года). «Количество людей, обезумевших от страха», который разжигается прессой, растет (31 мая 1917 года). «„Свободное слово“ постепенно становится неприличным словом» (31 мая 1917 года)¹⁴⁰.

«Главнейшим возбудителем драмы» являются, по мнению Горького, «не „ленинцы“, не немцы, не провокаторы и темные контрреволюционеры», а некоторые черты широких масс, и прежде всего «тяжкая российская глупость» (14 июля 1917 года). В русском народе «слабо развито чувство личной ответственности», мы привыкли «карать за свои грехи наших соседей» (31 мая 1917 года). Горький пишет о чудовищном холоде, безразличии в отношении людей. Чувства накаляются лишь тогда, когда появляется возможность расправы, «сладостная возможность судить... судом неправедным» (12 мая 1917 года)¹⁴¹.

Все это было результатом процесса всеобщего нравственного разложения общества, распада древних идеалов, слабой борьбы в обществе за новые конструктивные принципы.

КАПИТАЛИЗМ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОНОПОЛИЯ?

Для объяснения необычных, с точки зрения мирового опыта, явлений в российском хозяйстве следует прежде всего ясно видеть, что оно развивалось на *архаичной монопольной государственной основе*. В этой связи интересно, что появление богачей во второй половине XVIII века было результатом не торговли, как обычно полагают, а откупов и казенных подрядов, т. е. подключения к государственной монополии¹⁴². Да и развитие всего хозяйства имело скорее характер государственной монополии, хотя и не всегда последовательной. Это каса-

¹⁴⁰ См.: Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). М., 1990. С. 27, 75, 54, 50, 49.

¹⁴¹ Там же. С. 69, 50, 41.

¹⁴² См.: Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России: Экономическо-историческое исследование. СПб., 1874.

лось не только промышленности, но и, что особенно важно, сельского хозяйства. Не следует забывать, что помещик при крепостничестве выполнял функции государственного чиновника, воплощал, хотя опять не всегда последовательно, крепостнические функции и всего государства. Недостаточно осознано, что после 1861 года изменилась форма, но не суть этого монополизма государства в деревне. К. Зендер пишет¹⁴³, что платежи крестьян (например, в Новгородской губернии) по отношению к их доходам с земли составляли от 100 до 215%, и можно говорить о «централизации государственной власти царизма», которая «отчетливо проявляется как раз в налоговом насилии». Эти деньги перекачивались в промышленность, что, по словам Маркса, позволяло говорить о «капиталистическом паразите», об «определенном роде капитализма», основанном на принудительной перекачке средств. Сам рынок поэтому встречал сопротивление деревенской общины. Рынок, который вынуждал крестьянина продавать жизненно необходимое, выступал как изощренное средство государственного монополизма. Это обстоятельство проливает свет не только на суть российского рынка именно в те периоды, когда, казалось, можно было говорить о его реальном развитии, но и на характер сложившихся отношений между городом и деревней. Здесь же следует искать корни ценообразования, являющегося средством перекачки ресурсов.

Все это создавало, мягко говоря, странную основу для развития капитализма в стране, появление и укрепление которого всегда есть некоторая загадка, так как на его пути стоит пронизывающий все общество традиционализм. Капитализм может возникнуть лишь при сочетании ряда условий. Во-первых, в обществе должен получить достаточное распространение развитой утилитаризм, что требует, по крайней мере, прочных массовых корней торговли, массового стремления втягиваться в нее как в признанную, позитивную форму воспроизводства. Во-вторых, для капитализма нужно массовое распространение соответствующих ценностей, санкционирующих позитивное отношение к этой деятельности, стремление расширить ее и углубить. И наконец, в-третьих, развитие капитализма на Западе происходило на основе сочетания зрелости традиционализма и роста критического к нему отношения, роста способности перестраивать традиционализм на основе развитого утилитаризма. Этот процесс создавал предпосылки для свободного движения капитала. В России развитой утилитаризм складывался некоторыми анклавами, не охватывая все общество. Эти

¹⁴³ Зендер К. Ленинизм и цивилизации: Русская община// Диалог. М., 1992. № 3. С. 82.

анклавы могли носить высокоразвитый характер, однако были окружены массовым недоброжелательством со стороны сил уравнительности. Стремление к модернизации сдвигало власть в сторону ценностей капитализма. Попытка полного невмешательства в хозяйственную деятельность, надежда на то, что частная инициатива сама по себе установит в обществе хозяйственную гармонию, имели место при Временном правительстве.

Своеобразный по российским масштабам звездный час капитализма наступил за несколько лет до начала первой мировой войны. Подъем промышленности превысил подъем, который имел место в конце прошлого века. Этому способствовало падение влияния высшей власти на хозяйственный процесс. Наибольшее развитие получили отрасли, не связанные с казной — производящие предметы потребления. На этом отрезке времени можно говорить о независимой основе русского капитализма. Эти спонтанные процессы могли возникнуть в результате существования определенного слоя носителей частной инициативы, неспособности власти удовлетворять хозяйственные потребности общества.

В период правления Временного правительства высшая власть выпустила из рук механизмы непосредственного управления хозяйством. Это было логическим завершением предшествующего процесса усиления влияния на власть абстрактного либерализма и давления локализма. Новая власть пыталась отказаться от всякого вмешательства в хозяйственную деятельность, т. е. стать на либеральную точку зрения, доведенную до некоторой абстрактной крайней формы.

Эта политика оказалась нефункциональной. Она столкнулась с потребностью общества ответить на кризис усилением монополии власти на распределение ресурсов. Правительство под влиянием нарастающей разрухи ввело несколько государственных монополий: хлебную (25 марта), кожевенную (21 апреля), на торговлю донецким углем (1 августа), сахарную (14 сентября). За два дня до своего падения правительство приняло решение о введении монополии на спички, махорку, кофе. Попытка сосредоточить сбыт в руках государства означала не только формирование принудительной циркуляции ресурсов, но и избавляла производителя от проблемы сбыта, а заодно и от проблемы рентабельности.

Хозяйственная разруха в стране породила стремление принудительно синдицировать промышленность и тенденцию к рестрированию во всех отраслях. Существовало намерение осуществить их в масштабе предприятий и отраслей спешно и принудительно, независимо от желания владельцев. Отноше-

ние к этому процессу в обществе не было однозначным. Против усиления монополии власти выступала часть промышленников. В частности, П. П. Рябушинский указывал, что хлебная монополия «разрушила торговый аппарат, который бездействует». Однако эти действия правительства опирались на сочувствие рабочих. В протоколе частного совещания при министерстве торговли и промышленности констатировалось сочувствие социалистических рабочих кругов к проектам обязательного синдицирования. «Рабочие полагают, что объединенный капитал сможет легче удовлетворить ничем не ограниченные их требования, чем отдельные, порою уже истощенные предприятия»¹⁴⁴.

Важной формой складывающегося единства производства и власти явилось оказание за счет казны финансовой помощи крупному производству в разных формах — отсрочка взысканий ранее выданных ссуд, передача новых ссуд и субсидий. За время своего существования Временное правительство выдало 40 млн. руб. в виде гарантий прибылей частным железнодорожным обществам, крупные ссуды выдавались металлургическим заводам и т. д. «Всевозможные подачки за счет казенных средств стали массовым явлением»¹⁴⁵.

Рост государственного вмешательства усиливался в связи с общей разрухой в стране. В «Проекте правительственной декларации по вопросам экономической политики» от 8 июня можно прочесть: «Предприниматели, не чувствуя под собой устойчивой почвы и утерев надлежащую энергию, обнаруживают желание приостановить производство или стремятся переложить на широкие потребительские круги и на казну непомерно возрастающие издержки производства путем крайнего увеличения цен». И далее автор документа пишет, что «перед лицом развала... необходимо планомерное вмешательство государства в экономическую жизнь, регулирование главнейших отраслей хозяйства»¹⁴⁶.

В этой ситуации с предложением о монополизации государством в различных формах могли выступать сами предприниматели, что еще раз демонстрировало слабое развитие рынка и капитализма. Например, съезд заводчиков и фабрикантов сельскохозяйственного машиностроения заявил, что «заказы и закупки сельскохозяйственных машин и орудий... должно при-

¹⁴⁴ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. Ч. 1. С. 593, 186, 198, 277.

¹⁴⁵ Погребинский А. П. Государственно-монополистический капитализм в России: Очерк истории. М., 1959. С. 239, 240.

¹⁴⁶ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. Ч. 1. С. 225, 226.

нять на себя государство», оно должно «принимать на себя заботу о планомерном и непрерывном снабжении заводов сельскохозяйственным сырьем, топливом и полуфабрикатами, оказывая в то же время содействие для наивысшей производительности заводов»¹⁴⁷. Тем не менее позиция предпринимателей нуждается в дальнейшем изучении. Она не была однозначной и отражала противоречивость самого их положения. Преобладало стремление к свободе частного предпринимательства, и одновременно было немислимо в условиях разрухи вести дело без активного вмешательства государства.

Исследования показывают, что «Временное правительство подвигалось к идее монополии очень медленно, исключительно под давлением слева». Первое из временных правительств игнорировало требования советов регулировать хозяйство. Однако затем был выработан радикальный план государственного регулирования экономики, предусматривавший государственный контроль над промышленностью. Значительную роль при этом играл германский образец. Меньшевик В. Г. Громан выдвинул идею «планомерной организации народного хозяйства». Состоявшееся в марте — апреле Всероссийское совещание Советов одобрило основные идеи этого плана, рекомендовало правительству «планомерно регулировать всю хозяйственную жизнь страны». В записке В. А. Степанова указывалось, что он «не может рекомендовать стране возврат к свободной экономике, как это настойчиво желали еще недавно представители торгового капитала. Как раз хозяйственная разруха исключает допустимость господства частных интересов»¹⁴⁸.

Одновременно крестьянство «согласилось на хлебную монополию, требуя введения такой же монополии на промышленные товары массового потребления»¹⁴⁹. Все это — свидетельства существования в городе и деревне массовой базы для восстановления хозяйственной монополии государства, на что, однако, Временное правительство практически не было способно. Ленин, который выступил с предложением об объединении всех банков и государственном контроле над их операциями, о национализации, принудительном синдицировании¹⁵⁰, двигался в общем русле существующего давления на власть.

На этом этапе сложилась крайне сложная ситуация. С одной стороны, ценности капитализма пробились до вершин власти и стали основой либеральной политики правительства,

¹⁴⁷ Промышленность и торговля. 1917. № 16-17. С. 325.

¹⁴⁸ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 192, 62-63, 74.

¹⁴⁹ Там же. С. 446.

¹⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 304-306.

делавшего ставку на свободную конкуренцию, на частную инициативу, в конечном итоге опираясь в явном или скрытом виде на представления о саморегулирующемся механизме рынка. В России это всегда выступало как форма проявления основного заблуждения интеллигенции — представления, что если народу не мешать совершить инверсионный скачок, то он сам, в кратчайший срок решит все проблемы. В данном случае под народом понималось не только простонародье, но и носители частной инициативы, однако исключались все представители власти. С другой стороны, в стране существовали мощные социальные силы, склонные отвечать на любое кризисное явление, на любое ухудшение ситуации стремлением подавить частный интерес и частную инициативу и восстановить монополию государства на хозяйственную деятельность, подавить рынок и соответственно усилить прямое распределение ресурсов. Силы, стоявшие за частной инициативой, были слабы и имели против себя гигантскую мощь традиций, пронизывающих весь общественный порядок, массовые традиционные патерналистские представления. *Временное правительство, оказавшееся во власти либеральных идей, не имело реальной среды для проведения либеральной политики. Мощное давление активизирующегося традиционализма, подкрепленное умеренным утилитаризмом, стало определяющим фактором в обществе.*

НОВОЕ ДВОЕВЛАСТИЕ

Мощь усиливавшегося на волне инверсии локализма привела к новой форме двоевластия, т. е. параллельного существования рядом с государственной властью системы советов. *Советы были организационным воплощением локальных ценностей.* Они фактически не несли ни за что ответственности, лишь выдвигая бесконечные утилитарные требования. *Существование этой странной двойственной системы власти раскрыло тайну раскола, сделало явным то, на что обычно закрывали глаза, т. е. существование в стране двоевластия как результата раскола.* Оно никогда не исчезало, концентрируясь обычно в низах общества. Но теперь, в период вечерней инверсии, в условиях национальной катастрофы эта скрытая, не замечаемая историками власть поднялась до вершины общегосударственного управления.

Двоевластие после гибели государства свидетельствовало о том, что великий спор верха и низа вступил в драматическую разрушительную фазу. Низ выплеснулся наверх, но, увы, там он оказался «не у себя дома». Бесконечные требования советов

к власти перерастали в ее разрушение. В этих условиях деятельность правительства постепенно парализовывалась кризисами. С марта по октябрь существовало четыре правительства (два правительства князя Г. Львова и два — А. Керенского). Первое правительство действовало два месяца, второе — менее двух месяцев, третье — месяц с небольшим и последнее — месяц. Одновременно росла длительность кризисов. Деятельность первого правительства завершилась двухдневным кризисом, второго — трехнедельным, третьего — почти месячным (вследствие мятежа Л. Корнилова).

Временное правительство не имело поддержки прежде всего потому, что оно пыталось затормозить гигантскую инверсию, задержать ее в момент, когда, как многим казалось, до чуда, до новой жизни, до победы Правды оставалось совсем немного. Правительство не истребляло богачей, когда это было так легко. Оно не отдавало землю крестьянам, отодвигая решение аграрных проблем к созыву Учредительного собрания, т. е. защищало помещиков. Оно требовало укрепления государственности и дисциплины, т. е. насаждало чиновников и поддерживало хозяев. И т. д. А между тем Правда, как казалось большинству, была рядом. Оружие в руках, власть слаба и занята разговорами. В стране не было силы, которая могла бы остановить инверсию, движущуюся к полному торжеству локальных идеалов, к власти, которая удовлетворит все утилитарные потребности.

Либеральная власть и народ жили в разных измерениях. Интересные образцы этого оставил И. Бунин. Мужик слушает предвыборную речь оратора, который говорит: «Осуществляйте свой великий долг перед Учредительным Собранием... Все голосуйте за список номер третий». Казалось бы, здесь крайне простое, прозрачное высказывание, не допускающее кривотолков. Между тем мужик понял в этой фразе два слова: «долг» и «голосуйте». Первое слово он осмыслил как упоминание о его долгах власти, а второе — как угрозу наказания, в результате которого он будет голосить. Вот его реплика по Бунину: «Ну и пес! Долги, кричит, за вами есть великие! Голосить, говорит, все будете, все, значит, ваше имущество опишу перед Учредительным Собранием. А кому мы должны?... Нет, это новое начальство совсем никуда... Ну да стой: как бы не пришлось голосить-то тебе самому в три голоса!» Бунин также приводит разговор с другим мужиком, который уже точно знает, кто виноват во всех бедах. Он говорит: «Покуда буржуазию не пере-

режут, будет весь люд голодный, холодный... Будут буржуазию резать, ох будут»¹⁵¹.

Об отношении широких масс крестьянства в ряде северных областей к выборам в Учредительное собрание свидетельствует эсер А. Суэтин: «Население голосовало, как говорится, наугад, смотря по тому, на кого указывают голосовать влиятельные в волости лица. „А мне и ни к чему, кто они такие, кандидаты-то — незнакомые какие-то...” Значение выборов население, видимо, не сознавало и относилось к ним как к какой-то повинности, кстати, не совсем приятного свойства»¹⁵². Особенность голосования в мирах заключалась в стопроцентном голосовании за одного кандидата. Иногда глава семьи опускал бюллетени за свою семью, «чуть ли не за всю деревню»¹⁵³.

Одним из проявлений двойственности ситуации явилась трагическая судьба Николая II и его семьи. Николай сам являлся воплощением двойственности. Еще С. Витте писал: «В натуре государя было постоянно качаться то в одно направление, то в другое. То, что сегодня он одобряет, завтра от этого отказывается». Эти хромающие решения были результатом приспособления к двойственности ситуации, результатом неспособности подняться над ней. Но синкретическое сознание народа не могло отделить личность царя от института монархии. Как раньше люди не могли понять, как «неприродный» царь может быть царем, так и теперь они не могли понять, как можно уничтожить монархию, но оставить в живых царя. Идея ликвидации монархии включала и истребление всех до последнего членов семьи, всего его «семени». Акт отречения царя в пользу сына Алексея, который, казалось, было можно воспринимать как победу революции, был встречен возмущением рабочих и столицы¹⁵⁴. В их понимании, ничто не изменилось, совершена лишь попытка обмана народа, спасения носителей зла. Гучков был задержан рабочими, которые потребовали от него уничтожения акта отречения.

По словам Керенского, «настроение солдатских масс и рабочих Петроградского и Московского районов было крайне враждебным Николаю. Раздавались требования казни, прямо ко мне обращенные. Сама сила злобы рабочих лежала глубоко в их настроениях. Смертная казнь Николая II и отправка его семьи из Александровского дворца в Петропавловскую крепость или в Кронштадт, яростные, иногда иступленные требо-

¹⁵¹ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С. 157, 156.

¹⁵² Известия совета крестьянских депутатов. 1917. № 170. 25 нояб.

¹⁵³ Русские ведомости. 1917. 22 дек.

¹⁵⁴ Милюков П. Н. История второй русской революции. София, 1921. Т. 1. Вып. 1.

вания сотен всяческих делегаций, депутатий и резолюций, являвшихся и предъявлявшихся Временному правительству». Охрана должна была обезопасить жизнь царской семьи от покушений, особенно при перевозке, возможность убийства членов семьи была более реальна, нежели вероятность попытки монархистов организовать побег. Левые эсеры и анархисты Екатеринбурга разработали план нападения на дом, в котором размещалась царская семья, с целью убийства Николая. Будучи выслана в Тобольск, царская семья столкнулась с враждебностью значительной части охраны и большеинства населения. Комиссар Временного правительства эсер В. Панкратов писал, что на его имя «получались анонимки с угрозами с фронта, из Омска, Красноярска, Екатеринбурга и даже от самих тоболяков. Грозили даже послать целую дивизию за то, что я „распустил царскую семью“»¹⁵⁵.

На уральской областной конференции большевиков в первой половине 1918 года большинство делегатов с мест высказывалось за скорейший расстрел Романовых, мотивируя это угрозой реставрации монархии. Ярость масс обрушилась на всех членов царской семьи. В Перми, куда был выслан великий князь Михаил, брат Николая, на заседаниях совета и на рабочих собраниях неоднократно поднимался вопрос о его расстреле. По-видимому, местные власти воспротивились этим требованиям. Князь Михаил был убит вместе со своим секретарем группой из пяти человек, которые, очевидно, не были непосредственно связаны с властью. Находившиеся в заключении в Алапаевске некоторые члены царской семьи, в том числе великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, были расстреляны по решению местных властей. Сам царь был расстрелян по решению Екатеринбургского областного Совета. Народ издревле черпал уверенность в себе, растворяясь во внешней силе отца, идола, царя. Теперь к царю приобщаться было нельзя, так как он потерял монополичность, черты однозначной Правды, стал антитотемом. Им овладели силы зла, и его следовало убить, как некогда уничтожали не оправдавших себя божков. Не случайно в истории страны почти всех свергнутых царей убивали, так как «природный царь» парадоксальным образом оставался царем, пока был жив. *Это убийство было ритуалом уничтожения мирового зла. Советское правительство несло юридическую и моральную ответственность за это убийство. Однако нельзя не признать, что оно действовало в соответствии с настроением значительных масс населения, включая солдат.*

¹⁵⁵ Панкратов В. С. С царем в Тобольске// Былое. 1924. № 26. С. 213.

Любопытна такая деталь — сообщение, сделанное на заседании правительства Свердловым о расстреле царя, было встречено молчанием. Быть может, на миг присутствующие почувствовали ужас перед надвигающейся неизвестностью.

КРАХ СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНОГО ИДЕАЛА

Либеральное Временное правительство пыталось продолжать либеральный курс, который старая власть, хотя и со значительными колебаниями, проводила с 1861 года. Временное правительство старалось делать это более последовательно, опираясь на свою безграничную веру в народ, в демократию. Абсурдность ситуации состояла в том, что власть с этими идеалами обращалась к обществу, где преобладала массовая вечевая стихия, массовое стремление к локализму, к уравнительности, к натуральному хозяйству, к слову власти. *Новая власть встречала возрастающую враждебность и массовое неповиновение. Ее рассматривали как буржуазную, хотя постепенно под давлением снизу правительство превратилось по своему партийному составу в социалистическое.* Возрастающее сопротивление встречали попытки управлять посредством закона. Правительство предлагало ожидать Учредительного собрания для решения аграрного вопроса. Соборная стихия непосредственно не могла породить из себя государство в масштабе большого общества по той причине, по какой она не могла участвовать в обсуждении и подготовке крестьянской реформы 1861 года. В масштабе большого общества эта сила была неконструктивна, не вписывалась при решении сложных проблем в государственность и мыслила в утопических категориях приоритета локальных натуральных интересов над целым, над всеобщим. *Господствующий гибридный соборно-либеральный идеал распался. Выявились, что именно либералы казались народу главным врагом. Более того, сама монархия пала потому, что царь, правящая элита повернули на путь либеральных реформ, а не потому, что эти реформы оказались недостаточно либеральными или недостаточно радикальными.* В этой ситуации либеральная власть не могла не стать очередной жертвой отказа народа воспроизводить большое общество, государственность, жертвой повсеместного стремления захватить что можно для себя и замкнуться в своей деревне.

Временное правительство пало по той же причине, что и царское. Его никто не защищал: ни войска, ни население. Его сбросили при полной безучастности народа, воспроизводственная деятельность которого уже давно покинула государство. В

городе шла нормальная жизнь, работали кино и театры. Высшие классы не выступали решительно против переворота. Имеются сведения, что «боязнь анархии парализовала много заговоров» (А. Амфитеатров, 1922).

Рассматривая сегодня последние полтора десятилетия существования старой государственности, нельзя не обратить внимание на то, что, если судить по ряду существенных сфер жизни до начала первой мировой войны (развитие экономики, высшей культуры, образования, расширение свободы), можно предположить возможность стабилизации общества, отход от господства инверсионного типа социальных изменений, возможность усиления интеграторов либерального типа. То обстоятельство, что вскоре все развалилось с молниеносной быстротой, может свидетельствовать о том, что действительно решающие факторы, движущие силы исторического процесса, коренных поворотов истории следует искать значительно глубже, чем все эти лежащие на поверхности факты. Их следует искать в законах изменения отношения личности к самой себе, к обществу, к характеру творческого воспроизводства.

Факты, указывающие на развитие, прогресс экономики, не должны, однако, скрывать от нас ту сферу реальности, где формируются механизмы воспроизводства, накапливаются дискомфортные представления, формируются силы инверсии и медиации. Анализ культурных процессов, игнорируемых экономическим материализмом, показывает, что *рост масштабов товарно-денежных отношений далеко не всегда свидетельствует о развитии капитализма или даже о движении к нему. Этот процесс может иметь обратный смысл, т. е. быть фактором массового роста дискомфортного состояния, которое подготавливает массовый взрыв, уничтожающий не только капитализм, но и формы жизни, ему отдаленно предшествующие, все, что несет отдаленную угрозу уравнительности.* Без знания этой сферы реальности нельзя понять механизмы исторического движения России.

Конец инверсионного цикла был предопределен всей предшествующей историей страны, господством инверсионного типа социальных изменений в сочетании с расколом. Он был предрешен не свыше, а деятельностью сменяющих друг друга поколений, которые не знали никакого другого типа изменений, кроме инверсионных. Предшествующие поколения не нашли в себе сил преодолеть раскол, инерцию истории. В России существовали иные возможности, пример тому дает древний Новгород. Однако они не реализовывались в широких масштабах и подавлялись другими вариантами развития.

Много говорилось о том, что если бы то или иное важное событие в России произошло иначе, то вся последующая история страны пошла бы по-другому. П. Струве писал о возможностях, которые открылись бы в случае победы декабристов и более ранней отмены крепостного права¹⁵⁶. А. Керенский говорил о пассивности своего правительства, о возможности победы над большевиками, если бы Временное правительство заключило мир с Германией, и т. д.

Подобные гипотезы весьма сомнительны. *В истории трудно назвать какое-то отдельное событие, которое само по себе изменило бы весь ход последующей истории. Отдельные события могли произойти как-то иначе или не произойти совсем, но ход истории определяется в конечном счете не ими, а деятельностью миллионов.* Можно предположить, что Керенский попытался бы заключить мир с Германией. Но для этого ему пришлось бы порвать со своим окружением, т. е. сделать шаг к большевикам и силам, стоящим за ними. Можно даже предположить, что это помогло бы ему удержать власть. Но инверсионная волна требовала бы от него все новых и новых уступок, до тех пор пока он не стал бы на точку зрения борца за землю и волю, за народную Правду. *В конечном итоге ему пришлось бы максимально приблизить свою позицию к ленинской.* Иначе говоря, можно предположить, что те или иные действия Керенского спасли бы правительство, но нет основания предполагать, что это изменило бы направленность дальнейшей истории. Не следует вообще забывать, что *история высшей власти в России — это сплошная цепь крушения иллюзий, проявлений неспособности существенно изменить положение, воплотить в жизнь альтернативу сложившейся циклической динамике без массовой конструктивной поддержки. Не в деятельности вереницы неудачников, возглавлявших страну, следует искать глубокие причины важнейших событий истории.*

КОНЕЦ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИКЛА

Завершился глобальный цикл русской истории. Общество прошло гигантский тысячелетний путь развития государственной жизни. *Он отчетливо разделялся на две части. Первая — прямая инверсия от соборного идеала до крайнего авторитаризма.* Это был переход, через промежуточные этапы, от локальности разрозненных частей общества к объединению

¹⁵⁶ Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи// Из глубины. С. 264.

страны под властью единого отца-тотема, которому была предоставлена власть, разрушительная для локальных миров и в конечном итоге подрывающая свои собственные основы. *Банкротство порядка, связанного с крайним авторитаризмом, привело к обратному процессу, к обратной инверсии, ко второму полупериоду.* Массовое стремление отождествлять Правду с первым лицом, с его решениями инверсионным образом амбивалентно перешло в стремление отождествлять Правду с локальной соборностью. Произошло массовое отпадение от первого лица как от Антихриста, от силы зла, переставшей нести функции тотема, даровать милости, всех равнять, защищать от хаоса и дезорганизации исторически сложившиеся формы жизни. Началось движение к идеалу, при господстве которого, как надеялся Аввакум, не будет всякого начальства и всякой власти. Это движение дошло, преодолевая колебания, до своего логического конца, когда царь, портрету которого еще сравнительно недавно молились, был уничтожен как антитотем. Этому движению противостоят альтернативы, связанные с развитием товарно-денежных отношений, усилением влияния в обществе утилитаризма, либерализма, с качественными сдвигами в культуре, в развитии социальных групп. Они приводили к определенному пониманию нового, но ни разу не смогли преодолеть инерцию истории, выйти за рамки механизма прямой и обратной инверсии, которая, однако, под влиянием прогрессивных изменений, накопления культурного богатства приобретала модифицированный характер. На последнем этапе общество превратилось в хаотическое скопление локальных миров, где силы отталкивания перевешивали силы единства, где идеалом стало локальное соборное сообщество, ошестинившееся против всего, что находилось за его пределами. История окончилась или, как полагали некоторые, лишь с этого момента началась.

Какой же вывод можно сделать из анализа истории страны, охватившей тысячелетний период?

Циклы российской истории могут быть обнаружены и изучены лишь при условии выхода исследования непосредственно на социокультурную реальность, фокусации внимания на историю как воспроизводственную деятельность конкретно-исторического субъекта. Эта самовоспроизводственная деятельность направлена на преодоление постоянно возникающих социокультурных противоречий, противоречий между господствующим массовым нравственным идеалом и реальными социальными отношениями этого субъекта как целого. Субъект постоянно находится под угрозой, что социальная энтропия, потоки дезорганизации окажутся сильнее его способности

предотвратить рост опасности. Перемещение в центр внимания общественного субъекта, а также исследователя этой проблемы имеет важные теоретические и практические последствия как для методологии познания социальных процессов, так и для практики управления обществом.

Важнейшее требование такого подхода заключается в признании критики исторического опыта жизненно важным элементом, включенным в массовую воспроизводственную деятельность. Воспроизводство фактически — рефлексивный процесс, в конечном итоге обращенный субъектом на самого себя, а история — это рефлексивная способность субъекта выходить за собственные рамки.

Человеческая история сталкивается с ростом сложности задач, стоящих перед людьми. Это требует принципиально новых решений, формирования социальных отношений, выходящих за рамки древних сообществ, требует соответствующих культурных форм, соответствующего увеличения творческого потенциала воспроизводственной деятельности, массовой рефлексии истории, всесторонней критики исторического опыта, опыта воспроизводства, требует постоянного формирования альтернатив. *История тем самым превращается в сложный, противоречивый драматический процесс спора человека с самим собой,* с постоянно возобновляемым вызовом истории, является произвольным или непроизвольным результатом стремления людей ответить на этот вызов, т. е. повысить эффективность своей воспроизводственной деятельности, ослабить, устранить опасные для общества внешние и внутренние процессы.

Путь этот оказывается неимоверно трудным и мучительным. Постоянно существует соблазн реагировать на новые условия так же, как на старые, действовать старыми средствами, преследовать старые цели, т. е. свести к минимуму критику исторического опыта, что грозит необратимой дезорганизацией. *В центр понимания, объяснения истории должно перемещаться не стремление производить блага, не изготовление орудий, не метафизическая вера или утилитарные ценности, хотя и без всего этого нет истории. Все это лишь разные стороны одного процесса, т. е. способности человека выходить за свои собственные исторически сложившиеся рамки через идеальную и практическую рефлексю.* Этот путь не прямолинеен, он не предрешен, не запрограммирован. Человек находится под воздействием инерции истории, запечатленной в культуре, в социальных отношениях, на него действуют явные или скрытые тенденции всей прошлой истории, которая всегда с ним. Человек, возможно, не сознавая

этого, повисает над непроходимой пропастью между тем, что он хотел бы видеть, и тем, что реально видит, между тем, чего он хочет, и тем, что может, между своими надеждами и реальностью, между самосознанием своего Я и оценкой этого Я обществом и т. д. Этот разрыв, который может дойти до раскола, причиняет людям бесконечные страдания. От них ведут два пути. Один — к нравственному упадку, к озлоблению против не оправдавшего надежды реального мира, что является попыткой уничтожить его, истребляя тех, кто персонифицирует негативность мира. Но это путь к самоубийству, к разрушению собственного дома. Однако есть и другой путь. Он лежит в творческом преодолении человеком своей ограниченности, в прогрессивном саморазвитии, в рефлексии.

В любом обществе заложена способность поиска устойчивого состояния. В этом поиске Россия, постоянно захлестываемая кризисом, опасностью омертвления государства, выбрала странный колебательный маршрут. Он диктовался древним инверсионным типом принятия решений, и поэтому история представляла собой цепь переходов от одной крайности к другой и одновременно альтернативное стремление преодолеть эти крайности. Инверсионное движение проникалось медиацией, развитием, поступательным прогрессом общества, техники, науки, возникновением новых ценностей, усложнением общества и государства, ростом рефлексии. Поэтому инверсии не возвращали общество к исходной точке, а постоянно смещали точку возврата в соответствии с более высоким уровнем медиации, что не исключало возможность разрушительного для медиации обратного процесса. Инверсия, оставаясь по своей природе движением в статичной ситуации, совмещалась с поступательным развитием, становилась как формой этого развития, так и силой, парализующей прогресс. Отсюда *формирование глобального модифицированного инверсионного цикла: глобального, так как он охватывает значительный период истории страны; модифицированного, так как первоначальная исходная инверсионная логическая клеточка в результате роста медиации, накопления срединной культуры деформируется, распадается на этапы. Инверсия и медиация как логические категории имеют реальный социальный смысл, воплощаемый в социальных процессах, в истории общества.*

Первый полупериод глобального цикла, характеризуемый в иных терминах, означал, что динамика страны, испытывая колебания, шла к утверждению государственности, подавлению локализма. С. Соловьев понял этот процесс как формирование единого государства в борьбе с родовыми отношениями. Второй полупериод — от крайнего авторитаризма до краха государ-

ственности в 1917 году. Динамика страны повернула назад, к торжеству догосударственного локализма. Этот аспект истории, однако, остался вне внимания С. Соловьева. Первый процесс можно рассматривать как *прямую инверсию*, второй — как *обратную*. Первый процесс означал преобладание массового согласия на государственность, хотя и в неадекватных, мифологических формах. Его воспроизводство происходило на основе экстраполяции ценностей догосударственных локальных сообществ на большое общество. Этот процесс, разумеется, не мог осуществляться без определенного элемента интерпретации, определяемого попытками нащупать специфику государственной жизни.

Второй полупериод означал обратный процесс и был результатом снижения ориентации на государственность, разочарования в ней, стремления людей направить свою воспроизводственную деятельность на локальные миры. Результаты дознания, «какие понятия имеют крестьяне о свободе», представленные министру внутренних дел в 1852 году, таким образом раскрывают содержание массовых крестьянских представлений: 1) «государственное управление заменяется общественным крестьянским управлением на мирских сходах», которые в том числе исполняют судебные функции по гражданским и уголовным делам; 2) отказ от оплаты подушных податей, от земских и рекрутских повинностей; 3) «денежное имущество, т. е. капиталы, должны быть уравниваемы между бедными и богатыми крестьянами»; 4) землями владеет чернь, а не помещики. По словам автора записки, подобные идеи господствовали повсеместно, «начиная от гор. Владимира, во Владимирской, Нижегородской, Костромской, частью в Казанской и Вятской губерниях»¹⁵⁷. Эта программа не нуждается в комментариях. Из нее следует, что активизация основной массы населения шла в направлении воспроизводства догосударственных, дофеодальных отношений. Эта тенденция сдерживалась, корректировалась верой в царя, носящей, однако, по своей природе тотемический характер. Государственность существовала, опираясь на массовую веру крестьян, что она служит царю, выполняет его волю. Возрастающая активность архаичных ценностей, направленность обратной инверсии делала эту нравственную основу государственности весьма эфемерной. Механизм этого процесса заключался в том, что в обществе неуклонно усиливалось социокультурное противоречие, которое выражалось прежде всего в противоречии между массовой культурой и государством. Это неизбежно приводило к перио-

¹⁵⁷ См.: *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 296-297.

дическим банкротствам господствующего нравственного идеала.

В связи с этим нельзя не коснуться споров о характере крестьянских движений в России. Одни историки утверждают, что они имели антифеодальный характер, расшатывали основы феодализма и тем самым расчищали путь капитализму, а следовательно, в конечном итоге и социализму. Другие исходили из того, что крестьянские движения не выходили за рамки феодализма. Мне кажется, что возможна еще одна гипотеза. *Если понимать под феодализмом не европейскую модель, а власть некоторого среднего звена между локальными мирами и высшей властью, кормящуюся за счет локальных миров, то крестьянское движение носило безусловно антифеодальный характер. Однако эта оппозиция боролась с феодализмом с дофеодальных позиций.*

Обычный инверсионный цикл включает три состояния, т. е. исходный полюс, например, соборный идеал, противоположный полюс, например, авторитарный идеал, и вновь исходный полюс, но уже обогащенный прохождением через прямую и обратную инверсии. В случае существенной модификации цикл в идеальном случае превращается в модифицированную инверсию, включающую семь состояний. Этот переход вполне естествен. Каждый из двух переходов нормального инверсионного цикла в результате возникновения вялой инверсии превращается в тройной переход. Например, переход от соборного идеала к крайнему авторитарному испытывает дополнительные колебания от соборного к раннему авторитаризму. Это колебание компенсируется отходом от авторитаризма к идеалу всеобщего согласия, и лишь после этого общество переходит к крайнему авторитаризму. Следовательно, прямая модифицированная инверсия включает семь состояний (именно семь, а не восемь, так как крайний авторитаризм, составляя последнее состояние прямой инверсии, одновременно является первым состоянием обратной).

Сочетание двух типов социальных изменений — инверсионно-колебательного и прогрессивно-поступательного — привело в России к расколу между ними. Раскол является результатом противопоставления двух форм социокультурных изменений, двух форм принятия решения, двух форм социальной интеграции, двух менталитетов. История страны сложилась таким образом, что сложность и масштабы большого общества существенно опередили развитие медиации, способности людей формировать срединную культуру, социальных форм интеграции общества. Это парализовало развитие общества и даже поворачивало его вспять. Инверсия, ее переход от

одной крайности к другой связаны подчас со сложными внутренними конфликтами. В различных слоях общества могут происходить разные, подчас противоположно направленные процессы. В одних слоях начинается обратная инверсия, в других продолжается движение прямой инверсии. Одновременно может происходить борьба за преодоление инверсионной формы движения вообще. Но победа в рамках определенного этапа остается за тем из процессов, за которым стоит основная часть народа, основной энергетический ресурс. При этом альтернативные тенденции как некоторый элемент культурного богатства отесняются на задний план. Раскол приобретает множество различных форм. Важнейшая из них заключается в расколе между ростом потребности общества в благах и отставанием потребности в развитии воспроизводства, соответствующего более сложным эффективным формам труда, необходимым для удовлетворения этих потребностей. Углубление этой формы раскола привело к тому, что постепенно в ситуации, когда экстенсивные формы попыток преодолеть это противоречие все больше сталкивались с ограниченностью ресурсов (например, ограниченностью земли), раскол стал приобретать форму столкновения внутри народной почвы. В этой борьбе за Правду активизировались архаичные пласты культуры, неотделимые от локализма, уравнительности и т. д. Это не могло не привести к трагическим последствиям.

Раскол законсервировал архаичные циклы, транслировав их в сложное общество, где они приняли разрушительный характер. Их проявления и результаты многообразны, о чем справедливо пишет А. Янов: «В какой другой стране могло случиться, чтобы одно и то же политическое нововведение понадобилось вводить снова и снова — дважды, трижды... Трагедия сталинизма столетия спустя повторила трагедии грозненской опричнины и петровского террора. В этом смысле русская история, можно сказать, постоянно беременна трагедией»¹⁵⁸. Анализ циклов позволил Янову увидеть закономерную смену реформ контрреформами.

Проделанное исследование дает основание для определенных выводов о самобытности истории страны. Проблема самобытности неотделима от специфики исторического пути России, от реальных возможностей и способностей общества ее разрешить. *Центральный элемент самобытности — существование раскола*, который пронизывает культуру, социальные отношения, воспроизводственную деятельность, личность. Раскол сформировался в результате исторически сложившегося

¹⁵⁸ Янов А. Если перестройка потерпит поражение...// Общественные науки. 1990. № 3. С. 46, 47.

промежуточного положения России как страны, находящейся между двумя суперцивилизациями: традиционной, где господствующее место занимает статичное воспроизводство, стремление сохранить соответствующие ценности, и либеральной, основанной на интенсивном воспроизводстве. История России сложилась таким образом, что она уже перестала быть страной чисто традиционного типа и одновременно не стала страной либерального типа. Можно сказать, что здесь сложилась особая промежуточная цивилизация. Раскол не позволяет обществу ни перейти к либеральной суперцивилизации, ни вернуться к традиционной. Отсюда постоянные мучительные пароксизмы, постоянные шараханья между попытками приобщения к ценностям, нашедшим высшее воплощение в либеральной суперцивилизации (наука, техника, развитый рынок и т. д.), и попытками приобщения к ценностям традиционной суперцивилизации — уравнительности, локализму.

Для истории страны характерно ослабление единого древнего органического нравственного идеала, способного интегрировать общество. Это превращает возможность раскола в угрозу существованию общества. Для ее сдерживания необходимы особые методы, в частности, гибридные нравственные идеалы. Такие идеалы оказываются возможными на основе развития утилитаризма.

Циклы истории России держат государственность, интеграцию общества под постоянной угрозой краха. Последний не обязательно происходит в результате бунта или действий чисто политических механизмов. Люди просто могут перестать воспроизводить государство, поддерживать его своей социальной энергией, ресурсами, например, крестьяне могут перестать поддерживать государство, общество хлебом, уплатой налогов и т. д. *Катастрофа может наступить в результате роста разнообразия, превосходящего конкретно-исторические возможности обеспечивать единство. В этом случае рост разнообразия из позитивного процесса превращается в рост дезорганизации, которая, достигая порогового состояния, приводит к катастрофе. Эта катастрофа не одномоментный акт. Падение социальных интеграторов неизбежно влечет за собой попытку последующей интеграции. Эта попытка может иметь разрушительные последствия, т. е. быть реальным развитием, продолжением начавшейся дезинтеграции. Например, гражданскую войну в России после 1917 года можно рассматривать как борьбу двух версий интеграции.*

Инверсионные повороты, наступление нового этапа были актами определенной исторической критики, которая отвергла господствующий идеал предыдущего как несостоятельный.

Тем самым изменялись условия решения медиационной задачи, формы соединения государственности и массового сознания. Массовый поворот включал в себя и поворот правящей элиты, которая вырабатывала свою версию этого события, создавала соответствующую форму идеологии. Она, в свою очередь, служила основой для политики, проводимой властью в новых условиях. Эта политика могла быть эффективной, но могла и не суметь решить медиационную задачу, что несло за собой снижение эффективности господствующего уровня воспроизводства ниже критического порога. Критика исторического опыта — массовый процесс, элемент воспроизводства, воспроизводственной деятельности самого человека. Она сама может быть предметом критики силами духовной элиты. Однако в обществе далеко не всегда существовали благоприятные для этого условия. Кроме того, раскол препятствовал тому, чтобы голос духовной элиты мог повысить культурный уровень массовой критики истории. Критика истории носит многоплановый иерархический характер. Историческая наука не может не включать в себя критику исторической практики отдельных групп, всего общества с точки зрения того, в какой степени соответствующий субъект использовал в принятии своих решений весь исторический опыт, способности опереться на свой теоретический потенциал, расширять и углублять его для принятия эффективных решений, для преодоления исторической инерции, для совершенствования воспроизводственной деятельности в соответствии с усложнением вызова истории. Эта критика сама является элементом человеческой истории, необходимой предпосылкой дальнейшей истории, роста рефлексии, медиации.

Анализ логики истории не может быть ограничен лишь частью истории. *Логика всеобща, и каждый дальнейший шаг истории может оказаться творческим актом, преодолевающим ограниченность логики предшествующей истории.* Это преодоление может быть как опровержением, так и развитием, новым витком самой логики. Отсюда необходимость *испытать критикой логику истории в масштабе всей истории страны.* Возможно, это поможет пролить новый свет на весь исторический процесс, на последующие беспрецедентные в мировой истории события, поможет в формировании обоснованного прогноза.